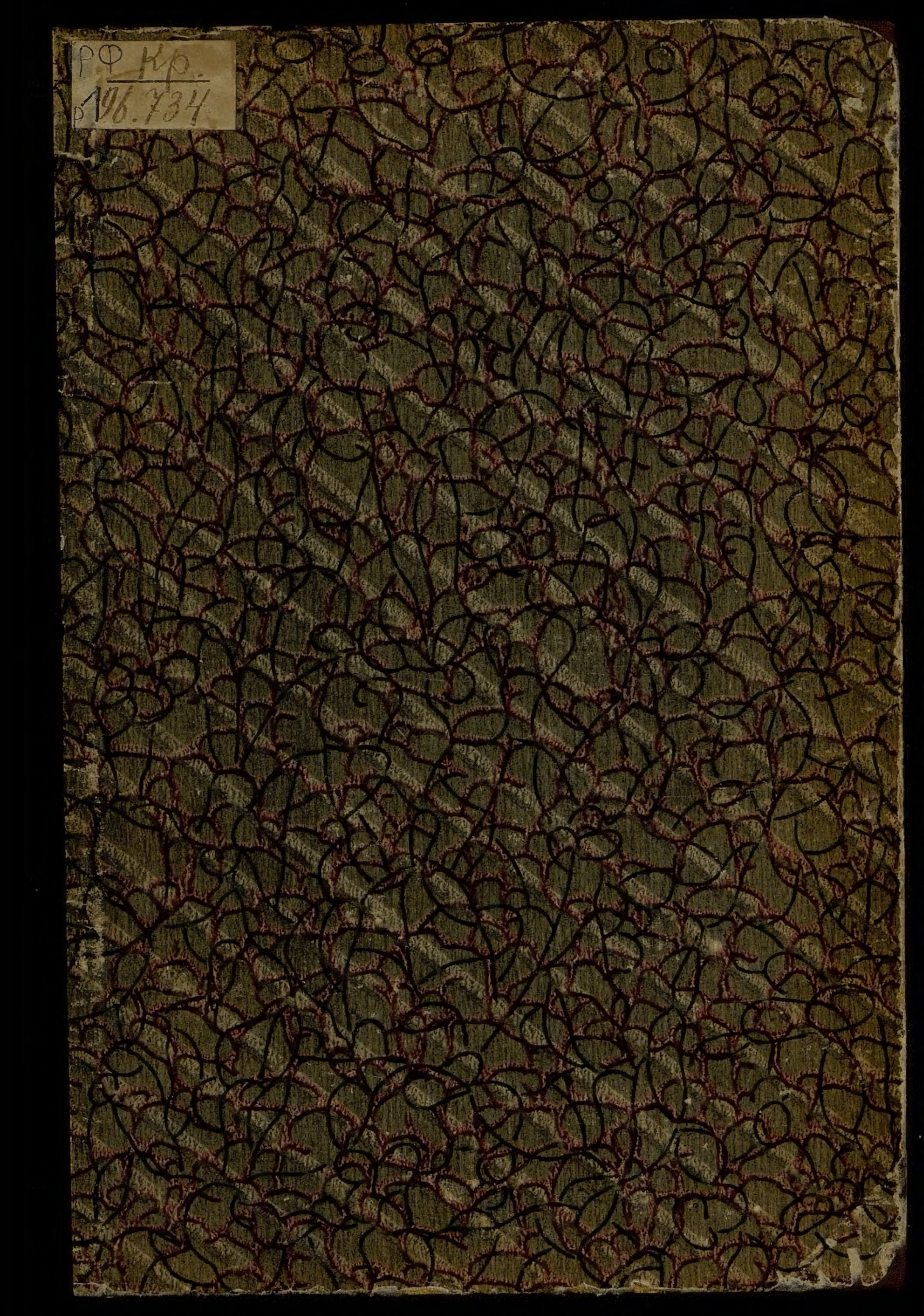
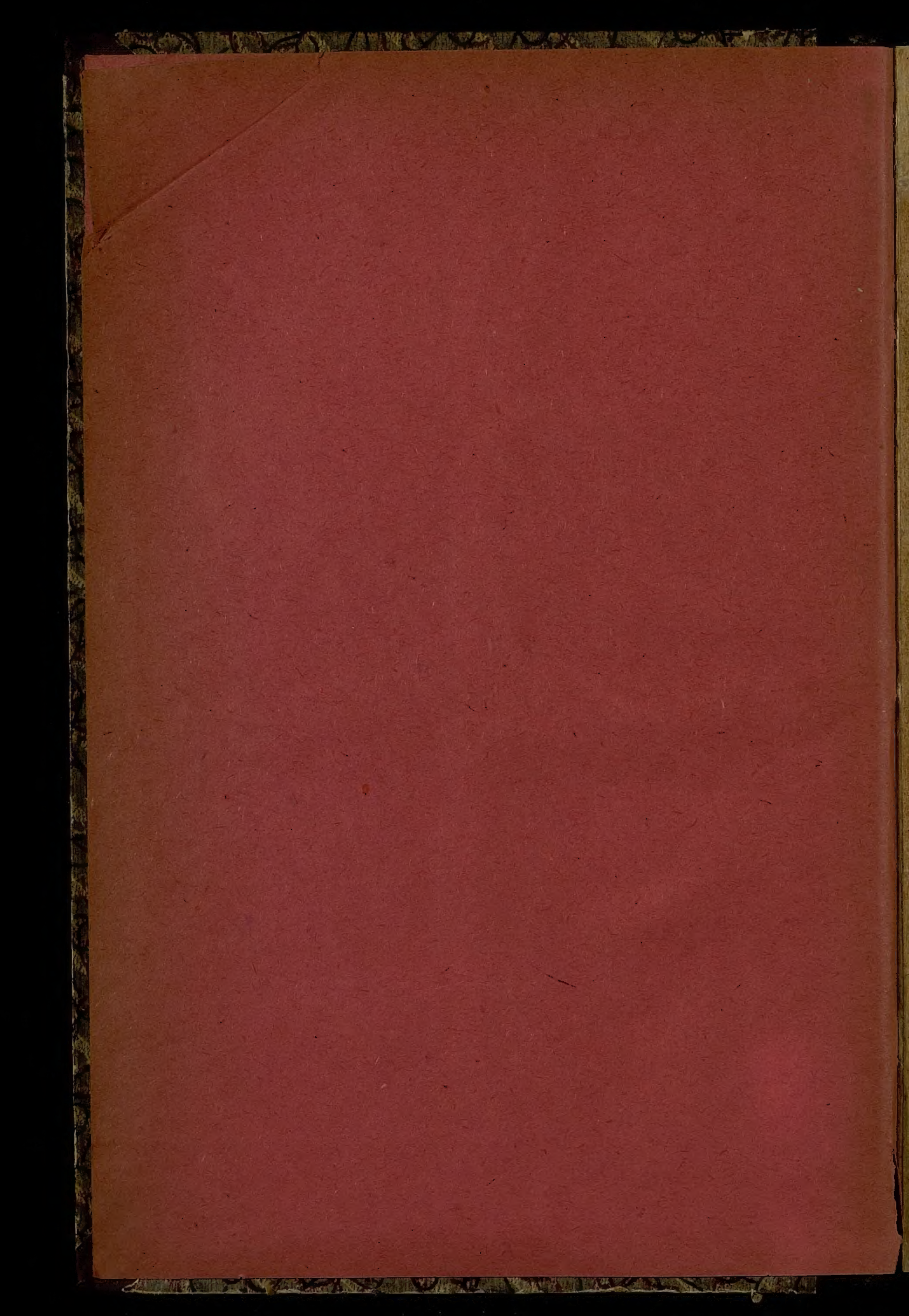
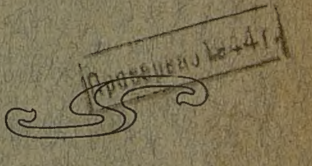
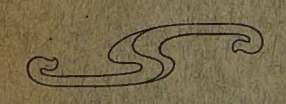

РФ Кр.
р196.734



Изданіе Войскового Штаба Терскаго казачьяго войска.

Гребенскіе, Терскіе и





Кизлярскіе казаки.

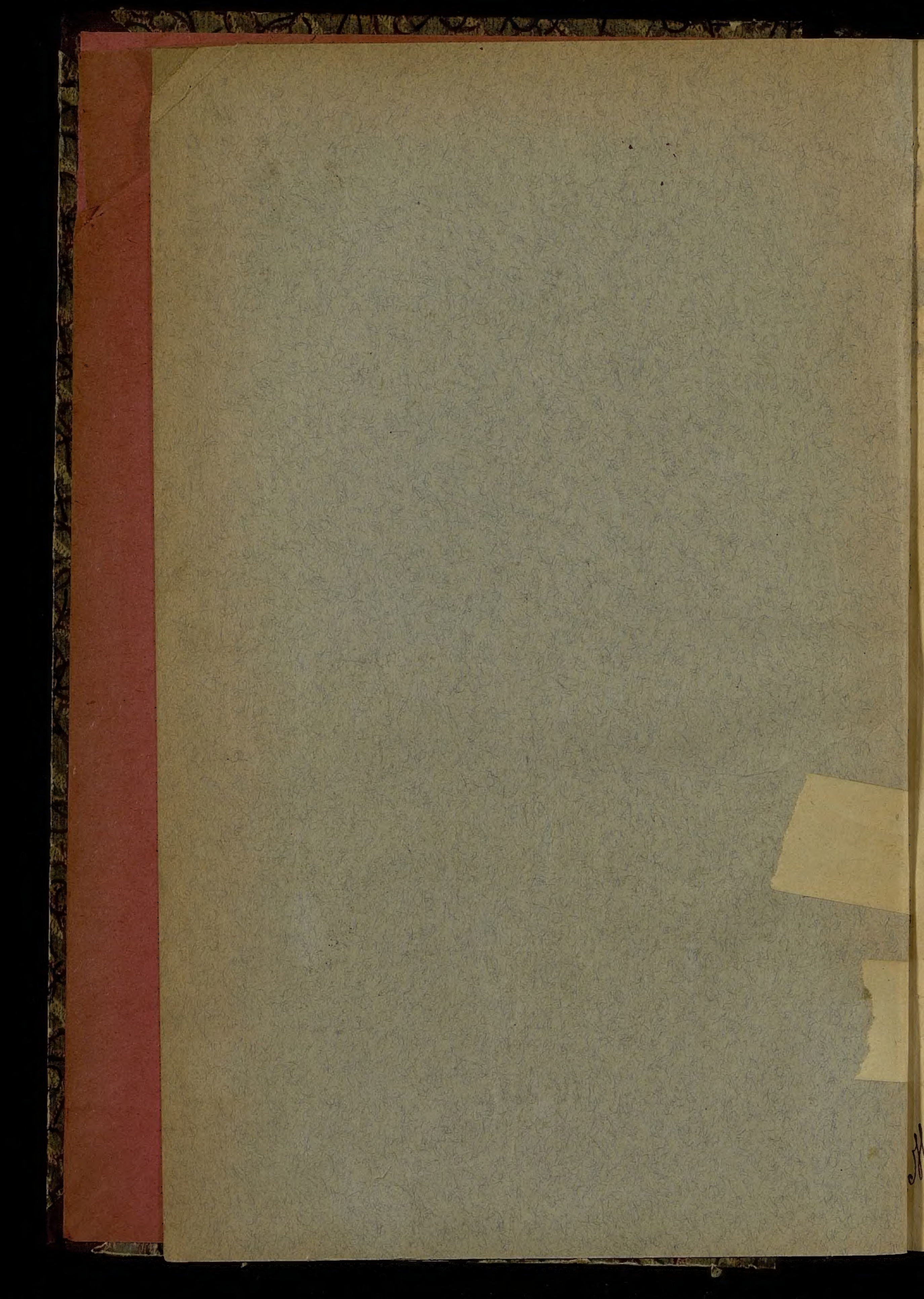
КНИГА

для чтенія въ станичныхъ и полковыхъ школахъ, библіотекахъ и командахъ.

СОСТАВИЛЪ

Г. А. ТКАЧЕВЪ.

ВЛАДИКАВКАЗЪ
Электропечатня Типографіи Терскаго Областного Правленія.
1911.



Гребенскіе, Терскіе и Кизлярскіе

КАЗАКИ.

Книга

ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ СТАНИЧНЫХЪ И ПОЛКОВЫХЪ ШКОЛАХЪ, БИБЛІОТЕКАХЪ И КОМАНДАХЪ.

СОСТАВИЛЪ

Г. А. ТКАЧЕВЪ.

„Одно здѣсь прибавлю: „вы Христіанскій вождь Русскій; докажите Персіанамъ, что мы ужасны на полѣ битвы, но что мирный житель можетъ найти вѣрный покровъ и всегдашнее покровительство среди стана нашего.

На вашу отвѣтственность возлагаю наблюденіе сей моей непреклонной воли".

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I-й.

(Изъ собственноручнаго письма ГОСУДАРЯ генералу Ермолову изъ Москвы 1-го августа 1826 г.).

ВЛАДИКАВКАЗЪ
Электропечатня Типографіи Терскаго Областного Правленія.
1911.

ГРЕБЕНСКІЕ,

ТЕРСКІЕ и КИЗЛЯРСКІЕ

КАЗАКИ.

Горячо любимымъ ученикамъ, подрастающему юношеству и прочимъ грамотнымъ Терскимъ казакамъ посвящаетъ настоящую книгу

Авторъ.

Читайте ее каждый, кто интересуется знать: кто и откуда были первые Терскіе казаки и какъ окрѣпла русская сила на Терекѣ.

Предисловіе.

ИСТОРІЯ—КНИГА НАРОДОВЪ. Каждый народъ обязанъ знать свою исторію, потому что въ ней его прошлое. Памятки боевыхъ полковъ обыкновенно бываютъ небольшія; въ нихъ содержится только самое главное, что воину нужно знать о своей части, чтобы любить ее, гордиться ею, дорожить честью служить въ ней и незапятнанно блюсти честь ея знамени. Настоящая книга—большая. И это не потому, чтобы мы не могли составить маленькой памятки, но потому, что Кизляро-Гребенской полкъ, какъ всѣ казачьи полки, не только воинская часть, объединенная полковымъ знаменемъ, но цѣлый боевой народъ, имѣющій трехсотлѣтнюю исторію. По своей полковой памяткѣ Кизляро-Гребенской казакъ будетъ изучать не только боевые подвиги полка, но прошлую страду своего родного народа. Воспоминанія своего прошлаго каждому пріятны; еще болѣе они пріятны тому, у кого это прошлое не запятнано, не очернено. Кизляро-Гребенцы имѣютъ такое прошлое. Оно есть не у всякаго. Такъ пусть же, когда они будутъ читать эту книгу, воспламенятся ихъ сердца горячею любовью къ доблестнымъ предкамъ, сохранившимъ и создавшимъ намъ это прошлое.

Первая должность всякаго человѣка—любить благородное; вторая—чтить и покоить родителей. Наивысшее счастье имѣетъ тотъ, для кого эти двѣ должности могутъ согласоваться въ одной: чтить и покоить родителей, добродѣтели которыхъ невольно заставляютъ любить ихъ. Думаю, что не ошибусь, причисливъ Кизляро-Гребенцовъ къ такимъ рѣдкимъ счастливцамъ.

Изъ всѣхъ народовъ земли, наиболѣе чтутъ своихъ предковъ китайцы. И на долю этого народа выпало имѣть самое долговѣчное государство; ихъ государство стоитъ около семидесяти столѣтій, тогда какъ сотни другихъ за это время изчезли безслѣдно.

Георгій Ткачевъ.

25 марта 1911 года.
Гор. Владикавказъ.

Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшія столько незабвенныхъ заслугъ Отечеству, сохранили и на будущее время свое воинское назначеніе; твердо надѣюсь, что казаки и впредь, когда понадобится, выкажутъ себя такими же молодцами, какими были всегда.

(Слова ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го къ казачьимъ депутатамъ 5-го ноября 1866 года).

Я привыкъ съ малолѣтства любить и уважать казачество. Я увѣренъ, что въ казачествѣ останется тотъ же духъ, которымъ оно всегда отличалось въ службѣ Россіи. Я буду стараться поддержать казачество въ его настоящемъ видѣ, какъ войско испытанной доблести, столь полезное отечеству.

(Слова ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го 13-го ноября 1881 года).

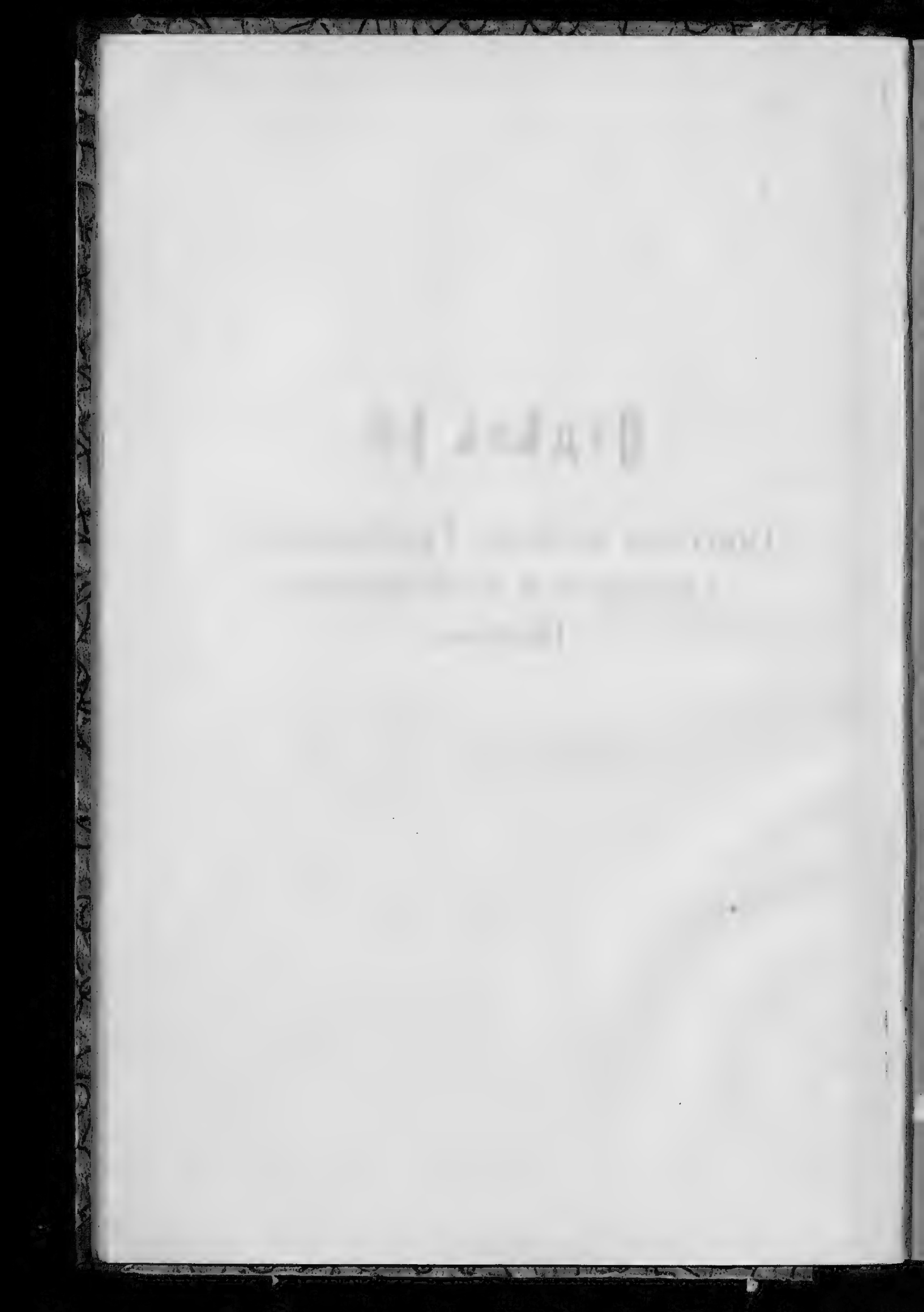
По моему, именно это сосѣдство поддерживаетъ въ Терскихъ казакахъ старую удаль.

(Резолюція ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-го на личномъ ВСЕПОДДАННѢЙШЕМЪ отчетѣ Начальника Терской области и Наказнаго Атамана Терскаго казачьяго войска за 1903 годъ*).

*) ВЫСОЧАЙШАЯ резолюція эта была положена на слѣдующихъ словахъ отчета: „На матеріальное благосостояніе казаковъ Терскаго казачьяго войска оказываетъ самое гибельное вліяніе сосѣдство хищныхъ горцевъ. Не говоря уже объ отсутствіи личной безопасности казака, принужденнаго работать въ полѣ съ оружіемъ въ рукахъ, конокрадство и скотокрадство положительно разоряетъ населеніе, особенно Сунженскаго и Кизлярскаго отдѣловъ".

Отдѣлъ I-й.

Краткая исторія Гребенскаго, Терскаго и Кизлярскаго Войска.



Что такое казачество и какъ оно появилось.

Казакъ есть слуга Государя и Отечества и защитникъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

(Учебникъ для урядниковъ).

Что такое казакъ и что такое казачество?

По ученому опредѣленію, «казачество есть свободное, земское, общинное, вооруженное сословіе, организовавшееся тамъ, гдѣ было возможно избѣгнуть препятствій, которыя общинной жизни ставили князья и бояре». (Проф. *Антоновичъ*).

Бытописатель и историкъ Гребенскихъ казаковъ, генералъ *И. Д. Попко*, это ученое опредѣленіе излагаетъ нѣсколько проще. Онъ говоритъ, что казаки это былъ изстари вооруженный русскій народъ, жившій по далекимъ закраинамъ, куда не достигала царская власть и гдѣ не могло оказывать никакой помощи государство.

Значитъ, казачество это были тѣ смѣлые русскіе люди, которые не боялись выходить за предѣлы русскаго царства въ далекую старину, селились вдали отъ русскихъ границъ и, не имѣя защиты отъ государства, защищались сами, какъ умѣли, отъ безчисленныхъ враговъ, окружавшихъ русскую землю.

Отъ самой колыбели до бранной могилы они были вооружены, къ оружію пріучали своихъ дѣтей, всегда подъ строгой защитой держали и свои жилища.

Необходимость заставляла ихъ самихъ создавать для себя власть и общественный порядокъ и творить у себя судъ и расправу.

Вотъ что называлось и называется русскимъ казачествомъ. Казакъ—въ старину значило—вольный человѣкъ.

Какъ же образовалось казачество? Какъ попадали въ отдаленныя закраинныя мѣста вольные русскіе люди, и когда это было?

Было это очень давно, а попадали русскіе люди разно: одни волею, другіе неволею. Однихъ гнала въ далекую чужбину жестокая нужда, другіе бѣжали отъ петли да отъ плахи. Напримѣръ: бьется, бьется какой-нибудь горемыка на своей родинѣ, все изъ нужды выбиться не можетъ; приходится въ кабалу лѣзть. А кабалой называлась тогда запродажа себя въ вѣчные рабы за деньги какому-нибудь богатому человѣку. Попалъ въ кабалу—значитъ, простился съ вольной волею навѣки, записался въ рабы съ потомствомъ. Отдавали тогда въ кабалу и за долги, какому должнику заплатить было нечѣмъ. Куда податься такому человѣку; какъ не бѣжать, куда глаза глядятъ . . . Другой набѣдокуритъ чѣмъ-нибудь: поссорится съ «міромъ» (т. е. съ обществомъ) или, еще хуже, навлечетъ гнѣвъ суроваго воеводы; иной убьетъ ненарокомъ, а то и съ злостнымъ умысломъ: тѣмъ та-же дорога, бѣжать вслѣдъ за первыми. Находились и такіе, что шли просто пображничать на волѣ, которымъ дома не сидѣлось и трудъ ремесленный или крестьянскій былъ не по душѣ.

Теперь и сбѣжалъ бы какой удалецъ, да некуда: всѣ мѣста позаняты, а тогда въ глухихъ мѣстахъ было приволье. Русское царство ютилось только около Москвы, въ мѣстахъ лѣсныхъ и холодныхъ, укрытыхъ отъ дикой татарской орды, ко-

торая облегала святую Русь съ юга и съ востока, какъ черная туча. Всѣ обширныя степныя мѣста, по низовьямъ большихъ русскихъ рѣкъ, были не заселены. Днѣпръ, Донъ, Низовая Волга, далекій Уралъ, Кубань, Кума, Терекъ,—находились за предѣлами тогдашняго русскаго царства*).

Не жили по этимъ рѣкамъ и осѣдлыя другія племена, потому что кочевавшая татарская орда гнала всякій мирный земледѣльческій народъ въ лѣсныя дебри и неприступныя горы.

Но власть орды постепенно падала. Русское царство крѣпло и росло; орда разсыпалась, таяла. На Куликовскомъ полѣ Димитрій Донской (1380 г.) далъ ордѣ первый грозный ударъ, отъ котораго она потомъ не оправилась. За первымъ ударомъ послѣдовали другіе. Дѣло быстро подошло къ развязкѣ.

Въ 1552 году покорилъ царь Иванъ Васильевичъ злую, грозную Казань, а въ 1556 году пало подъ его высокую руку и царство Астраханское. Оставалось одно непокоренное царство—Крымское; но оно было въ далекомъ уединенномъ Крыму и пути въ вольныя прикаспійскія и прикавказскія степи русскимъ не загораживало.

Такимъ образомъ, съ 1556 года открылась съ Руси широкая дорога до самыхъ горъ Кавказскихъ.

Съ паденіемъ орды, степныя пространства очистились, устья великихъ русскихъ рѣкъ открылись и степныя дороги стали безопасными и проѣзжими. Но кромѣ великаго русскаго государства, Москвы, другихъ сильныхъ царствъ по близости не было; мелкія кавказскія земледѣльческія племена, ютившіяся въ горахъ да въ лѣсныхъ трущобахъ, выходить въ открытыя степи еще боялись:—вотъ и хлынули въ эти степи охочіе люди съ русской земли, т. е. тѣ, о которыхъ говорилось выше. Съ ними вмѣстѣ хлынули и всѣ тѣ, кому тѣсно

*) А между тѣмъ, всѣ эти мѣста съ древности хорошо были извѣстны русскимъ. Сюда ходили походами Святославъ, Мстиславъ и др. князья, а на устьяхъ Кубани было даже, при дѣтяхъ св. Владиміра, особое русское княжество—Тмутараканское (1022—1094 г.г.).

было жить на святой Руси, подъ крѣпкимъ царскимъ закономъ да подъ грозными воеводами. Бѣжали безземельные крестьяне, бѣжали панскіе холопы, бѣжали кабальные люди, несчастные плѣнники.*) Отсюда и пошли вольные казаки.

Были еще казаки государевы; но тѣ служили службу государеву, оберегали границы государтства и стояли по укрѣпленнымъ пограничнымъ городкамъ («городовые казаки»). Тѣ получали и жалованье государево.

Вольные казаки появились сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ: на Дону, на Днѣпрѣ, на Терекѣ и на Уралѣ. Прежде всего они появились на Дону, еще задолго до сверженія монгольскаго ига. Жили сначала они у верховьевъ этой рѣки, въ Рязанской области, а впослѣдствіи подвинулись къ ея устьямъ. Затѣмъ вольное казачество проникло на Днѣпръ, на Волгу, на Уралъ, на Терекъ, перекинулось за Уральскій хребетъ, въ Сибирь, за Байкалъ, на Амуръ и достигло береговъ Великаго океана.

Чѣмъ же жило вольное казачество?

Жить въ одиночку въ пустынныхъ дикихъ мѣстахъ было невозможно. Каждую минуту могли наскочить враги, нужно было защищаться. Вольные казаки собирались ватагами, ютились въ крѣпкихъ прибрежныхъ мѣстахъ, въ камышахъ, по лѣснымъ предгорьямъ и промышляли, чѣмъ Богъ пошлетъ.

Большею частью кормились они рыболовствомъ; земледѣліемъ же заниматься было трудно, потому что жили казаки безъ женъ, хозяйства домашняго вести было не съ кѣмъ и некому. Но главнымъ занятіемъ вольнаго казачества было «молодечество», т. е. попросту говоря—разбой; только разбой этотъ производился надъ людьми чужой вѣры и чужого племени, потому вольные казаки въ немъ грѣха не видѣли и считали его войной съ невѣрными. Военное же ремесло въ древнія

*) Плѣнныхъ въ тѣ времена также обращали въ рабы или продавали.

времена было въ почетѣ. Только съ теченіемъ времени вольные казаки стали семьянинами и хозяевами. Такъ какъ женъ своихъ казакамъ приходилось отвоевывать, воровать или покупать, то у нихъ существовали сначала жены «невѣнчальныя», при чемъ, если казаку попадалась жена отъ другого мужа, то, чтобы не вводить въ свою семью чужого отродья, первыхъ рожденныхъ дѣтей отъ такихъ женъ казаки убивали. . . Такіе нравы существовали въ то время.

Управлялись казаки общественнымъ сходомъ или кругомъ, на который сходились всѣ, способные владѣть оружіемъ. На кругу рѣшали казаки всѣ свои дѣла, чинили судъ и расправу. На кругу же избирали походнаго атамана и всю войсковую старшину: есауловъ, станичныхъ атамановъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, войсковыхъ писарей и хорунжихъ. Старше и выше круга у казаковъ власти не было. Царь Московскій, котораго казаки всегда чли, былъ далеко, и служить ему службу и получать его «жалованье» вольные казаки стали уже позже, когда царство Московское расширилось настолько, что казачьи вольныя станицы и городки стали соприкасаться съ передовыми городами государевыми . . . Расширяя свои границы, государи въ отдаленныхъ краяхъ строили крѣпкіе остроги и города (т. е. крѣпости), посылали туда служилыхъ (т. е. военныхъ, ратныхъ) людей и воеводамъ этихъ отдаленныхъ царскихъ городковъ наказывали привлекать на царскую службу и вольныхъ казаковъ, обѣщая имъ за то жалованье (отъ слова жаловать, т. е. награждать) государево. Такъ всѣ вольные казаки мало-по-малу перестали быть вольными, а перешли на царскую службу, стали всѣ государевы.

Теперь казаковъ трудно отличить отъ прочихъ русскихъ людей. Особенность ихъ только въ томъ, что служатъ они всѣ поголовно и на всемъ своемъ снаряженіи (казенная дается только винтовка). Еще у нѣкоторыхъ казаковъ сохранилась особая старинная казацкая форма.

Въ настоящее время въ Россіи существуютъ слѣдующія

казачьи войска: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Семирѣченское, Забайкальское, Амурское и Уссурійское.

Такъ изъ древняго казака, вольнаго человѣка, вора и разбойника, выработался современный казакъ, слуга Государю и Отечеству, защитникъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ и неустрашимый передовой боецъ подъ знаменами царскими на всѣхъ обширныхъ окраинахъ царства русскаго. Во всякую несчастную годину военную казачество поднимается всѣмъ мужскимъ своимъ составомъ и выставляетъ въ поле до 150.000 отважнаго коннаго войска.

Откуда пошло Терское войско.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой. . . .
Пушкинъ.

Терское войско, къ которому принадлежитъ Кизляро-Гребенской генерала Ермолова полкъ, имѣетъ въ настоящее время 1964109 десятинъ земли, заключаетъ въ себѣ 226272 жителей и въ военное время выставляетъ 12 конныхъ шестисотенныхъ полковъ и двѣ конныхъ 6-ти орудійныхъ батареи, т. е. всего около 10/т. конной ратной силы. Оно раздѣляется на четыре отдѣла, по одному строевому полку мирнаго состава въ каждомъ отдѣлѣ, въ военное же время каждый полкъ разворачивается на три. Управляетъ всѣмъ войскомъ свышеназначаемый Наказный Атаманъ, онъ же и Начальникъ Терской области; а въ каждомъ отдѣлѣ правитъ особый Атаманъ отдѣла. Атаманами отдѣловъ назначаются заслуженные полковники по преимуществу изъ лицъ самого казачества. Четыре отдѣла Терской области слѣдующіе: Сунженскій, Пятигорскій, Моздокскій и Кизлярскій. Четыре полка: Кизляро-Гребенской, Горско-Моздокскій, Волгскій и Сунженско - Владикавказскій. Войско состоитъ изъ семидесяти казачьихъ станицъ, изъ которыхъ въ Кизляро-Гребенскомъ полку находятся слѣдующія станицы: Александрійская, Александро-Невская, Бороздинская, Дубовская, Каргалинская, Курдюковская, Старогладковская, Гребенская, Шелкозаводская, Щедринская, Червленная, Николаевская, Калиновская, Савельевская, (по Тереку); Каха-

новская, Ильинская, Петропавловская, Грозненская, Заканъ-Юртовская, Ермоловская (по Сунжѣ); и Борятинская (при горячихъ ключахъ).

Главнымъ городомъ Терской области считается Владикавказъ, расположенный при выходѣ изъ горъ рѣки Терека, въ одной изъ лучшихъ предгорныхъ равнинъ области. Во Владикавказѣ 71105 жителей.

Кромѣ Терскихъ казаковъ, въ Терской области живетъ еще болѣе 900/т. неказачьяго русскаго и туземнаго населенія, при чемъ неказаковъ русскихъ 238945 человѣкъ; изъ туземцевъ слѣдующіе: Чеченцы—230522 ч., Осетины—130117 ч., Кабардинцы—98104 ч., Ингуши—53881 ч., Ногаи—36252 ч., Кумыки—30874 ч. и остальные горцы—36263 ч. Туземные народы имѣютъ свое особое управленіе, независимое отъ казачьяго. Они раздѣляются на шесть округовъ и одно (Караногайское) приставство; туземные округа: Владикавказскій (осетины), Нальчикскій (кабардинцы), Назрановскій (ингуши), Грозненскій и Веденскій (чеченцы), Хасавъ-Юртовскій (кумыки).

Начало Терскому войску положили гребенскіе и терскіе вольные казаки, которые появились въ нынѣшнихъ терскихъ предѣлахъ съ двухъ сторонъ почти одновременно: со стороны суши и со стороны моря. До паденія второго татарскаго царства (Астраханскаго), степныя мѣстности по берегамъ Кумы и по Тереку, какъ уже сказано, не были заняты осѣдлымъ населеніемъ. Бывшіе прежде здѣсь города (напр. Маджары) лежали въ развалинахъ. А между тѣмъ здѣсь изстари проходилъ большой сухопутный торговый трактъ изъ Крыма въ Кизилбаши (Персію), черезъ владѣнія дагестанскаго князька, Шамхала Тарковскаго, столица котораго, крѣпкій городокъ Тарки, лежала на предгорьяхъ, близъ нынѣшняго города Петровска. Этотъ путь, начинавшійся отъ турецкаго города Азова, у устьевъ Дона, шелъ сначала на Куму, а затѣмъ перекидывался въ кабарду, къ пятигорскимъ черкасамъ и направлялся отту-

да на Терекъ, который крымскія орды, какъ видно изъ дѣла воеводы Новосильцева (см. ниже), переходили недалеко отъ впаденія Сунжи, т. е. приблизительно ниже теперешней Николаевской станицы или повыше стараго Щедрина.*) По правому берегу Терека здѣсь тянутся невысокіе, частью лѣсистые, частью голые, горные хребты, заворачивающіе сюда отъ лѣваго берега Сунжи. Хребты эти были извѣстны въ то время подъ именемъ Гребней, и послужили первымъ убѣжищемъ проникшихъ сюда съ суши русскихъ поселенцевъ, гребенскихъ казаковъ. Съ очищеніемъ притеречныхъ, прикумскихъ и прикаспійскихъ степей, сюда сразу должны были хлынуть русскіе бѣглецы, притокъ которыхъ потомъ уже никогда не прекращался. Путь имъ лежалъ съ верховьевъ Дона и отъ Камышинскихъ волжскихъ притоновъ на указанный торговый трактъ прямой и русскимъ давно знакомый, потому что этимъ путемъ русскіе князья и русская дружина ходили на поклонъ и на службу къ татарскимъ ханамъ еще во время татарщины. Выгоды же поселенія здѣсь были огромныя. Мѣсто далекое, прекрасно укрытое. Съ лѣвой стороны Терекъ, съ правой стороны Сунжа—ограждаютъ крутые плоходоступные обрывы Гребенскихъ горъ, которые особенно круты и особенно недоступны со стороны Сунжи, противъ Качкалыковскаго ущелья. Построенные здѣсь казачьи городки прекрасно укрывались отъ глазъ, а между тѣмъ изъ нихъ вся степь на оба берега видна была на всѣ три стороны, отъ Пятигорской Кумы до моря. Для вольныхъ казаковъ, занимавшихся молодечествомъ, лучшихъ условій трудно придумать. Богатая добыча здѣсь сама валилась въ руки, не говоря о возможности и дальнихъ походовъ. А между тѣмъ и для домашняго хозяйства было боль-

*) Это т. с. путь предположительный. Настоящій шелъ двумя дорогами: черезъ Кабарду, у Татартупа и затѣмъ по Сунжѣ, и черезъ Моздокъ, по Калаусу или выше, черезъ Ачалукъ. Былъ ещо степной путь изъ Кумыкъ на Маджары, черезъ Сунжено городище, что нынѣ у станицы Шелкозаводской. Этимъ путемъ, надо полагать, везли тѣло Великаго князя Михаила Тверского убитаго близъ Дербента, ибо сказано, что его везли до Маджаръ три дня.

шое приволье. Прекрасная земля, укрытая мѣстность —давали возможность крѣпко осѣсть здѣсь гребенскимъ казакамъ и завести прочную осѣдлость на долго: около полутораста лѣтъ они не сходили съ насиженнаго мѣста. Были здѣсь у нихъ сады, конскія табуны и прибыльное хлѣбопашество, чего не могло быть ни у одного изъ тогдашнихъ казачествъ. Поселившись въ укрытыхъ Гребенскихъ горахъ (въ гребняхъ), гребенцы основались сперва тремя городками: Шадринымъ, Гладковымъ и Курдюковымъ, по имени трехъ первоначальныхъ своихъ осадчихъ (атамановъ): Шадры, Гладкаго (Глядкова) и Курдюка. Впослѣдствіи отъ умножившихся пришлыхъ людей и перебѣглыхъ мѣстныхъ народовъ,—чеченцевъ, кабардинцевъ, ногаевъ, кумыкъ, которыхъ казаки охотно въ свои городки принимали и крестили,—населеніе гребенцовъ такъ умножилось, что основались два новыхъ городка: Новый Гладковъ и Червленкинъ, отъ имени новаго осадчаго—Червленки. Историкъ древнихъ донскихъ казаковъ, генералъ Ригельманъ, со словъ старожиловъ—казаковъ его времени (1735—70 г.г.), сообщаетъ о мѣстѣ первоначальнаго поселенія гребенцовъ, что «первоначальное убѣжище таковыхъ бѣглецовъ было въ урочищахъ Голаго Гребня, въ ущельѣ Павловомъ при Гребнѣ и ущельѣ Кашлаковскомъ и при Пимоновомъ Дубѣ».

Другіе, проникшіе на Терекъ, казаки были терскіе. Терекъ въ тѣ отдаленныя времена назывался Теркою*). Казаки осѣли на самомъ берегу Терека, почему и естественно ихъ названіе терскими. Было это у самыхъ устьевъ рѣки, близъ Каспійскаго моря. Терекъ здѣсь разрывается на множество рукавовъ, въ водополье широко разливается, почему всѣ прибрежныя мѣста покрыты густыми зарослями камыша и представляютъ для всякаго рода гуляющихъ людей самые желанные притоны. Проникли сюда русскіе казаки съ моря и осѣдали они здѣсь не надолго. Хотя они здѣсь на разныхъ Терскихъ

---

*) Или Теркомъ (Теркъ).

рукавахъ: Быстрой, Брянцѣ, Ерикѣ Баклаковскомъ построили себѣ крѣпкіе городки, но спасались въ нихъ только во время опасности. Въ остальное же время они разсыпались по прибрежнымъ камышамъ, гдѣ съ успѣхомъ ловили рыбу, охотились на лисицъ, а также грабили и обирали проѣзжихъ купцовъ и охотившихся инородцевъ, у которыхъ отнимали не только добычу, но и мелкую рухлядь*) и оружіе. Казаки эти часто ходили въ море и то прибывали, то вновь убывали. Еще до прихода русскихъ казаковъ, существовалъ здѣсь вольный притонъ всякаго сброда изъ кабарды и сосѣднихъ ногаевъ и кумыковъ, называвшійся Тюмень, по рѣкѣ Тюменкѣ,*) составлявшей одинъ изъ протоковъ Терека. Сбродъ этотъ также вливался и въ русскую массу низовыхъ терскихъ казаковъ, отчего она была не менѣе разноплеменна, чѣмъ гребенское войско. Къ терскимъ казакамъ сюда приплывали часто также яицкіе казаки, какъ равно вся терская ватага отплывала и часто на Яикъ. Вообще, эти первые вольные терскіе казаки людьми осѣдлыми не были и домашняго хозяйства не знали. Это въ полномъ смыслѣ были гуляющіе люди, отважные морскіе разбойники.

*) Отписка воеводы Хворостинина. Бѣлокуровъ, стр. 73 и 74.

**) Тюмень по татарски: топкое болотистое мѣсто.

Какъ появилась на Терекѣ первая власть Государева.

«Если казаковъ по Тереку и въ Гребняхъ не будетъ, то Русскому городу будетъ большая тѣснота».

Изъ стариннаго воеводскаго донесенія.

Почти одновременно съ гребенскими и терскими казаками проникла на Терекъ и царская власть.

Въ 1554 году Пятигорскіе Черкасы, или нынѣшніе кабардинцы, утѣсняемые и тревожимые съ одной стороны шамхаломъ Тарковскимъ, съ другой состоявшими въ зависимости отъ турокъ Крымскими ханами, прослышавъ о грозныхъ успѣхахъ Москвы подъ Казанью, прислали въ Москву большое посольство и просили царя Іоанна IV-го Васильевича (Грознаго) принять ихъ подъ свою высокую руку и защитить отъ утѣснителей. Въ 1557 году ихъ примѣру послѣдовали «Черкасы Кабардинскіе». Царь Іоаннъ эти посольства принялъ и въ 1559 году послалъ на Терекъ свое первое царское войско, противъ шамхала Тарковскаго. Войско это смирило шамхала и даже его самого заставило признать русское подданство. Но видно подданство это было неискреннее, потому что въ слѣдующемъ 1560 году русскіе опять были подъ Тарками. На этотъ разъ они ходили подъ начальствомъ воеводы Ивана Семеновича Черемисинова. Въ первый свой походъ, въ 1559 году, русскіе побывали и на устьяхъ Терека и покорили подъ русскую власть Тюменскаго князя Агиша.

Въ 1561 году царь Іоаннъ IV-й женился на кабардинской княжнѣ Гуаше*) (Маріамъ—Гауше), дочери князя Темрюка Идаровича, и съ этой поры Пятигорская Кабарда стала вотчиною государевою; охранять ее стали тщательнѣй и чаще стали заглядывать на Терекъ Царскіе воеводы, пока наконецъ навсегда тамъ не утвердились.

Въ 1563 году Григорій Плещеевъ отправился на Терекъ уже не противъ шамхала, а для усмиренія собственныхъ подданныхъ князя Термрюка, противъ него возставшихъ. Съ Плещеевымъ было 500 стрѣльцовъ и 500 городовыхъ казаковъ (сѣверныхъ городовъ), съ 5-ю головами. Эти войска однако на Терекѣ не осѣли, а, исполнивъ свою задчу, возвратились обратно въ Астрахань. Но черезъ 4-ре года, въ 1567 году, туда послано войско уже не для похода, а прямо для *городового дѣла*. Войско это, подъ начальствомъ Астраханскихъ воеводъ, князя Андрея Семеновича Бабычева и Петра Протасьева, построило на Терекѣ, во владѣніяхъ тестя Государева, князя Темрюка, первый царскій городокъ, остатки (валы) котораго до сихъ поръ замѣтны на Терекѣ, верстахъ въ двухъ ниже теперешнѣй старой Щедринской станицы, противъ самыхъ устьевъ Сунжи; на крутыхъ скатахъ валовъ за три столѣтія успѣли уже вырости могучіе дубы и все это мѣсто заросло густымъ лѣсомъ. Для постройки городка съ войскомъ были командированы плотники, а для укрѣпленія взяты были пушки и пищали. Этотъ построенный Бабычевымъ и Протасьевымъ городокъ была первая русская *Терка*, въ которой былъ посаженъ царскій гарнизонъ; иначе говоря, это была первая русская крѣпость въ предѣлахъ нынѣшняго Терскаго Войска**).

---

*) Наречена во св. крещеніи Марьею, скончалась въ 1569 году.

**) Былъ еще раньше (въ 1563 году) построенъ на Терекѣ, для защиты князя Темрюка, русскій городокъ; но гдѣ онъ былъ, съ точностью неизвѣстно. Полагаютъ, что близъ Татартупа, въ нынѣшнемъ минаретскомъ ущельи. Онъ ставился для защиты князя Темрюка отъ возставшихъ противъ него черкасовъ.

Крѣпость эта просуществовала не долго. Турки сильно тревожились утвержденіемъ русской власти на Терекѣ, на важномъ торговомъ пути изъ Крыма въ Дагестанъ, и по настоянію Турецкаго султана Селима городокъ этотъ былъ упраздненъ, а царскіе воеводы и войска сведены. Это случилось въ 1571 году, послѣ громкаго, но неудачнаго похода Турецкой арміи Касима Паши изъ Азова подъ Астрахань (1569 года).

Однако въ 1572 году Донскіе казаки взяли самый Азовъ, и страхъ, нагнанный на русскихъ турецкими полчищами, нѣсколько разсѣялся.

Московское правительство вновь возвращается къ мысли утвердиться на Терскихъ берегахъ, и въ 1577 году воевода Лукьянъ Новосильцевъ ставитъ новую Терку, на лѣвомъ же берегу, почти на прежнемъ мѣстѣ.

Верстахъ въ 15-ти отъ Щедринской станицы и 10-ти отъ перваго царскаго городка у Усть-Сунчи, на открытомъ степномъ плато, съ лѣвой стороны нынѣшней почтовой дороги изъ Щедрина въ Шелковую, до сихъ поръ видны валы какого-то обширнаго укрѣпленія. Въ формѣ огромнаго квадрата, саж. 300 въ длину и столько же въ ширину, оно ясно рисуется глазамъ проѣзжающаго путника. Видны отверстія бывшихъ четырехъ воротъ, 12 большихъ и 32 малыхъ возвышенія на стѣнахъ, въ видѣ большихъ и малыхъ кургановъ, указывающихъ на присутствіе такого же количества когда-то бывшихъ на нихъ башенъ. Къ крѣпости видны остатки бывшей водопроводной канавы, начинавшейся выше Стараго Щедрина и проходившей черезъ т. н. Кожевникову долину, лучшее въ прошедшее время мѣсто покосовъ щедринцевъ. Рвы, окружавшіе крѣпость, глубокіе досихъ поръ, снабжались, по преданію, подземною канавою, обводнявшею ихъ и проведенною сквозь стѣны крѣпости, что еще теперь ясно замѣтно. На современныхъ картахъ это городище называется «Некрасовской Крѣпостью», щедринцы зовутъ его «Мамаевымъ Городищемъ», и просто «Городищемъ»,

Ногайцы зовутъ его Чигимъ-Кала и утверждаютъ, что до сихъ поръ, припавши къ землѣ, можно въ нѣкоторыя ночи слышать подземный гулъ отъ этой крѣпости. По ихъ преданіямъ, названіе этой крѣпости Чигимъ-Кала*) произошло отъ того, что она «безъ воды была взята», т. е. что ее взяли, отведя воду**).

Если эта старая «Некрасовская Крѣпость» не была городкомъ, построеннымъ Лукьяномъ Новосельцевымъ, то могла служить отличнымъ оплотомъ терской голытьбѣ и кабардинцамъ князья Мамстрюка въ ихъ послѣдующихъ судьбахъ, о чемъ разсказывается ниже. Въ доказательство того, можно указать на найденную въ этой крѣпости старинную пушку, такого точно образца и такой величины, какъ старыя терскія пушки, найденныя въ трехстѣнномъ городкѣ капайцами. Пушка эта хранится въ Терскомъ областномъ музеѣ, гдѣ ее и можно видѣть.

Съ мѣста этой крѣпости все теченіе Терека, отъ Сунженскаго устья верстъ на сорокъ внизъ, по образуемой теченіемъ дугѣ, находится въ области кругозора гарнизона названной крѣпости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она замыкаетъ путь на лѣвую сторону со стороны шамхала и Кумыкской плоскости. Такъ что, съ этой стороны, для охраны пролегающихъ важныхъ путей и упорной обороны, лучшаго мѣста подыскать трудно.

Во второй Теркѣ, въ которой засѣлъ Новосильцевъ съ присоединенными стрѣльцами и казаками, началась первая служба терскихъ казаковъ, о которой самъ Новосильцевъ, въ быт-

---

*) Чигимъ-Кала значитъ брошенная крѣпость.

**) Вотъ это преданіе. Когда осаждавшіе хотѣли уже прекратить осаду, не будучи въ состояніи добиться, откуда берется въ крѣпостныхъ рвахъ вода и какъ пересѣчь ей доступъ, одинъ мудрый старикъ посовѣтовалъ не поить семь дней лошадь и обвести ее затѣмъ вокругъ крѣпости. «Лошадь», говорилъ старикъ, «почуетъ воду». Дѣйствительно, когда уморенную отъ жажды лошадь обводили по степи, она остановилась въ одномъ мѣстѣ и стала бить землю копытомъ. Раскопали и нашли подземную канаву, снабжавшую крѣпость. Канава была перекопана, и крѣпость вынуждена была сдаться.

ность свою посломъ въ Вѣнѣ, въ 1585 году, разсказывалъ Австрійскому Императору Рудольфу II-му слѣдующимъ образомъ:

«Турецкій султанъ писалъ Крымскому къ Мегметъ-Гирею царю, чтобы Мегметъ-Гирей царь шелъ въ Кизилбаши, къ турецкимъ людямъ на помощь, со всею Крымскою ордою, и Крымскій Мегметъ-Гирей царь самъ въ Кизилбаши не пошелъ, а послалъ брата своего Калгу (наслѣдника) Алды-Гирея (Адиль-Гирея) царевича со многою ратью, а какъ Крымскій царевичъ... шелъ своею ратью мимо государя нашего городъ Терку и лѣзъ Сунчу рѣку, у Горячаго колодезя, а съ нимъ было ратныхъ людей полтретьядцать (25 т.) тысячъ, и прислалъ ко мнѣ государеву воеводѣ въ Терку, прошати у меня дороги и казаковъ бы мнѣ государевыхъ въ то время велѣти уняти, чтобы имъ Сунчу рѣку отъ Терскихъ казаковъ перелѣзти здорово. И какъ Крымскій Алды-Гирей царевичъ, перелѣзши Терку рѣку, сошелся Кизилбашскимъ*) и Кизилбашинскія люди его побили, и Калгу-Алды-Гирея царевича взяли жива и которые люди Крымскаго съ того дѣла утекли и пошли назадъ и перелѣзли Сунчу рѣку далѣе отъ Терскаго городка, и намъ про нихъ случилось вѣсть, что они черезъ Терку перелѣзли безвѣстно, а съ ними было тысячъ съ десять. И азъ ихъ дошедъ, съ Божіею помощью и государевымъ счастьемъ тѣхъ людей побилъ на голову и лошади ихъ отгналъ**)».

Дравшіеся съ Новосильцевымъ Терскіе казаки, о которыхъ здѣсь говорится, не были тѣ вольные терскіе казаки, которые ютились около Тюменя-Терки, и о которыхъ говорилось выше; но это были приведенные Новосильцевымъ изъ Россіи городовые государевы казаки, которые сидѣли съ воеводою въ Суншинской Теркѣ.

Но такъ какъ казаки эти въ Россію уже не возвраща-

---

*) При освобожденіі Уздемра османа паши, осажденнаго въ Шемахѣ, въ Ширванѣ (Козубскій, Исторія Дербента, стр. 54).

**) И. Кравцовъ. Очеркъ о началѣ Терскаго казачьяго войска, стр. 5—6.

лись, а, переведенные, вмѣстѣ со стрѣльцами, къ устьямъ Терека, къ вольнымъ терскимъ казакамъ и Джанклишевымъ и Сунчалеевымъ инородцамъ, они положили основаніе служилымъ Терскимъ казакамъ, то 1577 годъ и считается официальнымъ началомъ Терскаго казачьяго войска и по немъ даровано старшинство какъ Кизляро-Гребенскому генерала Ермолова полку, такъ и всему Терскому войску*).

Гребенцы же должны были принимать непосредственное участіе въ дѣлѣ.

Этотъ второй Терскій городокъ былъ тоже скоро покинутъ воеводами, какъ и первый. Турки не давали русскимъ прочно удержаться въ кабардинской землѣ и продолжали осаждать Москву запросами и даже угрозами. Поэтому въ 1588 году повелѣно было Астраханскимъ воеводамъ приступить къ построенію на Терекѣ третьяго государева городка, уже у устьевъ рѣки.

Прибывъ къ Терскому устью, воеводы нашли здѣсь основанный ранѣе трехстѣнный Тюмень-Терскій казаній городокъ и ютившееся по Терскимъ рукавамъ вольное казачество. Казачество это принесло воеводамъ повинную и изъявило готовность оказывать помощь при построеніи новаго городка. Здѣсь царскими воеводами построена была третья Терка, просуществовавшая вплоть до Петра Великаго и именовавщаяся Терскимъ Городкомъ или Терскомъ. Называлась она еще Тюменскимъ Терскимъ городомъ. Опорой ей служили какъ многочисленные терскіе казаки, такъ и крещеные инородцы князя Сунчалея и иные поддавшіеся русскимъ туземные народы Тюменскаго княжества, кумыки, ококи мурзы Шиха и другіе. Сюда, также принеся повинную, по построеніи царскаго городка, явилась станица яицкихъ казаковъ, съ атаманомъ

*) По другимъ свѣдѣніямъ, дѣло Новосильцева должно было происходить не въ 1577, а въ 1578 году. Здѣсь приводятся оффиціально признанныя даны.

своимъ Матюхою Мещерякомъ. Съ этой поры не переводилась въ Низовомъ Терскомъ войскѣ фамилія Мещеряковыхъ, правившая войскомъ уже въ эпоху Кизляра, вмѣстѣ съ Бековичами и Батыревыми. Сюда же, по разореніи второго Терскаго городка и по окончательномъ его уничтоженіи, перешли сидѣвшіе въ немъ вольные казаки съ людьми кабардинскаго князя Мамстрюка Идаровича, такъ что вся тогдашняя русская сила, за исключеніемъ однихъ гребенскихъ казаковъ, сосредоточилась съ того времени у устья Терека. Терскихъ вольныхъ казаковъ сосредоточилось здѣсь такъ много, что уже 15-ть лѣтъ спустя, во время казацкаго бунта (см. ниже), ихъ могло отплыть отъ Терки сразу до 4 т. Князья: Сунчалей, Муцалъ (сынъ его) и Каспулатъ (внукъ) были вѣрными слугами государевыми и выступали вмѣстѣ съ терскими служилыми людьми и вольными казаками во всѣ царскіе походы. Подъ команду этихъ храбрыхъ князей почти всегда становилось и вольное гребенское казачество. Съ основаніемъ на Терекѣ воеводскаго государева городка, вольные терскіе казаки и служилые инородцы начали нести службы Государевы: оберегали рѣчные броды и служили воеводамъ для разныхъ обсылокъ, за что служилые чины получали жалованье государево. Для этого при Теркѣ всегда должна была находиться т. н. зимовая станица, т. е. извѣстное число казаковъ должно было жить здѣсь неотлучно (тутъ и зимовать). Остальные Терскіе казаки попрежнему были людьми вольными, налетными: то приходили, то уходили.

Городъ Терскій расположенъ былъ на среднемъ рукавѣ Терека, на т. н. Старомъ Терекѣ. По свидѣтельству Дебу, самое мѣсто, гдѣ былъ этотъ городокъ, въ его время уже было залито моремъ. Но въ наше время оно прекрасно очистилось отъ озеръ и даже камыши на немъ повысохли, такъ что мы вполнѣ можемъ приступить къ изученію и раскопкамъ.

Въ XVII-мъ вѣкѣ воеводство Терское сильно разрослось и расширилось. Въ Теркѣ были: каравансарай, торговые ряды,

базаръ, роскошные сады, общественныя бани, таможенный, аманатвый, дѣловой и кружечный дворы, были соборная и приходская церкви и монастырь, гдѣ крестились инородцы съ полученіемъ царскаго награжденія.

Дальнѣйшая судьба покинутаго прежняго Терскаго городка, у усть Сунчи, была слѣдующая.

Въ 1584 году царь Феодоръ Іоанновичъ, едва утвердившись на царствѣ, наказывалъ чрезъ посла своего Благово передать султану Амурату, что хотя построенный въ прошлое царствованіе городокъ на Терекѣ, согласно обѣщанія султану Селиму, брошенъ царскими ратными людьми и воеводами, но въ брошенномъ городкѣ «завели себѣ притонъ безгосударственные люди, волжскіе казаки». Про этихъ безгосударственныхъ людей правительство заявляло, что «хотя бы вы ихъ и всѣхъ побили, намъ стоять за нихъ незачто».

Въ это время, съ 1577 по 1583 г.г., у Турокъ велась война съ Персами изъ—за Дербента, Ширвани и Грузіи. Турецкіе и крымскіе отряды то и дѣло проходили на помощь своимъ по Сунжѣ и Тереку. Посылались также частые гонцы между Дербентомъ и Кафою, то одиночные, то съ прикрытіемъ. На эти-то отряды и на этихъ одиночныхъ людей и нападали «безгосударствтнные терскіе люди», мѣшая сношеніямъ турецкихъ провинцій и закрывая туркамъ черкаскую дорогу.

Въ 1583 году, въ концѣ октября, терскіе вольные казаки изрядно побили на Сунжѣ даже самого Уздемира Османа пашу, правителя Ширваніи и Дербента, который, устроивъ тамошнія дѣла, возвращался въ Костомонъ «изъ Темиркопы». (Дербента).

Побить однако этихъ вольныхъ людей туркамъ было не подъ силу и русское правительство видимо это совѣтовало не безъ лукавства.

Съ Шихомъ мурзою (Окуцкимъ) и отцомъ его Ушаромъ казаки пробирались даже къ Дербенту, брали городъ Индили

и 7-мъ другихъ городовъ, какъ писалъ въ 1588 году самъ Шихъ съ посломъ своимъ Байтавомъ.

Калмыки, ногаи и сторонники Крыма не разъ пытались выгнать съ «Сунжи» казаковъ и сжечь занимаемый ими городъ; но казаки держались здѣсь крѣпко и удержались, пока не построенъ былъ новый царскій городокъ у устьевъ Терека.

Съ построеніемъ новаго Терскаго городка, на «Сунжу» посылались правительственные головы, послѣднимъ изъ которыхъ, въ 1604—5-мъ году былъ Мирославъ Зюзинъ, при которомъ Терскіе воеводы, опасаясь, послѣ Таркинскаго пораженія, за судьбу Тюмень-Терскаго городка, приказали сжечь на Сунжѣ острогъ и свели ихъ съ Сунжи къ Теркѣ

Вольные казаки съ Мамстрюкомъ, княземъ кабардинскимъ, выдержали послѣ того въ покинутыхъ на Сунжѣ городкахъ слѣдующее бѣдствіе отъ шамхала Тарковскаго, вынудившее и ихъ покинуть городъ.

«Самъ шамхалъ Тарковскій», говоритъ Попко: «подступилъ къ городу съ большою силою и, послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ приступовъ, отнялъ у осажденныхъ воду, запрудивъ канаву, которою крѣпость снабжалась водою изъ рѣки Терека. Осажденные томились жаждою, копали безуспѣшно внутри крѣпости колодцы и продолжали упорно отбиваться. Послѣ двадцати дней осады, наступилъ праздникъ св. Тройцы. Казаки пѣли молебенъ и просили у Бога дождя. Къ вечеру пошелъ проливной дождь и на утро крѣпостной ровъ наполнился водою, какъ будто манною, сошедшею съ неба. Это чрезвычайно ободрило и оживило осажденныхъ, шамхала же заставило снять осаду и отступить. Но въ наступившую ночь казаки сами сдѣлали вылазку и побили татаръ на ночлегѣ, захвативъ у нихъ порядочную добычу».*)

Однако недостатокъ въ огнестрѣльныхъ припасахъ и боязнь отмѣстки со стороны шамхала, заставила казаковъ бросить го-

*) И. Д. Попко. 32.

родокъ, который защищать они были не въ состоянiи. Они закопали пушки въ землю, а частоколъ и всѣ деревянныя строенiя сожгли, и 300 чел. изъ нихъ примкнули къ гребенскимъ казакамъ и поселились въ ихъ городкахъ, а остальные, вмѣстѣ съ кабардинскимъ княземъ Мамстрюкомъ, спустились внизъ и присоединились къ терскимъ казакамъ, къ новому городку у устья Терека.

Примкнувшiе, въ числѣ 300, къ гребенцамъ вольные казаки были, вѣроятно, тѣ сподвижники атамана Ермакова Андрея, которые бѣжали отъ поиска воеводы Мурашкина въ 1577 гооу на Сулакъ, а оттуда перебрались въ брошенную Генуэзцами крѣпость на Акташѣ, которая по ихъ имени и до сихъ поръ называется Эндери или Андреевою, и изъ которой, тѣснимые сосѣдними кумыками и подвластными шамхала, они вынуждены были бѣжать какъ разъ около 1580 года.

Памятникомъ ихъ присоединенiя является нынѣшняя гребенская станица Щедринская, которую до 1840 года называли и писали Шадриномъ или Шадринскою. По крайней мѣрѣ, многiе историки гребенскихъ казаковъ упорно производятъ гребенцовъ отъ атамана Андрея, ссылаясь на древнiя преданiя.

Другая часть, около 1000 человѣкъ, были забѣглые люди съ Волги, вызванные княземъ Мамстрюкомъ. Они съ Мамстрюкомъ присоединились къ терскимъ казакамъ, спустившись по Тереку, и образовали служилое Терское войско, подкрѣпивъ примкнувшiя уже къ воеводамъ небольшiя вольныя станицы.

Хотя, съ построенiемъ третьей Терки и съ учрежденiемъ Терскаго воеводства, только одни терскiе казаки стали нести постоянную царскую службу, гребенскiе же по-прежнему жили независимо и самобытно, но почти во всѣхъ царскихъ походахъ Терскихъ и Астраханскихъ воеводъ стали принимать съ этого времени участiе и эти казаки, почему дальнѣйшая исторiя гребенскихъ и терскихъ казаковъ пошла съ этихъ поръ бокъ—о—бокъ.

Древнѣйшіе походы и службы Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ.

«Казаки должны быть вѣрны тому знамени, съ которымъ наши отцы переживали рядъ кровавыхъ войнъ, которое они доблестно хранили чистымъ и гордо сіяющимъ въ бурѣ кровавыхъ сѣчъ, въ неслыханныхъ и трудныхъ казачьихъ походахъ и которое, умирая, они завѣщали передать вамъ подрастающимъ внукамъ, и повѣдать, какими трудами и неслыханными страданіями и жертвами, какою дорогою цѣною куплено настоящее наше положеніе».

Изъ пастановленій Червленскаго съѣзда.*)

Въ 1586 году кахетинскій князь Александръ просилъ принять его въ русское подданство и оказать помошь противъ тѣснившихъ Грузію, турокъ и персовъ. Правительство просьбу эту приняло, но объявило, что ни съ персами, ни съ туркаии воевать ради Грузіи не станетъ. Тогда Александръ просилъ отнять у шамхала Тарковскаго городъ Тарки, чтобы посадить туда свата своего Крымъ-Шамхала, и обѣщалъ прислать на это грузинскую помощь. Эту просьбу правительство согласилось исполнить и приказало Терскому воеводѣ князю Хворостинину собрать большое войско, возобновить брошенный Усть-

*) Труды Червленскихъ съѣздовъ 1905—1906 г.г. Стр. 32—33.

Сунженскій городокъ и предпринять большой походъ на Тарки. Прибывъ на Терекъ, князь Хворостининъ возобновилъ сказанный городокъ. Устроилъ два городка на Койсу и на Акташѣ и въ 1594 году выступилъ въ Тарки. Къ его отряду примкнули гребенскіе казаки въ числѣ тысячи человѣкъ, а на оставшихся въ домахъ возложено было охраненіе города съ небольшой оставленной въ немъ станицей (командой) стрѣльцовъ и съ залишними войсковыми животами. Шамхалъ Андиханъ съ тарковцами, кумыками и ногаями встрѣтилъ русскихъ на рѣкѣ Койсу, но не удержалъ переправы и отступилъ къ Таркамъ. Городокъ Тарки, рисположенный амфитеатромъ*) по скату скалистой горы, близъ берега Каспійскаго моря, не имѣлъ особенно сильныхъ укрѣпленій и взять его не стоило русскимъ большого труда, но удержаться въ немъ было трудно. Воевода началъ укрѣплять Тарки, и отъ усиленныхъ работъ въ жаркіе лѣтніе дни, равно какъ отъ недостатка продовольствія въ его войскахъ начали развиваться лихорадки. Шамхалъ окружилъ русскихъ и все болѣе и болѣе стѣснялъ свой кругъ; встревоженный Дагестанъ каждый день высылалъ къ нему новыя подкрѣпленія. Наибольшую поддержку давалъ сильный аварскій Ханъ. Осажденные изнурялись въ постоянныхъ битвахъ и все ждали прибытія грузинской рати. Она же не приходила. А что еще важнѣе—не явился сватъ кахетинскаго князя, котораго слѣдовало посадить въ Таркахъ на шамхальство. Храбрый воевода видѣлъ себя въ безнадежномъ и безцѣльномъ положеніи, и рѣшился наконецъ, бросить свое завоеваніе и отойти обратно за Терекъ. Дѣло это, въ виду громадныхъ непріятельскихъ скопищъ и большого числа своихъ больныхъ и раненыхъ, которыхъ нельзя было бросить, требовало еще большей рѣшительности и отваги, чѣмъ наступательное движеніе въ глубину незнакомыхъ горъ. Составили совѣтъ, на которомъ не долго спорили и выступили скрытно

*) Такимъ образомъ, что каждый слѣдующій рядъ домовъ стоялъ выше предыдущихъ и возвышался надъ ними.

ночью, бросивъ въ добычу шамхалу всѣ лишнія тяжести. Удалось отойти, благодаря азіатской сонливости, на довольно большое разстояніе. Но та же темнота осенней ночи, которая оказала покровительство началу похода, явилась предательницей для его продолженія. Проглянувшая въ туманѣ предразсвѣтная луна показала роковую ошибку: отрядъ сбился съ дороги и зашелъ къ болотистому низовью рѣчки Озени (Шура-Озень, рѣчка близъ Петровска). Гребенцы бросились во всѣ стороны и отыскали ногайскій кошъ, изъ котораго привезли мальчика пастуха, не успѣвшаго спрятаться со взрослыми. Пока съ его помощью выбирались на чистую дорогу, наступилъ день. Стали наступать толпы непріятельской конницы и съ разныхъ сторонъ завязывать бой съ визгомъ и крикомъ, а въ дали, позади нихъ, въ грозномъ безмолвіи, поднимались облака пыли отъ тяжело двигавшихся главныхъ силъ шамхаловой рати. Отбивая насѣдавшую конницу, русскіе ускорили ходъ, бросали тяжелый нарядъ (артиллерію), повозки, бросали трудно больныхъ и раненыхъ. Тарковцы и аварцы накидывались на нихъ, какъ голодные волки, и ихъ отчаянные вопли производили замираніе въ сердцахъ московскихъ ратниковъ. Въ полдень надвинулась вся сила басурманская. Нападеніе вели муллы съ поднятыми надъ головами свитками (корана), съ завываніемъ огненныхъ стиховъ корана. Русскіе упорно отбивались и то строились «въ кольцо», то вновь двигались, устилая путь каждаго перехода тѣлами убитыхъ и раненыхъ, своихъ и непріятельскихъ. Только по закатѣ солнца добрались до Койсу, гдѣ наступившая ночь и обоюдное истощеніе сторонъ прекратили битву.

Воевода Хворостининъ пережилъ свое несчастіе и привелъ обратно на Терекъ едва четвертую часть своего отряда. Гребенскихъ казаковъ вернулось домой не болѣе трехсотъ человѣкъ изъ тысячи.*)

Такова была служба вольныхъ гребенскихъ казаковъ своему государю. Они вѣрно ее сослужили, хотя за нее имъ не

*) И. Д. Попко, стр. 36 и 37.

положено было даже жалованья. Изъ изложеннаго видно, что къ 1594 году сила гребенскихъ казаковъ была не малая.

За первою службою вскорѣ послѣдовала вторая. Въ 1604 году, противъ того же шамхала и съ тою же цѣлью, были царемъ Борисомъ (Годуновымъ) двинуты новыя силы изъ Казани и Астрахани. Русскими полками командовали на этотъ разъ два воеводы: Бутурлинъ и Плещеевъ. Вновь была обѣщана помощь изъ Грузіи, и вновь не явилась. 10-ти тысячное русское войско собралось у устьевъ Терека и въ него входила значительная часть не только гребенскихъ, но и терскихъ казаковъ. Подвигаясь твердымъ шагомъ на Тарки, русскіе укрѣпили крѣпостцы на Сулакѣ*) и Акташѣ. Отдѣльныя части отряда производили поиски къ Эндери, Истису и по другимъ направленіямъ, забирая у жителей хлѣбъ, скотъ и конскіе кормы. Кумыкская площадь, казалось, вся была во власти русскихъ, но болѣе воинственное населеніе уходило къ шамхалу подъ Тарки, съ враждою и злобою за причиняемыя ему разоренія. Шамхалъ уклонился отъ полевыхъ дѣйствій и сосредоточивалъ свои силы въ Таркахъ, оборона которыхъ приведена была въ лучшее положеніе, благодаря указаніямъ, оставленнымъ Хворостининымъ. Прождавъ безполезно долгое время подкрѣпленій, обѣщанныхъ княземъ Александромъ, воеводы подошли наконецъ къ шамхаловой столицѣ. Раздѣлившись на два полка (колонны): старшій, Бутурлинъ, съ стрѣльцами, младшій, Плещеевъ, съ боярскими дѣтьми и казаками, они повели приступъ съ двухъ сторонъ. Войска цѣловали крестъ, выслушивали рѣчи, въ которыхъ напоминалось о костяхъ братьевъ, здѣсь полегшихъ, о русской крови, вопіявшей объ отмщеніи. И стрѣльцы, и боярскія дѣти, и казаки пошли на приступъ съ воодушевленіемъ и овладѣли городомъ. Городскія площади и улицы были устланы непріятельскими тѣлами. Шамхалъ Андиханъ бѣжалъ въ горы къ аварскому хану. Этотъ шамхалъ былъ уже

*) На Сулакѣ князь Владимиръ Тим. Долгорукій сидѣлъ съ 1592 года.

дряхлый старикъ, почти лишившійся зрѣнія; онъ предоставилъ шамхальствовать и дѣйствовать противъ русскихъ сыну своему Султану-Муту (кумыкское сокращеніе имени Махмудъ), славившемуся военными способностями. Овладѣвъ Тарками, Бутурлинъ захватилъ близъ—лежащее озеро Тузлукъ, откуда жители добывали соль для своего продовольствія, селитру и сѣру для выдѣлки пороха. Желая лишить ихъ этихъ предметовъ первой необходимости, воевода началъ ставить около озера острогъ и въ то же время возводилъ каменную крѣпость въ самыхъ Таркахъ, въ верхней части которыхъ стояли двѣ крѣпкія башни, построенныя шамхалами. Наступившее позднее время пріостановило крѣпостную работу. Явился къ тому же недостатокъ и въ жизненныхъ припасахъ; послѣднее обстоятельство заставило воеводу отпустить половину стрѣлецкихъ полковъ на зимовку въ Астрахань. Войско, оставшееся въ Таркахъ, должно было испытать въ продолженіи зимы многія лишенія, но съ наступленіемъ весны 1605 года оно принялось за продолженіе крѣпостныхъ работъ. Между тѣмъ предпріимчивый Султанъ-Мутъ успѣлъ поднять на ноги весь Дагестанъ. Чтобъ возбудить и населеніе кумыкской плоскости, онъ двинулся съ громаднымъ скопищемъ на русскій острогъ, поставленный на Сулакѣ. Стоявшій здѣсь съ небольшимъ отрядомъ князь Владимиръ Долгорукій, не имѣя запасовъ для выдержанія осады, зажегъ свое деревянное укрѣпленіе и отступилъ къ Тереку. Тому же примѣру послѣдовалъ и острожекъ на Акташѣ. Ободренный такимъ успѣхомъ, шамхалъ подступилъ со всей своей силой къ Таркамъ и требовалъ, чтобы воеводы, очистивъ его столицу, также отошли за Терекъ. За послѣдовавшимъ со стороны воеводъ отказомъ начались жестокіе бои. Непріятельской рати собралось изъ кумыкскихъ владѣній, аварскихъ и другихъ лезгинскихъ обществъ болѣе 20 т. Кромѣ того, шамхалъ Султанъ-Мутъ просилъ помощи у турокъ, которымъ оказывалъ недавно услуги при нашествіи ихъ на Грузію. Въ русскомъ войскѣ, изнуряемомъ непрерывными битвами

и работами по укрѣпленіямъ, сильно увеличилось число больныхъ и раненыхъ, а лекарей, нѣмцевъ, по обыкновенію, было мало. Доставать свѣжихъ припасовъ не было возможности даже и для отважныхъ побѣжекъ гребенцовъ; довольствовались остатками толокна и вяленой говядины. Шамхалъ, напоминая о подданствѣ своего отца Царю Московскому, предлагалъ Бутурлину прекратить военныя дѣйствія и, учинивъ замиреніе, отойти за Терекъ, угрожая въ противномъ случаѣ скорымъ приходомъ турецкой рати изъ Дербента съ тяжелымъ нарядомъ*). Воеводы хотя и тревожились возможностью столкновенія съ турками, не бывшими въ войнѣ съ русскими, но продолжали твердо отстаивать свое завоеваніе.

Лучшую оборону доставляли имъ башни шамхальской постройки, откуда отборные пищальники давали сильный отпоръ непріятельскимъ подступамъ. Наконецъ одна изъ этихъ башенъ взлетѣла на воздухъ отъ непріятельскаго подкопа, а вслѣдъ за взрывомъ Султанъ-Мутъ повелъ свою пѣхоту на приступъ. Русскіе не дрогнули и отбили приступъ съ страшнымъ для непріятеля урономъ. Однако же и имъ не дешево обошлась побѣда; особенно чувствительна была потеря лучшихъ стрѣльцовъ и казаковъ, погибшихъ подъ развалинами разрушенной башни. Тогда уже обѣ стороны рѣшились вступить въ переговоры. Русскіе воеводы требовали, чтобы шахмалова рать отошла отъ Тарковъ и дала имъ свободное отступленіе за Сулакъ, не поднимая оружія; чтобы шамхалъ принялъ на свое попеченіе трудно больныхъ и тяжело раненыхъ русскихъ, которыхъ придется покинуть въ Теркахъ, а по выздоровленіи отпустилъ бы ихъ въ Терку. Послѣ долгаго препирательства, султанъ принялъ эти условія, утвердилъ договоръ шертью (клятвою) на коранѣ и далъ воеводамъ въ аманаты (заложники) собственнаго сына, который долженъ былъ находиться въ залогѣ въ Теркѣ, пока послѣдній русскій человѣкъ не будетъ отпущенъ изъ Тарковъ.

*) Артиллеріей.

Оставивъ всѣхъ своихъ трудно больныхъ и тяжело раненыхъ, русскіе выступили изъ Тарковъ съ пѣснями, съ грохотомъ бубновъ и потянулись безпечно къ Сулаку. На радости многіе изъ нихъ выпили.

Но русскіе радовались напрасно. У дагестанцевъ былъ также праздникъ: день ихъ байрама. Ради такого великаго праздника, имамы разрѣшили шамхала и его сподвижниковъ отъ клятвы, данной невѣрнымъ. Случилось, что въ тотъ же день шамхалъ праздновалъ свой бракъ съ дочерью хана Аварскаго. Къ свадьбѣ, по обычаю, были приготовлены сотни тулуковъ (бурдюковъ) бузы, и разгоряченное бузою мужество шамхалова воинства продиктовало варварамъ совершенно азіатское рѣшеніе: догнать на первомъ же перевалѣ отступавшихъ русскихъ и, несмотря на договоръ и клятву, вырѣзать ихъ до ночи. Вся двадцатитысячная сила, раздѣленная на нѣсколько частей, двинулась скрытными мѣстами вслѣдъ за русскими и неожиданно ринулась на нихъ со всѣхъ сторонъ, когда они, перейдя рѣку Озень, расположились нестройно на привалъ и беззаботно варили кашу. Вдохновленные хмелемъ свадебной бузы, непріятельскіе наѣздники врѣзались въ русскіе ряды, не давъ имъ устроиться и воспользоваться преимуществомъ, которое доставлялъ имъ огненный бой. Смятеніе увеличили новыя непріятельскія толпы, стремившіяся одна за другою, съ длинными кинжалами въ рукахъ. Бой былъ рукопашный; русскіе сбивались въ кучу, не сдавались на дѣлаемыя предложенія и рѣзались отчаянно, пока не падалъ послѣдній человѣкъ. Преданіе разсказываетъ объ удивительномъ мужествѣ русскихъ и, между прочимъ, говоритъ, что воевода Бутурлинъ, сѣдобородый богатырь, видя неминучую гибель всей русской рати, собственноручно изрубилъ шамхалова аманата въ куски. Но это оказался не шамхаловъ сынъ, а пріемышъ какого-то простолюдина, за грабежъ осужденный на висѣлицу...

Почти все московское войско и оба воеводы полегли въ этой адской свалкѣ, продолжавшейся, благодаря русской стой-

кости, нѣсколько страшныхъ часовъ. Спаслись немногіе изъ конныхъ дѣтей боярскихъ и гребенскихъ казаковъ. Изъ послѣднихъ остались также цѣлы тѣ, которые, сгарая нетерпѣніемъ пріѣхать скорѣе домой, отпросились у воеводъ въ началѣ похода и ускакали впередъ. Дагестанцы понесли не менѣе чувствительную потерю убитыми и ранеными; въ числѣ первыхъ былъ самъ шамхалъ Султанъ-Мутъ, получившій должное возмездіе за свое вѣроломство. Покинутые въ шамхальской столицѣ несчастные больные и раненые русскіе погибли всѣ до одного мученическою смертью. Надъ ними надругались даже старыя женщины и дѣти.*)

Такъ стояли за честь государеву древніе русскіе люди въ дальнемъ краю, не ожидая ни отъ кого помощи. Дрались одинаково славно и вольные казаки, и воинская рать государева.

Это была вторая государева служба вольныхъ гребенскихъ казаковъ, и они сослужили ее не менѣе славно.

Вскорѣ затѣмъ начались въ русскомъ государствѣ смуты, убійства царей и самозванцевъ. Въ эту смутную эпоху вольные гребенскіе казаки показали немалую вѣрность своей отдаленной родинѣ—матери. Они не пристали, подобно малороссійскимъ, донскимъ и другимъ казакамъ, къ шайкамъ самозванцевъ, грабившихъ Россію, и объ ихъ участіи въ смутахъ исторія умалчиваетъ. Нельзя того же сказать о терскихъ казакахъ. Взбунтовзвшись въ 1607 году противъ царскихъ воеводъ, задержавшихъ государево жалованье, терскіе казаки, въ числѣ 4/т. человѣкъ, покинули свои юрты у Терскаго городка, сѣли на струги и, послѣ неудачныхъ переговоровъ съ воеводою Головинымъ, отплыли съ острова Чечень на Волгу, гдѣ и были вовлечены въ *коловоротъ* смутъ. Но лишь только на Руси вновь засіяла законная царская власть избраннаго всенародно царя Михаила (Ѳеодоровича), какъ тѣ же тер-

---

*) И. Д. Попко, стр. 38—44.

скіе казаки выступили на его защиту въ числѣ первыхъ. Въ 1614 г., подъ начальствомъ Терскаго стрѣлецкаго головы казанца Хохлова, они, еще до прихода въ Астрахань царскихъ воеводъ, явились подъ этимъ городомъ, бились съ измѣнными скопищами засѣвшаго тамъ атамана Заруцкаго и лжецарицы Марины и принудили ихъ бѣжать изъ Астрахани на Яикъ.

Въ 1628 году были командированы на Терекъ царскимъ правительствомъ два нѣмецкихъ ученыхъ: Самуилъ Фричъ и Іоганъ Герольдъ, для отысканія серебряной и мѣдной руды въ Кавказскихъ горахъ. Гребенскіе казаки сопровождали ихъ и были ихъ защитою. Ученые посѣтили гребенскіе городки («острожки») въ горахъ «выше «кабаковъ» (селеній) Илдара и Келмамета, сыновей Ибака—Мурзы, владѣльца Малокабардинскаго» и совѣтовали въ Москвѣ построить на рѣкѣ Сунжѣ крѣпкій правительственный острогъ, чтобы утвердить тамъ прочно государственную власть и сплотить Гребенское казачество съ царскимъ воеводствомъ на Терекѣ. О гребенскихъ казакахъ они отозвались съ похвалою и засвидѣтельствовали, что «это люди, на вѣрность которыхъ можно положиться». Мысль этихъ ученыхъ, о построеніи городка, была осуществлена не скоро. Къ построенію Сунженскаго острога было приступлено только черезъ 22 года. 31 марта 1651 года была дана объ этомъ царская грамота астраханскому воеводѣ, князю Михаилу Пронскому и было приказано, прежде построенія самого городка, хорошенько поразспросить гребенскихъ и терскихъ казаковъ о наилучшемъ мѣстѣ. По указанію казаковъ, острогъ былъ поставленъ между Барагунами и городками гребенскихъ казаковъ, на берегу Сунжи. Острогъ былъ мѣрою въ 100 саж. въ окружности, съ башней на воротахъ, съ облами и бойницами и со рвомъ. По постройкѣ онъ былъ занятъ терскими стрѣльцами, гребенскими казаками и служилыми инородцами князя Муцала Сунчалеева. Около него быстро образовалось предмѣстье изъ кабардинскихъ, чеченскихъ и кумыкскихъ выходцевъ. При этомъ новомъ городкѣ и гребенское вольное

войско, подобно терскому, стало нести постоянную царскую службу. Помимо охраненія острога, на него возложено было содержаніе разныхъ сторожъ и разъѣздовъ. Съ построеніемъ городка, гребенское казачество стало смѣлѣе расправляться съ караванами кизилбашскими, проходившими безъ обсылки (безъ уплаты пограничнаго сбора) съ Терскимъ воеводою. Шемахинскій ханъ Хосревъ сталъ жаловаться астраханскимъ воеводамъ, что «гребенскіе казаки кизилбашскихъ людей грабятъ, городокъ поставили безъ указу въ хановомъ владѣніи, служилыхъ людей въ городкѣ устроили и черкасскую дорогу закрѣпили». Въ 1653 году гребенскіе казаки побили на этой дорогѣ какихъ-то важныхъ персидскихъ купцовъ, вѣроятно, не обославшихся съ Терскимъ воеводою, и надъ новопостроеннымъ Сунженскимъ острогомъ собрались грозныя тучи. Хосревъ-ханъ сталъ собирать войско и подговаривать шамхала Суркая и Эндерійскаго мурзу Казаналпа (Казанъ-Алипа) сдѣлать нападеніе на Сунженское укрѣпленіе. Изъ кумыковъ и разныхъ дагестанцевъ составилось большое скопище, къ которому Хосревъ-ханъ выслалъ изъ Дербента значительное кизилбашское подкрѣпленіе съ 2-мя пушками. Суркай и Казаналпъ, не смотря на то, что ихъ аманаты были въ Теркѣ, двинулись съ этою ратью противъ Сунженскаго острога, куда между тѣмъ явились, въ подмогу стрѣльцамъ и казакамъ, Муцаловы мурзы: Урусъ-Ханъ Янсоховъ, Шангирей Урусъ-Хановъ и сосѣдніе кумыки изъ Барагунъ. Пока это происходило, русскіе торговые люди были задержаны въ Шемахѣ и Гиляни, а персидскіе въ Теркѣ. Въ числѣ послѣднихъ находился шамхаловъ племянникъ. Это не охладило, однакожъ, воинственнаго пыла Суркая и его союзника: они обложили сунженскій острогъ со всѣхъ сторонъ и требовали его сдачи. Острогъ отвѣчалъ сильнымъ огнемъ изъ наряда (артиллеріи) и пищалей и храбро отбилъ нѣсколько приступовъ, но не могъ отстоять предмѣстья, которое было выжжено до-тла. Удовольствовавшись этимъ разореніемъ, непріятели отступили и напали на Брагуны, на казачьи го-

родки и Муцаловы улусы, гдѣ захватили лошадей до 3000, верблюдовъ до 500, рогатаго скота до 10000 и барановъ до 15.000.

Видя такую бѣду, сидѣвшіе въ острогѣ инородцы и гребенскіе казаки должны были спѣшить къ своимъ жилищамъ. Такъ какъ защитить противъ новыхъ нападеній деревянный редутъ, испытавшій уже сильныя поврежденія отъ дербентскихъ пушекъ, однимъ стрѣльцамъ было не подсилу, то рѣшили общимъ совѣтомъ нарядъ со стѣнъ снять, зелье (порохъ), свинецъ и другіе запасы забрать и все это препроводить съ стрѣльцами въ городъ Терку, а острогъ сжечь*).

Такъ кончилась неудачею еще одна попытка русскаго правительства утвердиться на рѣкѣ Сунжѣ, а вольное гребенское казачество въ третій разъ сослужило свою боевую службу царю православному.

Въ 1633 году гребенскіе и терскіе казаки, вмѣстѣ съ терскими воеводами, княземъ Василіемъ Туренинымъ и княземъ Семеномъ Волконскимъ, по приказу царя Михаила Өедоровича, сильно погромили «Казыевы Улусы». Еще до Іоанна Грознаго произошли большія междоусобія въ ногайской ордѣ между ея князьями, и ногайская орда раздѣлилась на *большихъ* и малыхъ *ногаевъ*. Въ то время какъ князья большихъ ногаевъ были вѣрными слугами царя Московскаго, владѣльцы *малыхъ* ногаевъ тянули къ Крыму и Туркамъ. По имени перваго своего владѣтеля, мурзы Казыя, эти малые ногаи и назывались «Казыевыми». Они чинили много зла русскимъ, а особенно преданнымъ Россіи *большимъ ногаямъ* и пятигорскимъ черкасамъ, постоянно переманивая послѣднихъ на сторону Крыма. На эту то «Казыеву» ногайскую орду и былъ предпринятъ походъ Туренина и Волконскаго. Туренинъ умеръ еще въ началѣ похода, на сборѣ у города Маджаръ, Волкон-

---

*) Попко — 67, 68.

скій же съ казаками, терскими людьми и ногаями взяли въ улусахъ славную добычу: казаки вернулись не съ пустыми руками. Съ тѣхъ поръ Казыева орда, кочевавшая отъ рѣки Кубани до Кумы и Манычей, была навсегда ослаблена.

Въ 1645 году крымцы осадили донской городокъ Черкасскъ и хотѣли его взять. На помощь донцамъ царь двинулъ изъ Россіи боярина Кондырева и велѣлъ спѣшить туда же Астраханскому воеводѣ князю Пожарскому съ ратными людьми изъ Терскаго городка. Пожарскому же велѣно было пригласить терскихъ и гребенскихъ вольныхъ казаковъ и князя Муцала съ его подвластными. Гребенскихъ и терскихъ казаковъ въ этотъ походъ пошло 1200 ч. Но пока подошелъ Астраханскій воевода и гребенскіе и терскіе казаки, крымцы уже ушли и Черкасскій городокъ освободили.

Тогда донскіе казаки предложили напасть на Азовъ, гдѣ томились 4-е тысячи русскихъ плѣнниковъ. Азовъ принадлежалъ туркамъ, русскіе съ ними не были въ войнѣ, и воеводы нападать не согласились. Не смотря на это, Донцы подговорили гребенскихъ и терскихъ казаковъ и напали на Азовъ одни, вопреки распоряженію воеводъ; но турки ихъ отбили. Тогда, оставивъ Азовъ назади, гребенскіе, донскіе и терскіе казаки, съ подвластными людьми князя Муцала, двинулись на ногайскіе улусы Мурзы Шантемира, по рѣкѣ Еѣ, и сильно ихъ погромили. Одного полону пригнали до 7/т., до 6/т. головъ рогатой скотины и 2000 барановъ.

Малые ногаи были въ зависимости отъ крымской орды, поэтому сидѣвшій въ Копылѣ*) калга (наслѣдникъ), царевичъ Нурадынъ-Гирей, съ 7000 лучшей татарской конницы поспѣшилъ на помощь. Прибывъ къ Азову, онъ усилилъ свои войска тремя тысячами Азовцевъ и рѣшилъ напасть на русскихъ внезапно. Подошедъ скрытно къ Черкасскому городку, онъ на-

*) На нижней Кубани, близъ нынѣшней станицы Васюринской (Бутковъ т. 2-й, приложеніе: планы).

палъ на князя Муцала съ подвластными его людьми и гребенскими и терскими казаками, стоявшими на другой сторонѣ Дона въ расплохѣ. Нападенiе было такъ внезапно, что отрядъ Муцала пришелъ сначала въ полное замѣшательство. Тюменскiй Бей-Мурза потерялъ байракъ (знамя) и такъ стремительно побѣжалъ съ поля битвы, что остановился только на Терекѣ. Но гребенцы и терцы скоро оправились и завязали упорный бой, въ которомъ приняли участiе князь Пожарскiй съ Кондыревымъ и войсковой атаманъ Осипъ Петровъ съ донцами. Бились цѣлый день и только съ наступленiемъ ночи Нурадынъ-Гирей, ослабленный большой потерей людей, отошелъ къ Азову. Въ этомъ страшномъ сраженiи раненъ былъ князь Пожарскiй и много побито гребенскихъ казаковъ и Муцаловыхъ уорковъ. Крымскiй калга отступилъ отъ Азова на рѣку Кагальникъ и тамъ началъ собирать новую татарскую силу изъ малыхъ прикубанскихъ ногаевъ. Русскiе рѣшились отплатить ему своимъ нечаяннымъ нападенiемъ. Всего русскаго войска съ казаками и дружиною князя Муцала набралось до шести тысячъ пѣхоты и конницы. Въ ночь на 3-е августа 1646 года весь этотъ отрядъ двинулся скрытно въ обходъ Азова, по направленiю къ Кагальнику. Двигались три ночи, скрываясь днемъ по глубокимъ балкамъ, и 7-го августа, на утренней зарѣ, ударили на станъ калги. Татары разсѣялись въ неописуемомъ страхѣ, и самъ калга едва спасся поспѣшнымъ бѣгствомъ. Его шатеръ съ неубранной постелью и со всѣми пожитками, шатры многихъ мурзъ и весь татарскiй станъ съ запасами и разнымъ добромъ достались побѣдителямъ. Много татаръ было побито и захвачено живьемъ. Предавъ огню повозки, коши и все, чего не могли взять съ собой, русскiе отошли назадъ къ Черкасскому городку. *)

Изъ этого, какъ равно и изъ предыдущаго удачныхъ по-

---

*) Попко 58.

ходовъ гребенскіе и терскіе казаки вернулись домой съ богатою добычею. Эта добыча и составляла ихъ главную приманку въ царскихъ походахъ, за которые, какъ упомянуто выше, они не получали жалованья.

Въ 1668 году гребенскіе и терскіе казаки доказали новую вѣрность Государю. Приходили къ гребенцамъ отъ Стеньки Разина Алешка Каторжный и Алешка Протокинъ съ двумя тысячами пѣшихъ и конныхъ людей, собранныхъ на Кумѣ, и звали казаковъ пристать съ Стенькиному замыслу. Гребенскіе казаки приняли посланныхъ въ свои городки и хорошо ихъ угостили; они продали имъ даже коней, но къ бунту ихъ не пристали и скопищъ Стенькиныхъ не пустили. Постояли Алешка Каторжный и Алешка Протокинъ со своими людьми у Калиновой Луки, да ни съ чѣмъ и возвратились. Когда же бунтовщицкія намѣренія Стенькиныхъ шаекъ обнаружились и подъ ихъ ударами пала Астрахань, гребенскіе и терскіе казаки, съ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ (сыномъ князя Муцала), пошли противъ бунта открытою силою. Они подошли къ Астрахани и оказали важную услугу правительству, захвативъ главнаго коновода астраханскихъ мятежниковъ, Федьку Шелудяка, и передавъ его воеводамъ государевымъ, двигавшимся изъ Казани съ ратью. Послѣ чего бунтовщики скоро смирились и въ Астрахани водворилось законное правительство.

Въ 1677 году гребенскіе и терскіе казаки участвовали въ Чигиринскомъ походѣ.

Въ 1687 и 1689 г.г. они участвовали въ крымскихъ походахъ князя Василія Васильевича Голицына.

Въ 1698 году они же съ Гордономъ были подъ Азовомъ, гдѣ дѣлили съ царскимъ войскомъ всѣ труды и невзгоды.

Этимъ закончилась служба и походы гребенскихъ и терскихъ казаковъ въ первыя сто лѣтъ ихъ существованія на Терекѣ.

Какъ пополнялись Гребенскіе и Терскіе казаки.

«Межъ ними зрится и бѣглецъ
Съ береговъ воинственнаго Дона
. . . .
И дикіе сыны степей.»

Пушкинъ.

Отъ трудныхъ дальнихъ походовъ, отъ безпрерывныхъ мелкихъ боевъ у себя дома съ сосѣдями—сила гребенскихъ и терскихъ вольныхъ казаковъ постоянно уменьшалась, таяла. Терскіе казаки, кромѣ того, гибли отъ ужасныхъ лихорадокъ, свирѣпствующихъ и теперь въ низовьяхъ Терека. Чѣмъ же эта сила пополнялась? Если бы она не приливала извнѣ, а зависѣла только отъ собственнаго естественнаго прироста, то казачество на Терекѣ давно бы изсякло. Но сила къ казакамъ приливала изъ Руси постоянно. Помимо ежегоднаго притока одиночныхъ бѣглецовъ, на Терекъ, время отъ времени, приходили цѣлыя вольныя ватаги, и отъ этихъ вольныхъ ватагъ населеніе гребенскихъ и терскихъ казаковъ не только пополнялось, но и росло. Раньше другихъ, какъ уже сказано, къ гребенскимъ казакамъ пристала шайка Ермакова атамана Андрея. Затѣмъ въ 1614 году въ гребенскіе городки спаслись покинутые въ Астрахани сподвижники Заруцкаго и его лжецарицы Марины. Между 1614 и 1620 г.г. за Терекъ скрылась шайка разбойника Андрюшки Килбака, въ 1620 году бѣ-

жала туда большая ватага съ Дона, а въ 1658 году съ Дона же бѣжала туда еще ватага, ради раскола. Въ гребенскіе городки укрылись въ 1671 году остатки астраханскихъ бунтовщиковъ Стеньки Разина. Въ 1687 году на р. Кумѣ, у устья Томузлова, основался большой притонъ разбойника Костюка, который перевелъ свой сбродъ сначала на устья Сулака, къ терскимъ казакамъ, а потомъ также укрылся въ Гребняхъ. Наконецъ, въ 1698 году на Терскіе Гребни бѣжали многіе изъ бунтовавшихъ московскихъ стрѣльцовъ, спасаясь отъ грозной расправы Петра Великаго. Надо полагать, что это была послѣдняя крупная побѣжка изъ Руси, потому что наступало время, когда вольницу обуздали не только въ центральной Россіи, но и въ такихъ отдаленныхъ краяхъ, какъ Терское, Донское и даже Запорожское казачество.

Умноженіе терскихъ казаковъ, находившихся подъ зоркимъ окомъ терскихъ воеводъ, не могло такъ легко распространяться естественнымъ путемъ. Но тутъ мы встрѣчаемъ мѣры правительственныя, ведшія къ той же цѣли.

Такъ, въ 1653 году «послано въ Терку солдатскаго строю полковниковъ и урядниковъ и съ ними русскихъ солдатъ многихъ людей съ огненнымъ боемъ». Въ 1658 году опять «послано 1400 стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ изъ украинскихъ городовъ на постоянное житье въ Терку». Въ томъ же году посланы туда плѣнные литовцы, поляки и нѣмцы, а также «много остальныхъ людей, преступниковъ и раскольниковъ». Съ 1722 года дальнѣйшее заселеніе Терека и пополненіе убыли гребенскихъ и терскихъ казаковъ прямо переходятъ въ руки правительства. Въ послѣдующее потомъ время Кизлярскимъ комендантамъ вмѣнялось въ обязанность ловить по гребенскимъ и Терскимъ казачьимъ городкамъ бѣглыхъ, «безпаспортныхъ людей» и передавать ихъ въ распоряженіе правительства. Для этого въ распоряженіи комендантовъ состояли особыя драгунскія команды, зорко за этимъ наблюдавшія.

Дальнѣйшая судьба Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ. Появленіе Терскаго семейнаго войска. Начало раскола.

«Гребенскіе казаки отлично храбрые, хорошо стрѣлять умѣютъ и для здѣшняго горскаго края полезны».

Графъ Гудовичъ.

Въ 1709 году Петръ Великій разбилъ королевскую шведскую армію подъ городомъ Полтавою, и такимъ образомъ заставилъ военное счастье въ великой Сѣверной Войнѣ, тянувшейся 21 годъ, съ 1700 по 1721 годъ, явно склониться на русскую сторону; но этимъ онъ войны не закончилъ. Король шведскій Карлъ XII-й бѣжалъ въ Турцію и сталъ настойчиво подговаривать султана къ войнѣ съ русскими. Усилія его увѣнчались успѣхомъ. Въ 1711 году открылась у Петра Великаго вновь борьба съ Турціей. Отправляясь въ Прутскій походъ, и чувствуя трудность борьбы, Петръ старался нанести врагу возможно больше ударовъ въ разныхъ мѣстахъ, чтобы раздробить непріятельскія силы. Съ этою цѣлью онъ приказалъ Астраханскому губернатору Петру Матвѣевичу Апраксину ударить изъ Астрахани на Турецкую Кубань и на татаръ, подвластныхъ туркамъ. Въ этомъ походѣ, по обыкновенію, приняли участіе гребенскіе и терскіе казаки. Походъ былъ очень удаченъ. Русскіе сильно погромили закубанскихъ та-

таръ и отбили у нихъ до 2 т. русскаго полона, забраннаго при набѣгѣ на Саратовскую и Пензенскую украйны. Здѣсь впервые Апраксинъ познакомился съ гребенскими казаками. Увидѣвъ, какую важную силу представляютъ эти вольные казаки, онъ рѣшилъ ими воспользоваться для пользы государства. Объѣхавъ Терекъ и выслушавъ жалобы гребенскихъ казаковъ на трудное житье, обиды и опасности отъ умножившихся горцевъ, покинувшихъ лѣса и дѣлавшихъ все болѣе и болѣе сильные набѣги на казацкіе городки, онъ рѣшилъ поселить ихъ по лѣвому берегу Терека, чтобы во-первыхъ, прочнѣе обезопасить казаковъ, а во-вторыхъ связать гребенскихъ казаковъ съ терскими въ одну военную линію. Предложенный въ этомъ духѣ совѣтъ Апраксина казаки исполнили. Такъ совершилось перечесленіе гребенскихъ казаковъ съ ихъ стараго мѣста въ Гребенскихъ горахъ на лѣвую сторону Терека. Произошло это въ 1711 и 1712 г.г.*) Помимо безопасности отъ горскихъ набѣговъ, переселеніе это было во всѣхъ отношеніяхъ для гребенскихъ казаковъ не выгодно. Во-первыхъ, они промѣняли богатѣйшія пахотныя земли на безплодные пески и отличные горные покосы на луговую осоку да тощую степную полынь. Во-вторыхъ, переселеніе сильно ухудшило ихъ гигіеническія условія. Поселившись на низкихъ топкихъ берегахъ, среди болотъ и камышей, казаки стали страдать отъ лихорлдокъ и населеніе начало слабѣть и уменьшаться.

---

*) Есть извѣстія, что раньше переселенія 1711—1712 г.г. казаки уже выселились въ 1680—1685 г.г., изъ Гребней и жили по правому берегу Тердка, гдѣ ихъ и нашелъ Апраксинъ; но эти извѣстія требуютъ исторической провѣрки, почему здѣсь обходятся молчаніемъ. Въ 1688 и 1707-мъ г.г. Терскіе казаки (смот. ниже) и гор. Терка вынесли сильныя разоренія отъ Кубанскихъ сераскировъ, и если-бы въ это время гребенскіе казаки обитали также на притеречной плоскости, то ихъ несомнѣнно постигла бы та же участь, ибо турецкія войска должны были двигаться по теченію Терека. Однако о гребенскихъ разореніяхъ отъ этихъ походовъ ни въ истор. извѣстіяхъ, ни въ народныхъ преданіяхъ свѣдѣній не сохранилось.

[illegible] сторонѣ, гребенскіе казаки про-
[illegible] томъ Терека и всѣми прежни-
[illegible] хъ. Курдюковскіе казаки обра-
[illegible] виноградные сады, а червлен-
[illegible] съ, производили пашни и по-
[illegible] Только въ 1765 году на покину-
тыхъ казаками мѣстахъ стали появляться горскія поселенія, старѣйшимъ изъ которыхъ явился Старый—Юртъ, построенный гребенчуковскимъ владѣльцемъ, княземъ Довлетъ-Гиреемъ Черкасскимъ. Поселяясь на казачьей землѣ, князь Довлетъ-Гирей сдѣлалъ это съ согласія казаковъ и испросилъ предварительно ихъ разрѣшеніе. По этому случаю имъ заключено было съ старшинами и казаками Червленнаго городка слѣдующее условіе:

«1765 года іюня 19 дня сія записка заключена Гребенского войска Червленскаго городка, станичнаго атамана Стефана Гулаева, сотника Якова Леонтьева, хорунжева Никиты Федорова и при томъ старшинъ и казаковъ, да Гребенчуковскаго владѣльца Девлетгирея Черкасскаго, Чанки-Баташъ-Ахтолова, Эльбузы Минкишева, Бамата Амматова, Мыта Хлестакова и протчихъ при немъ узденей, въ томъ что состоитъ онъ, упоминаемой Девлетгирей съ подвластными своими поселеніемъ въ нашихъ дачахъ у Горячихъ Водъ житіемъ, и въ томъ мы съ общаго согласія договоръ учинили, какъ его подвластнымъ въ нижеписанномъ казакомъ никакова воровства не чинить, тожъ и казакамъ ево подвластнымъ никакихъ обидъ не чинить; а именно: съ марта мѣсяца съ 1-го числа до Петрова дня, по урочища Павлову Щель и Павловъ Колокъ, табуновъ конскихъ и скотскихъ и овецъ безъ дозволенія нашей станицы старшинъ и казаковъ не пасти и на Гребнѣ противъ нашего городка, бездозволеніяжъ нашей же станицы не рубить лѣсъ Девлетгиреевымъ подвластнымъ; а въ воровствѣ кто явится, наши казаки или его подвластные, и въ переправѣ отъ насъ на ту и отъ Девлетгирея на сю сторону, то по усильству ихъ уби-

вать чѣмъ будетъ способно, и естьли кто въ томъ воровствѣ пойманъ будетъ, сверхъ наказанія, взыскать нижеписанный штрафъ; тожъ естли и отъ его людей произойдетъ воровство: капканъ, лошадь, быкъ, колесы сымутъ, на сабанѣ (пашнѣ) дерево порубятъ и черезъ сабанъ или садъ дорогу проложатъ и кошенное сѣно увезутъ или лисицу вынутъ, таковые сыщутся, то взыскать обидимымъ, сверхъ платежа, какъ съ ихъ, такъ и съ нашихъ, пятнадцать рублевъ денегъ; и отарами быть выше нашего Червленскаго городка, на той сторонѣ, въ урочищѣ называемомъ Бливной Протокѣ, по старой Выходъ; въ чемъ подъ симъ обще во увѣреніе и подписуемся. А во овоще, яко-то: арбузы, дыни, тыквы, огурцы и протчіе— кто на ономъ пойманъ будетъ, то быка съестъ и ежели въ томъ лугу они овощь накладутъ, то взыскать вышеписанной штрафъ пятнадцать рублевъ денегъ. Къ сему договору, вмѣсто вышеписанныхъ станичнаго атамана Стефана Гулаева, сотника, хорунжева и всѣхъ казаковъ станичный писарь Лаврентій Андреевъ руку приложилъ. Подлинное подписано вышеписанными зарѣчными жителями на татарскомъ деалектѣ: подъ вышеписанныхъ пунктахъ, какъ отецъ мой Девлетгирей Черкасскій подписался, теми я сынъ ево Баматъ Девлетгиреевъ доволенъ. Вмѣсто ево, по ево прошенію, за неумѣніемъ грамоти, подписался Кизлярскій житель Персіянъ Ногай Исуповъ, а Баматъ приложилъ своеручную печать. Сентября 8-го дня 1778 года. Переводилъ переводчикъ Калилъ Бадыръ».

Въ 1768 году іюня 2-го дня къ этому условію сдѣлана прибавка слѣдующаго содержанія:

«Еще къ дополненію собѣихъ сторонъ, Девлетгиреевой деревни 1768 года іюня 2 го дня, что Девлетгиреевымъ подвластнымъ по зарѣчью марену корень по большую дорогу, которая лежитъ отъ Кабарды подле рѣки къ Барагунамъ, не копать отъ рѣки и до горъ; а къ дорогѣ отъ горъ имъ свободно копать въ чемъ и они подъ симъ и подписались. Подлинное подписано на татарскомъ деалектѣ».

По смерти стараго князя Девлетгирея условія эти подтверждены были сыномъ Девлетгирея, Баматомъ Девлетгиревичемъ, который, кромѣ вышеприведенной подписи на отцовскомъ условіи, заключилъ съ казаками свое собственное условіе, слѣдующаго содержанія:

«1778 года сентября 6-го дня, мы нижеподписавшіеся Девлетгиреевой деревни владѣлецъ Баматъ Девлетгиреевъ съ нижеписанными той деревни старшинами и уздени, въ сходствіе даннаго съ началу заведенія нашей деревни письменнаго обязательства отцомъ моимъ Девлетгиреемъ Черкасскимъ въ 765 году іюня 19-го дня, и я повторяю сею подпискою Червленской станицы старшинамъ и казакамъ въ томъ, что наши подвластные въ казачьи дачи, по показанные грани, то есть урочищи ниже Павловой Щели, лежащей къ Дергачеву Гребню въ ущельяхъ, Павловъ Колокъ, тожъ и Подгорное Займище больше отнюдь табунами, скотомъ и овцами не вступали, сѣно не косили, пашни не имѣли, лѣсъ не рубили самовольно, какъ по Гребню и подле Терека рѣки и по островамъ; безъ дозволенія оной станицы тожъ водопои не дѣлать, хуторажъ не строить; будежъ кто въ томъ преступленіи явится, то поимавъ что при оныхъ будетъ: волы, ружьи и протчіе, отобрать казакамъ себѣ, а буде табуны конскіе и скотскіе или овечьи стада пасти будутъ, то также вмѣсто штрафу брать казакамъ противу обиды вдвое, какъ и сего года онымижъ казаками баранта захвачена; будежъ въ переправѣ съ сей на ту сторону или отъ той брести кто будетъ чрезъ рѣку Терекъ, того убивать казакамъ чѣмъ способно будетъ, и за такихъ намъ преступниковъ не вступатца; въ чемъ подъ симъ и подписуемси. Подлинное подписано на татарскомъ деалектѣ».

Этотъ Баматъ Девлетгиреевичъ или Баматъ-Бекичъ былъ основателемъ новой Баматовой деревни на правомъ берегу Терека, которая теперь зовется Новый-Юртъ. Въ 1799 году онъ принялъ окончательно отъ казаковъ весь правый берегъ, взявши на себя и его охрану. По этому поводу между нимъ и

Червленскими казаками состоялось послѣднее условіе, каторое сохранилось у Червленскихъ казаковъ. Условіе это слѣдующее:

«1799 года генваря 20 дня, я нижеподписавшійся Девлетгиреевской деревни князь Баматъ Девлетгиреевъ далъ сію обязательству Гребенского войска Червленской станицы старшинамъ и казакамъ въ томъ, что отъ Моздокскаго казачьяго полка, отъ Нижняго бикета, называемаго урочища (Кечимтагай) до шадринскихъ дачъ, урочищахъ Избушки, по той сторонѣ рѣки Терека, я взялъ съ своими подвластными содержать вышесказанное мѣсто подъ свой отвѣтъ. Будежъ въ той дистанціи что отъ хищниковъ Чеченцевъ произойдетъ разбой людямъ и скоту воровство, то за все мнѣ отвѣчать, какъ за убитаго, также и увезеннаго. Вслучаѣжъ будетъ неурожай на ихъ сторонѣ сѣна, то они должны косить на той сторонѣ, гдѣ мнѣ отдано: также и лѣса сырого не рубить по Тереку въ чемъ подъ симъ и подписуюсь Баматъ Бекичъ».

Не смотря на то, что послѣднее изъ этихъ условій заключено всего въ 1799 году, старыя права гребенцовъ были скоро забыты. По незнанію мѣстныхъ условій и дѣйствовавшихъ договоровъ, межеваніемъ 1802 года землемѣръ Безобразовъ показалъ правый берегъ въ обладаніи жившихъ на немъ горскихъ поселенцевъ. Поэтому казаки потеряли не только прадѣдовскія земли, которыя они уступили въ пользованіе князю Черкасскому, но и всю правую половину рѣки, на которой искони ловили рыбу, и свой лѣсъ по Гребню и около рѣки, и свои покосы, которыхъ не только никому не уступали, но которыми невозбранно владѣли въ самый моментъ межевыхъ работъ Безобразова. И когда потомъ, 16 лѣтъ спустя, генералъ Ермоловъ вздумалъ вернуть отнятыя у казаковъ права и вновь возвратить имъ правый берегъ, снеся разбойничавшіе «мирные» аулы, ходатайство его не имѣло успѣха.

Все это теперь прочно и основательно забыто.

Въ 1717 году Петръ Великій предпринялъ походъ на Хиву,

чтобы изслѣдовать устья Аму-Дарьи и вновь направить ее, если можно, по старому руслу въ Каспійское море. Русло это, какъ слышно было, перекопали тамошніе народы и закрѣпили сильными плотинами. Кромѣ того, Петру Великому хотѣлось проникнуть вглубь средней Азіи, чтобы поразвѣдать оттуда о путяхъ въ Индію, а также о золотыхъ пескахъ Аму-Дарьи, которыми она будто-бы обладала. Пробраться съ тою же цѣлью предписано было даже до «Иркети» (Яркенда). Начальникомъ отряда былъ назначенъ Гвардіи Капитанъ, князь Довлетъ-Гирей Бековичъ Черкасскій, названный въ св. крещеніи Александромъ. Князья Черкасскіе были давно знакомы гребенскимъ казакамъ. Потому въ отрядѣ Бековича принялъ участіе пятисотенный полкъ гребенскихъ казаковъ.*) Начатый весною 1717 года изъ Гурьева городка, походъ этотъ былъ крайне неудаченъ. Преодолѣвая голодъ и жажду въ безплодныхъ сыпучихъ пескахъ, отрядъ отважно достигъ предѣловъ Хивы и нанесъ хивинцамъ доброе пораженіе, но затѣмъ, измѣннически заманенный въ столицу хивинскаго хана, князь Бековичъ былъ убитъ, а отрядъ его истребленъ совершенно. Погибли и всѣ гребенскіе казаки. Вернулись потомъ только двое изъ нихъ, древними старцами, послѣ долгихъ мытарствъ и тяжкой неволи: Щедринской станицы Петръ Стрѣлковъ и Червленной Иванъ Демушкинъ, изъ которыхъ отъ второго сохранился подробный разсказъ объ этомъ горестномъ походѣ.

«Со сборнаго пункта у Гурьева», разсказывалъ Иванъ Демушкинъ»: начался нашъ походъ безталанный (въ отрядѣ было около 4/т. человѣкъ) черезъ недѣлю аль черезъ двѣ послѣ красной горки.**) Потянулась передъ нами степь безлюдная и нѣтъ ей конца-краю. Идемъ все по пескамъ сыпучимъ (Бековичъ шелъ берегомъ моря, потомъ пустыней Усть-Уртъ), пѣсенки попѣваючи, становимся на отдыхъ, гдѣ попадается

*) Атаманомъ былъ Басмановъ, Щедринской станицы.

**) Согласно историческимъ даннымъ, въ началѣ іюня.

поляна (лужайка) съ копанью и тощей травкой. Воду пьемъ касоленую и горькую, страсть какую противную, кормимся казеннымъ сухаремъ, а домашнія кокурки давно ужъ вышли. Гдѣ трафится бурьянъ, колючка какая, сваримъ кашу, посчатливится подстрѣлимъ сайгака, поѣдимъ печенаго мяса. Недѣли черезъ три кони у насъ крѣпко исхудали, а еще черезъ недѣльку стали падать. На седьмой аль на восьмой недѣлѣ мы дошли до большихъ озеръ, сказывали яицкіе казаки, рѣка тамъ большая (Аму-Дарья) перепружена.

До этого мѣста киргизы и трухмены дѣлали на насъ два большія нападенія, да мы ихъ оба раза какъ мякину по степи развѣяли. Яицкіе казаки даже дивовались, какъ мы супротивъ длинныхъ киргизскихъ пикъ въ шашки ходили. А мы какъ понажмемъ поганыхъ халатниковъ, да погонимъ по кабардинскому, такъ они и пики свои по полю разбросаютъ; подберемъ эти шесты оберемками, да послѣ на дрова рубимъ и кашу варимъ.

Около озеръ князь Бековичъ велѣлъ дѣлать окопъ: идетъ вишь на нашъ отрядъ самъ ханъ хивинскій съ силой великой басурманской. И точно, подошла орда несмѣтная, напуски дѣлали со всѣхъ сторонъ и бились три дня. На четвертый день ихъ и слѣдъ простылъ, а мы тронулись къ Хивѣ. За одинъ переходъ отъ Хивы ханъ, наконецъ, замирился и просилъ остановить войска, а самаго князя Бековича звалъ въ гости въ свой хивинскій дворецъ. Собравшись ѣхать къ хану, Бековичъ взялъ съ собою нашихъ гребенскихъ казаковъ триста человѣкъ, подъ коими держались еще кони, и мы отправились. Я съ дядей Іевомъ въ числѣ 300 конныхъ находился. Прибрались мы въ новые чекмени и бешметы съ галуномъ, а коней посѣдлали съ наборною сбруею. Хива городъ большой, обнесенный стѣной съ каланчами, да только улицы въ ней ужъ очень тѣсны. У воротъ насъ встрѣтили знатные хивинскіе вельможи; они низко кланялись князю, а намъ съ усмѣшкой говорили: «Черкезъ—казакъ якши,

рака будешъ кушай». Ужъ и дали они намъ раки, измѣнники треклятые, трусы подлые, что умѣютъ бить только лежачаго.

Справивши почетную встрѣчу, повели они насъ въ городъ, а тамъ у нихъ были положены двѣ засады да съ боковъ скрытно разставлены двѣ орды, во дворахъ, за высокими глиняными заборами. Уличка, гдѣ эта ловушка была устроена и по которой они насъ вели, была узенькая и изгибалась, какъ змѣя; проѣзжали мы по два и по три коня, больше нельзя; заднимъ совсѣмъ не было видно переднихъ людей за этими кривулями.

Какъ только миновали мы первую засаду, она поднялась, запрудила уличку и бросилась на нашихъ заднихъ, а вторая загородила дорогу переднимъ и начала по нимъ палить. Не знаютъ наши, впередъ ли, назадъ ли дѣйствовать. А въ это самое время показалась орда съ обѣихъ сторонъ улички и давай въ насъ жарить съ заборовъ, съ крышъ, съ деревьевъ, изъ оконъ домовъ. Вотъ въ какую западню мы втюрились. И не приведи же Господи, какое началось тамъ побоище: пули и камни сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ, даже пиками трехсаженными донимали насъ сверху, какъ рыбу багрятъ зимой на Яикѣ.

Старшины и пятидесятники съ самаго начала крикнули: «съ конь долой, ружья въ руки», а потомъ всѣ подаютъ уже голосъ: «въ кучу, молодцы, въ кучу». Кудажъ тамъ въ кучу, коль двумъ—тремъ человѣкамъ съ лошадьми обернуться негдѣ. Бились въ растяжку, да и бились же не на животъ, а на смерть, поколь ни одного человѣка не осталось на ногахъ! Раненные и тѣ отбивались лежачіе, не хотѣли отдаваться въ полонъ. Раненыхъ было много, затѣмъ что непріятель билъ все сверху, прячась за свои заслоны и неловко попадалъ, а какой смѣло выставлялся, того наша пуля не миновала. Подконецъ тѣла нашихъ раненыхъ топтали лошади въ переполохѣ, а хивинцы ихъ дорѣзали. Ни одинъ человѣкъ не вышелъ изъ треклятой трущобы, всѣ тамъ полегли. Не пощадили изверги и ка-

зацкихъ труповъ, издѣвались даже надъ мертвыми казацкими тѣлами: отрѣзывали головы и, вздѣвши ихъ на длинныя пики, носили по базарамъ. Бековича схватили раненаго, какъ видно, не тяжело, поволокли во дворецъ и тамъ вымучили у него приказъ къ отряду, чтобы расходился малыми частями по разнымъ ауламъ. А когда войска разошлись такимъ глупымъ порядкомъ, то въ тѣ поры хивинцы однихъ побили, другихъ разобрали по рукамъ и повернули въ ясыри (неволю). Послѣ того, какъ Бековичъ подписалъ такой приказъ въ хивинскомъ дворцѣ, его тиранили всякими лютыми муками, еще съ живого сдирали кожу, сперва съ головы, а потомъ съ рукъ и съ ногъ, да все приговаривали: «Не ходи, Довлетъ, въ нашу землю, не отнимай у насъ Аму-Дарьи рѣки, не ищи золотыхъ песковъ...*)

Таковъ былъ невеселый разсказъ столѣтняго старца, и черезъ сто лѣтъ не позабывшаго родной стороны, а пришедшаго умирать до дому. Таковы были старые гребенскіе казаки!.

Вскорѣ послѣ того, гребенскіе и терскіе казаки перестали быть вольными. Въ 1721 году марта 3-го состоялся именной ВЫСОЧАЙШІЙ Указъ, по коему повелѣно донскимъ, яицкимъ и гребенскимъ казакамъ быть во всѣхъ управленіяхъ въ вѣдѣніи военной коллегіи. Жизнь казачья пошла уже не по прежнему, а такъ, какъ указывали пользы и нужды государственныя. Казачьи земли окончательно вошли въ составъ государства. Въ 1722 году Петръ Великій прибылъ самъ къ устью Терека, чтобы убѣдиться, въ какомъ положеніи была древняя казачья сила. Онъ предпринялъ большой походъ противъ Персіи и замышлялъ проникнуть въ Индію: силъ военныхъ нужно было много. Въ печальномъ положеніи засталъ Петръ Терку и древнее Терское казачество. Отъ прекращенія притока вольныхъ людей, отъ убійственнаго лихорадочнаго климата—низовое Терское казачество обезлюдѣло, зачахло. Не-

*) И. Д. Попко стр. 237—241.

чѣмъ было и кормиться людямъ отъ прекращенія древняго молодечества. Не въ лучшемъ положеніи находился воеводскій городокъ. Къ нему также прекратился доступъ вольныхъ людей, онъ также обезлюдѣлъ отъ жестокихъ лихорадокъ. Къ тому же онъ вынесъ два тяжелыхъ разорѣнія отъ турокъ, которые и здѣсь не хотѣли дать покоя русской власти. Въ 1688 году къ нему подступалъ съ многочисленною ордою Кубанскій сераскиръ Казы-Гирей и хотя храбро отбитъ былъ отъ валовъ города, но достаточно погромилъ все, что не было укрыто за валами. Въ 1707 году, только что вытерпѣвъ ужасное наводненіе со стороны моря, произведенное землетрясеніемъ, и едва устроившись на новомъ мѣстѣ, куда былъ перенесенъ, онъ долженъ былъ выдержать вторичное нападеніе отъ кубанскаго сераскира Эштекъ-Султана (Каипъ-Султана).

Во всемъ терскомъ войскѣ Петръ Великій нашелъ не больше 1000 человѣкъ, считая съ окочанами, съ новокрещенцами и другими инородцами, которыхъ однихъ было около трети.

Поэтому въ томъ же году повелѣно вызвать 1000 казачьихъ семей съ Дона и усилить ими Терское населеніе, а само войско переселить съ устьевъ Терека на устья Сулака. Для завоеванія новаго мѣста и вообще для покоренія Дагестана и дальнѣйшихъ персидскихъ земель, Петръ изъ Терки двинулся дальше по берегу Каспійскаго моря. Въ его отрядѣ было 500 конныхъ гребенскихъ казаковъ, болѣе хорошо, чѣмъ терскіе, сохранившихъ боевую силу. Заселена была Сулакская линія къ 1824 году, къ какому сроку успѣли прибыть съ Дона вызванныя 1000 семей, которыя и были здѣсь поселены пятью городками. Новая казачья линія была названа новымъ именемъ: Аграханскимъ войскомъ. Въ центрѣ этого Аграханскаго войска была построена крѣпость св. Креста, въ углу образуемомъ Сулакомъ и его рукавомъ Аграханью (теперь высохла).

Хотѣлъ Петръ Великій переселить на Сулакъ и Гребенское казачество, да ему донесли, что гребенскіе казаки замутились.

За свои прежніе походы подъ Тарки гребенцы хорошо извѣдали прелести тѣхъ мѣстъ, обездоленныхъ, безлѣсныхъ, солонцеватыхъ, лихорадочныхъ, и не хотѣли итти на вѣрную гибель. Взвѣсивъ все это, царь передумалъ, и гребенскихъ казаковъ не тронули.

Вскорѣ само правительство убѣдилось, на сколько гибельны были избранныя новыя мѣста. Переселенные туда терскіе казаки и вновь водворенные донцы должны были по нѣсколько разъ перемѣнять мѣста, а смертность была такъ велика, что изъ каждыхъ трехъ человѣкъ выбывалъ одинъ, а многія семейства вымирали почти поголовно. Смертность усиливалась отъ того, что, за недостаткомъ строевого лѣса, казаки для жилья должны были строить землянки.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, въ 1735 году, всѣ завоеванія Императора Петра, по берегу Каспійскаго моря, были отданы Персіи, пограничная линія вновь снесена на Терекъ, крѣпость Св. Креста была уничтожена, и казаки съ Сулака переведены на Терекъ. Теперь ихъ поселили нѣсколько выше прежнихъ мѣстъ, поближе къ гребенскимъ казакамъ. Въ 1736 году былъ достроенъ Кизляръ, на лѣвомъ берегу стараго Терека, и около него поселены остатки прежняго Терскаго войска, образовавъ бывшую Кизлярскую станицу, расформированную въ 1870 году и жители которой частью остались въ Кизлярѣ, съ тезиками, частью приселены къ станицамъ: Копай и Сосаплы, по нынѣшнему—Александрійская и Александроневская станицы. Терское войско было теперь уже такъ мало, что могло выставлять только 200 человѣкъ, да и то 67 изъ нихъ были инородцы. Между терскими и гребенскими казаками были поселены приведенные съ Дона 1000 семей, изъ которыхъ также уцѣлѣло немного. Ихъ поселили тремя стани-

цами: Каргалинскою, Дубовскою и Бороздинскою*) Съ перенесеніемъ Сулакской линіи на Терекъ, наименованіе Аграханскаго войска было уничтожено, и явились два новыхъ названія: прежніе терскіе казаки стали называться терскими кизлярскими, а вновь поселенные донскіе—терско-семейными, ибо это были первые казаки переселенные на Терекъ съ семействами и получавшіе пайки не по числу служилыхъ казаковъ, а на семейства. Такъ появилось на Терекъ Терское-Семейное войско, вошедшее въ предѣлы Терской области въ 1724 году.

Въ 1725 году повелѣно Аграханскому войску служилымъ казакамъ выдавать жалованье деньгами по 5-ти рублей, хлѣба и муки по 6-ти четвертей, крупъ по три четверти, овса 3 четверика, соли по 1-му пуду 8-мь фунтовъ на человѣка. А числилось тогда въ войскѣ служилыхъ 1000 человѣкъ; это жалованье сохранилось и по переводѣ казаковъ на Терекъ.

Въ 1727 году повелѣно отъ переведенныхъ съ Дона казаковъ посылать станицы**) въ Петербургъ, со всякою нуждою, при чемъ размѣръ станицы опредѣленъ въ 10-ть человѣкъ.

Гребенскихъ станицъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ съ 1721 года по 1727-й въ пріѣздѣ не было и окладная жалованная грамота имъ не выдавалась. Въ 1727 году гребенскіе казаки прислали свою станицу, при чемъ они просили о прибавкѣ окладного жалованья, чтобы выдавать имъ «противъ прочей ихъ братіи». Въ указѣ въ Военную коллегію въ 1731 году, эта просьба была уважена; приказано: прибавить гребенскимъ казакамъ по 3 рубля и давать по 6-ти рублей, а хлѣба и муки давать по 6-ти четвертей, овса по 3 четверти, крупъ по 3 четверика, т. е. какъ и терскимъ семейнымъ казакамъ.

---

*) Каргалинская—отъ имени бывшаго урочища Каргалы, при рѣкѣ Каргалинкѣ; Дубовская—отъ рощи огромныхъ дубовъ, росшей на томъ мѣстѣ; Бороздинская—отъ имени прежней рѣки Большой Борозды, или нынѣшней Таловки, при устьѣ которой она первоначально была и откуда вышла въ 1814 г.

**) Депутаціи или посольства.

Очевидно, такое же жалованье получали и терскіе кизлярскіе казаки.

Въ 1734 году денежное жалованье увеличено до 7-ми рублей.

О гребенской станицѣ въ 1737 году повелѣно: атаману выдавать на проѣздъ 63 рубля 21 копейку, есаулу 46 руб. 73 коп., сотнику 40 рублей, рядовымъ (ихъ было пять) по 34 рубля 94 копейки, да и на подводы въ оба пути 176 руб., а всего 500 рублей.

Въ 1745 году послѣдовала со стороны правительства попытка слить Терско-Семейное и Гребенское войско—въ одно войско, но попытка вышла неудачной. Казаки рѣзко вздорили во время выборовъ и во всемъ стало большое несогласіе. Въ 1755 году эту попытку велѣно оставить и управляться каждому войску своей старшиной, что и было до 1819 года,—т. е. до введенія назначаемыхъ командировъ войска, вмѣсто выборной старшины при Ермоловѣ.

Изъ походовъ этого времени можно упомянуть только 1736 годъ, когда фельдмаршалъ Минихъ писалъ гребенскому атаману Данилѣ Евфимовичу Аукѣ о присылкѣ ему 400—гребенскихъ казаковъ подъ Азовъ для кубанскаго похода. Пошло 2 станицы, 500 казаковъ, съ двумя атаманами: Аукой и Иваномъ Петровымъ*). Лучшее время для дальнихъ походовъ настало лишь въ концѣ XVIII вѣка, въ царствованіе Императрицы Екатерины.

Съ 1738 года начинаются у гребенскихъ казаковъ препирательства съ духовной властью изъ-за старыхъ обрядовъ. Вышедши изъ Руси почти за сто лѣтъ до Никоновскаго исправленія и образованія раскола, гребенскіе казаки сохранили са-

*) Что касается Ивана Петрова, то это былъ безусловно гребенской старшина, но фамилія Ауки—въ Гребенскомъ войскѣ не сохранилась, потомки его живутъ въ нынѣшней Дубовской станицѣ.

мую горячую любовь къ матери—православной церкви, хотя ревностно хранили старые отцовскіе обряды.

Они крестились двумя перстами, ходили «по—солонь», двоили аллилуія, и т. п., но нимало не подозрѣвали, что черезъ это дѣлались причастны расколу. Русское духовенство также не вникало, что дѣлалось на Терекѣ, а, по обычаю, посвящало только присылавшихся отъ гребенскихъ казаковъ въ священники. Находились, правда, люди, которые замѣчали, что дѣло у гребенцовъ не ладно, и уличали ихъ въ раскольничествѣ. Такъ, напримѣръ, доносили Петру Великому, когда онъ былъ на Терекѣ; но этотъ великій монархъ, узнавъ, что гребенцы около полутораста лѣтъ прожили въ Гребняхъ, сохранивъ и русскій языкъ и русскую вѣру, и ни на іоту не поддавшись азіатчинѣ, удивился ихъ великой вѣрности православной вѣрѣ и русской стойкости, и не велѣлъ ихъ трогать. Не трогали казаковъ, впрочемъ, до 1738 года. Въ томъ году Астраханскій епископъ Илларіонъ предписалъ гребенцамъ покинуть раскольническія заблужденія. Отъ многаго отступились казаки, узнавъ, что это запрещено церковью, но не хотѣли отступиться отъ двоеперстнаго креста, которымъ молились. И добрый епископъ, увидѣвъ дѣтскую преданность казаковъ прадѣдовской вѣрѣ, разрѣшилъ имъ это невинное отступленіе и благословилъ его. Взамѣнъ того, онъ взялъ съ казаковъ согласіе построить церкви въ каждой станицѣ *) и твердо отступиться отъ прочихъ заблужденій старообрядчества. Казаки прислали ему объ этомъ письменное постановленіе и согласіе войска. Но не такъ взглянула на дѣло высшая церковная власть, какъ смотрѣлъ отчески расположенный къ гребенскимъ казакамъ астраханскій епископъ. Синодомъ было предписано взять назадъ благословеніе на двоеперстіе и принудить казаковъ отъ него отступиться силою. Миръ между

*) У казаковъ была до того времени только одна церковь въ станицѣ Курдюковской.

консисторскимъ начальствомъ и казаками нарушился. Казаки пріостановили дальнѣйшую постройку начатыхъ церквей и вовсе отказались ихъ строить.

Въ 1740 году въ Кизляръ были вызваны священники гребенскихъ казаковъ и тамъ задержаны. Этою мѣрою думали привести казаковъ къ укрощенію, но достигли противоположнаго: гребенскіе казаки озлобились и вовсе отшатнулись отъ церкви. Видя нелюбовь и притѣсненія со стороны церковныхъ властей, они стали внимательнѣе къ нашептываніямъ раскола. Уже давно къ нимъ стучались искуснѣйшіе проповѣдники раскола, но, живя въ мирѣ съ церковью и властью, казаки этихъ волковъ отъ себя гнали, и они не находили въ гребенскихъ городкахъ ни пріюта, ни слушателей. Теперь ихъ стали принимать охотнѣе. Потянулась къ гребенцамъ скитавшаяся по лѣсамъ раскольническая братія и стала быстро сѣять свое зловредное сѣмя; сѣмя это дало плоды чрезвычайные. Въ 1765 году священникъ Червленскаго гребенского городка Парѳенъ Ивановъ, по довѣренности духовенства отъ всѣхъ остальныхъ гребенскихъ городковъ, жаловался св. Синоду, что гребенскіе казаки уже всѣ уклонились въ расколъ и причтамъ жить нечѣмъ.

Послѣдніе столпы православія пали среди гребенцовъ почти на глазахъ нашего поколѣнія, а именно около 1812 года.

Такъ прошумѣлъ надъ головами гребенскихъ и терскихъ казаковъ XVIII вѣкъ, ничего не принесшій имъ, кромѣ горя и разоренія.

Въ 1767 году произошелъ сильный разливъ Терека, подобнаго которому старики не могли запомнить, и нанесъ казакамъ очень большія опустошенія. О немъ сохранилось слѣдующее описаніе: «Сего іюня противъ 10-го числа, въ ночи, внезапу отъ воли Божіей изъ рѣки Терека прибылая вода усиливалась теченіемъ чрезъ яръ въ степь въ такихъ мѣстахъ, гдѣ издревле теченія и опасности никакой не было и никто

не запомнитъ. Чѣмъ въ Кардюковской, выше городка, на сей сторонѣ въ верстѣ, въ высокихъ мѣстахъ и чрезъ укрѣпленные мѣста прорывомъ и заливомъ потопило жатые хлѣба, подкошенное сѣно въ стогахъ и копнахъ, собственное свое и казенное гусарское, такожъ и по той сторонѣ, не умѣщаясь въ Терекѣ, винаградные сады. Въ Старогладковѣ чрезъ берегъ и валы, гдѣ никогдажъ заливовъ не было, что и укрепить неможно, чѣмъ великой озимому и еровому хлѣбу, такожъ своему и казенному, подкошенному и не подкошенному сѣну учинило немалое поврежденіе. Въ Новогладковѣ, гдѣ еще съ начала поселенія заливовъ отъ воды не бываложъ, чрезъ берега учинился выше городка, въ самой грузинской слободѣ, прорывъ который чрезъ двои сутки едва укрѣпить могли; внизъ разстояніемъ отъ городка верстахъ въ двухъ внизъ по берегу сдѣлался заливъ на двѣжъ версты, до степи пришла вода изъ дачъ плантаціи. Такожъ и Шадринскихъ, шириною на версту и болѣе и на лошади гдѣ низкія мѣста переѣхать не можно, кромѣ что на каюкѣ; такожъ и по той сторонѣ, которую укрѣпить неможно; а затопило поджатый озимый хлѣбъ, пшеницу и не пожатое просо, подкошенное въ стогахъ, копнахъ, собственное и казенное сѣно, такожъ луга и виноградные сады. Въ Шадринѣ, въ самой станицѣ чрезъ яръ заливъ и прорывъ, которою водою имѣвшей (имѣвшійся) у нихъ въ домахъ въ амбарахъ хлѣбъ весь и въ степи сѣянный хлѣбъ, подкошенное сѣно потопиложъ, которую (прорву) чрезъ трои сутки едва укрѣпитъ могли, а внизу (ниже станицы) де завеликимъ усиліемъ укрѣпить никакъ невозможно. Въ Червленномъ, выше городка, разстояніемъ въ двухъ верстахъ, гдѣ болѣе тридцати лѣтъ заливу нигдѣ не было, нынѣ чрезъ укрѣпленныя мѣста вода усиливши (усилено) разлилась и потопило до нѣсколько хлѣбовъ и виноградныхъ садовъ. О чемъ вашему Превосходительству въ потребное извѣстіе доношу, какъ и о томъ, что и здѣсь въ Кизлярѣ, чрезвычайно вода велика, которою также во многихъ мѣстахъ хлѣбы и луга затопило, и ежели

еще по времени усилится, то опасно, что, вышедши изъ береговъ и форштату повреждение здѣлать можетъ». *)

Таково было бѣдствіе.

Въ концч XVIII вѣка русская правительственная власть уже прочно утвердилась на Терекѣ и гребенскіе и терскіе казаки стали быстро тонуть въ морѣ хлынувшаго на Терекъ русскаго населенія. Заселеніе шло быстро. Въ 1763 году Императрицею Екатериною построенъ былъ Моздокъ, въ 1770 году заселена моздокская линія и дано образованіе Моздокскому полку, а въ 1776—1777 г.г. заселенъ Волгскій полкъ. Съ 1775 года Кавказская область преобразована была въ намѣстничество и намѣстникъ, Генералъ-Аншефъ Павелъ Потемкинъ, поселился въ станицѣ Екатериноградской (это было, впрочемъ, не надолго).

Въ 1769 году гребенскіе и терскіе казаки участвовали въ закубанскихъ походахъ генерала Медема, а въ 1788 году были тамъ же съ генераломъ Текели. Въ послѣднемъ походѣ гребенцы, подъ начальствомъ Султана Селимъ-Гирея, овладѣли турецкимъ знаменемъ и отбили до 400 адыгскихъ панцырей.

Въ 1791 году**) они участвовали съ графовъ Гудовичемъ подъ Анапою и заслужили очень лестную похвалу этого Кавказскаго воина. Во всеподданнѣйшемъ донесеніи Императрицѣ Екатеринѣ Великой, отъ 7-го ноября 1791 года, онъ писалъ о нихъ въ такихъ словахъ: «Гребенскіе казаки отлично храбрые, хорошо стрѣлять умѣютъ и для здѣшняго горскаго края полезны; можно оныхъ почесть конными егерьми. Они и въ прошедшій походъ подъ Анапой вездѣ себя особливо отличали».

Послѣднимъ дѣломъ XVIII вѣка, въ которомъ участвовали гребенскіе и терскіе казаки, былъ знаменитый персидскій походъ графа Валеріана Зубова, предпринятый въ концѣ царст-

---

*) И. Д. Попопо, стр. 215—217.

**) Подъ начальствомъ атамана Петра Сехиа.

вованія Императрицы Екатерины. Прибывъ въ 1796 году въ Дагестанъ, русскіе вновь прошли по пути Петра Великаго, покорили приморскія владѣнія, взяли Дербентъ, Кубу и Баку и вторгнулись въ Закавказье. Но смерть Императрицы остановила дальнѣйшіе успѣхи. Графъ Зубовъ былъ отозванъ, отрядъ его распущенъ, и русскія завоеванія вновь отданы Персіи. Гребенскіе казаки возвратились въ свои станицы; но скоро имъ пришлось покинуть ихъ на-долго.

Начало боевой страды на Кавказѣ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

«Полное уваженіе мое пріобрѣли линейные казаки. Прежде видалъ я ихъ небольшими частями и не такъ близко, но теперь могу судить и о храбрости ихъ и о предпріимчивости. Конечно, изо всѣхъ многоразличныхъ казаковъ въ Россіи едва-ли есть подобные имъ».

Генералъ *Ермоловъ**).

Манифестомъ 18-го января 1801 года Императоръ Павелъ I-й окончательно присоединилъ къ Россіи Грузію. Манифестомъ 12 сентября того же года Императоръ Александръ I-й учредилъ особое верховное грузинское управленіе и назначилъ перваго главнокомандующаго и губернатора въ Грузію, генералъ-лейтенанта Кнорринга 2-го. Этого перваго главнокомандующаго сопровождали въ Тифлисъ, въ числѣ прочихъ, гребенскіе, кизлярскіе и терскіе казаки. До сихъ поръ гребенскіе и терскіе казаки несли постоянную службу только у себя дома, на Терекѣ, охраненіемъ Кизляро-Моздокской военной линіи и своихъ станицъ отъ прорывовъ хищныхъ горцевъ; въ дальніе же походы хоть и ходили, но, по окончаніи походовъ, снова возвращались домой. Теперь имъ пришлось познакомиться съ иного рода службою. По представленію Кнорринга, изъ гребенскихъ, кизлярскихъ, терскихъ и вновь поселенныхъ моздокскихъ и

*) Записки. Часть 2-я. Стр. 189.

волгскихъ казаковъ былъ сформированъ особый пятисотенный сборный казачій полкъ, для постоянной службы «въ Грузіи».

Служба эта оказалась не легкою. При преемникѣ Кнорринга, знаменитомъ князѣ Циціановѣ (назначенъ 8 сентября 1802 года, прибылъ 1-го февраля 1803 года) начался на Кавказѣ тотъ *военный громъ*, который, не умолкая, гремѣлъ тамъ до 1864 года, т. е. до окончательнаго покоренія Кавказа. Сначала пламя бушевало только въ Закавказьи. Приводились къ повиновенію непокорные, очищалась, умиротворялась страна отъ грабителей и разбойниковъ, освобождался грузинскій народъ отъ безправія и угнетенія, чинимыхъ и персами и турками, разорявшими край, но еще больше происходившихъ отъ разныхъ мелкихъ татарскихъ владѣльцевъ и хановъ, зависѣвшихъ отъ этихъ государствъ или прикрывавшихся ихъ именемъ.

Всѣ эти мелкіе ханы и владѣльцы были или усмирены, или изгнаны силою русскаго оружія. Бой кипѣлъ непрерывный, безпощадный. Городъ за городомъ, ханство за ханствомъ покорялись подъ державу русскаго Императора. 8-го февраля 1806 года генералъ-лейтенантъ князь Циціановъ былъ измѣннически убитъ при крѣпости Баку, во время переговоровъ съ Хуссейнъ-Кули-Ханомъ Бакинскимъ; но преемникъ его, графъ Гудовичъ, съ которымъ гребенцы познакомились еще въ 1791 году подъ Анапою, продолжалъ его дѣло безостановочно. Онъ открылъ борьбу не только за Кавказомъ, но по сю сторону, на передней линіи. По его приказанію генералъ-отъ-инфантеріи Булгаковъ, командовавшій на «Кавказской Линіи»*), въ іюлѣ 1806 года двигается въ Южный Дагестанъ, беретъ Баку и Кубу; 21 іюля генералъ-маіоръ Глазенапъ, *въ третій разъ*, занимаетъ Дербентъ; въ томъ же, іюлѣ генералъ-маіоръ Несвѣ-

---

*) Съ поселеніемъ по Тереку, Малкѣ, Кумѣ станицъ и селеній—поселенія эти стали называться «Кавказской Линіей». Вскорѣ Кавказская Линія была продолжена на Кубань до «Черноморской Линіи», гдѣ жили Черноморскіе казаки. Главнымъ городомъ на линіи былъ сначала Георгіевскъ, а потомъ Ставрополь.

таевъ усмиряетъ бунтъ въ Осетіи и дѣлаетъ экспедицію въ Кабарду. Въ 1807 году открывается война съ Турціей; генералъ-маіоръ Несвѣтаевъ вступаетъ въ Карсскій пашалыкъ (округъ), графъ Гудовичъ разбиваетъ турецкаго сераскира при р. Арпачаѣ, русскіе вторично берутъ Анапу. Въ 1808 году Гудовичъ поражаетъ персіанъ, генералъ Портнягинъ преслѣдуетъ ихъ за Араксъ, генералъ-лейтенантъ Розенъ блокируетъ Эривань. Въ 1809 году персіане проникаютъ до окрестностей Тифлиса, а въ концѣ года вновь разгорается борьба съ турками. Война длится въ 1810 и 1811 г.г.; князю Орбеліани сдается крѣпость Поти; генералъ Котляревскій беретъ штурмомъ Ахалкалаки. 19—20 октября 1812 года Котляревскій громитъ персіанъ подъ Асландузомъ, перваго января 1813 года беретъ у нихъ штурмомъ Ленкорань. Во всѣхъ этихъ бояхъ и походахъ принимали участіе служившіе за Кавказомъ гребенскіе и терскіе казаки, или славные «линейцы», какъ назывались сборные казачьи полки въ то время. Съ Терека должны были постоянно высылаться команды на пополненіе убывающихъ. Достаточно просмотрѣть послужной списокъ казака Тихонова, Червленской станицы, хранящійся въ числѣ бумагъ теперь умершаго бывшаго Терскаго депутата, чтобы видѣть, какое страдное время переживали казаки. Одними битвами и походами, въ которыхъ онъ участвовалъ, въ послужномъ спискѣ Тихонова заняты цѣлыя страницы. А въ это время дома, *на линіи*, у гребенцовъ тоже не было спокойно. Тутъ тоже шелъ бой; тяжелый, непрерывный, *домашній бой*, къ которому казаки уже привыкли. Но бывали моменты въ этихъ домашнихъ бояхъ, когда даже привычному закаленному казачьему духу приходилось жутко. Таково, напримѣръ, *дѣло 2-го апрѣля 1810 года* (см. отд. 2-й).

Съ открытіемъ боевъ за Кавказомъ, гулъ русскихъ пушекъ сталъ отдаваться въ горахъ и ущельяхъ за Терекомъ. Чѣмъ упорнѣе двигалась на Терекъ русская власть, тѣмъ рѣшительнѣе, ей навстрѣчу, напирали затеречные горцы. Глав-

ными между ними теперь стали чеченцы. Они чрезвычайно умножились и усилились. Вытѣснивъ, сто лѣтъ назадъ, казаковъ изъ Гребней, чеченцы не давали имъ покоя и за Терекомъ. Каждую ночь гребенскіе и Терскіе казаки ожидали къ себѣ *незванныхъ* гостей. Особенно трудно было тремъ ближайшимъ гребенскимъ станицамъ: Червленной, Щедринской и Шелковской съ Паробочами.*) День и ночь стояли казаки на своемъ берегу дозоромъ и держали боевую силу въ запасѣ. Правительство же еще не было въ силахъ оказывать дѣятельной помощи казачьимъ станицамъ и само пользовалось казачьею силою. Но не унывали отважные казаки и сами умѣли съ врагомъ справляться. Не даромъ такой лестный отзывъ давалъ о нихъ генералъ Ермоловъ.

От Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки.
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.

Лермонтовъ. «Споръ».

Генералъ-лейтенантъ *Алексѣй Петровичъ Ермоловъ*, имя котораго носитъ первый Кизляро-Гребенской полкъ, былъ во

*) Къ тому времени бывшее Шелкозаводское поселеніе было тоже причислено къ гребенскимъ станицамъ.

всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ знаменитый на Кавказѣ. Какъ орелъ, въ теченіе десяти лѣтъ, онъ носился изъ конца въ конецъ обширнаго края и неизмѣнно водилъ русскіе полки къ побѣдамъ. Каждое мѣстечко, каждая щель, каждый кустикъ на Кавказѣ знали Ермолова; не было тамъ живого русскаго мѣста, котораго бы не посѣтилъ этомъ отважный воинъ, дѣятельный администраторъ, великій человѣкъ и глубокій политикъ. Онъ изучалъ, сражался, размышлялъ, строилъ, законодательствовалъ—одновременно. Его ВЫСОЧАЙШІЯ представленія, иногда очень обширныя и серьезныя, требующія сильной работы ума и усидчивой кабинетной обработки, подписаны то въ станицѣ Червленной, то во Владикавказѣ, то просто: «Л. на р. Сунжѣ» (лагерь на рѣкѣ Сунжѣ*).

Имя его грозой гремѣло по горамъ Кавказскимъ и произносилось горскими народами съ большимъ страхомъ и уваженіемъ. Особенно большой страхъ питали къ нему чеченцы. Грозный «Ярмулъ»**), какъ они его называли, казался имъ чѣмъ-то сверхъ-естественнымъ, и матери пугали его именемъ непослушныхъ дѣтишекъ. Войска же русскія боготворили Ермолова. И офицеры и солдаты, за глаза, звали его просто Алексѣемъ Петровичемъ. И всѣ на Кавказѣ знали, кто такой Алексѣй Петровичъ. Въ самой наружности Ермолова было что-то, вызывавшее почтеніе и трепетъ. Крупный, сильный тѣломъ, онъ имѣлъ огромную голову, съ ниспадающей «львиной» (по выраженію Пушкина) гривой, величественныя черты лица и острый пронизывающій взглядъ, ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ не склонявшійся. Слава предшествовала появленію Ермолова. Герой Наполеоновскихъ войнъ, это онъ, въ роковой день Бородинской битвы, бросалъ горстями георгіевскіе кресты на окруженную французами «батарею Раевскаго», вокругъ которой кипѣлъ самый адъ 26-го августа и

---

*) Бывшая крѣпость Грозная—теперь городъ.

**) Генералъ Бриммеръ пишетъ: «Ермолоу».

около которой разбились лучшіе полки желѣзной арміи Наполеона. Курганъ этотъ, уставленный русскими пушками, нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; но всякій разъ стойкіе русскіе полки, предводимые смѣлыми вождями, сметали оттуда штыками неудержимыя волны французовъ, такъ что, окруженная цѣлой арміей непріятелей, которымъ только дымъ мѣшалъ видѣть, что передъ ними происходило, батарея эта весь день посылала залпы свинца въ самое сердце французовъ Лучшіе французскіе маршалы: Ней, Даву, Мюратъ сломали тутъ свои шпаги. По изгнаніи французовъ, Ермоловъ участвовалъ въ войнѣ 1813—1814 г.г., сдѣлался лично извѣстенъ Императору Александру I-му и пріобрѣлъ большое довѣріе и значеніе. Въ эпоху Вѣнскаго конгреса (1815 г.) онъ стоялъ съ корпусомъ въ Краковѣ, готовый подкрѣпить силою русскаго меча споръ своего Императора съ хитростями европейской дипломатіи, при чемъ, вслѣдствіе молодости Ермолова, чтобы не возбуждать противъ него интригъ и зависти, повелѣно было краковскій корпусъ именовать не «корпусомъ», а авангардомъ арміи (въ арміи много было старшихъ генераловъ, не имѣвшихъ корпуса). Во время «100 дней» Ермоловъ былъ двинутъ на Рейнъ, получилъ тамъ 6-й гренадерскій корпусъ, вошелъ съ нимъ вторично въ Парижъ и, по заключеніи мира, довелъ этотъ корпусъ обратно до Царства Польскаго. Въ 1816 году Ермоловъ получилъ высокое назначеніе главнокомандующимъ въ Грузіи. Въ это время онъ находился въ отпуску въ Орлѣ у престарѣлыхъ родителей. Прибывъ въ Петербургъ и получивъ нужныя инструкціи, онъ въ началѣ августа выѣхалъ въ Москву, а въ сентябрѣ былъ уже на границѣ «Кавказской губерніи». На Кавказъ Ермоловъ ѣхалъ не новичкомъ, онъ былъ уже отчасти знакомъ съ краемъ. Въ 1796 году онъ участвовалъ въ персидскомъ походѣ графа Валеріана Зубова и командовалъ одной изъ башенныхъ батарей при защитѣ г. Дербента, будучи въ чинѣ капитана артиллерій. Но на старое знакомство Ермоловъ не уповалъ, а при-

нялся изучать край съ перваго вступленія. Остановившись на нѣсколько дней въ Георгіевскѣ, онъ собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія о «Кавказской Линіи», и только затѣмъ отправился далѣе. Въ Тифлисъ прибылъ 10 октября 1816 года, осмотрѣлъ тотчасъ важнѣйшую часть закавказскихъ границъ и принялся за необходимыя указанія. Весь 1817 годъ пошелъ у Ермолова на упорядоченіе Кавказскихъ дѣлъ и на посольство въ Персію, куда отправился онъ лично, по порученію Императора. Затѣмъ началась дѣятельность его на «Линіи». 12 апрѣля 1818 года Ермоловъ уже во Владикавказѣ, гдѣ подписываетъ ВЫСОЧАЙШЕЕ представленіе о «Правилахъ поведенія въ отношеніи Персіи», затѣмъ отправляется въ Георгіевскъ, объѣзжаетъ весь «Правый флангъ» до Усть-Лабы, отмѣняетъ весьма вредное запрещеніе русскимъ войскамъ при преслѣдованіи хищныхъ партій переходить берега Кубани, чѣмъ развязываетъ войскамъ руки; осматриваетъ окрестности Ставрополя, чтобы перенести туда изъ Георгіевска учрежденія «Кавказской губерніи»; прибываетъ на Терекъ и останавливается съ 14-го по 24-е мая въ станицѣ Червленной. Здѣсь, еще ранѣе, собранъ былъ отрядъ для первой экспедиціи на Сунжу. Пока подходили нужныя части и заканчивались приготовленія, Ермоловъ подписалъ здѣсь 14-го мая ВЫСОЧАЙШЕЕ представленіе объ укрѣпленіи и заселеніи береговъ Сунжи, о возвращеніи казакамъ праваго берега Терека и удаленіи поселеныхъ на немъ «мирныхъ» Чеченцевъ, а 20-го —о подчиненіи Кавказской губерніи главноначальствующему Грузіею. 24-го мая войска переправились на правый берегъ Терека, Ермоловъ перешелъ съ ними на рѣку Сунжу, и заложилъ вторую свою крѣпость на Сунженской линіи—Грозную (первой была «Преградный Станъ», построенная въ 1817 году). «Всѣ владѣльцы селеній чеченскихъ, расположенныкъ по берегу Терека, именующихся мирными», пишетъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ:*) «находились при войскахъ... Остальные (немирные) чеченцы, издали выс-

*) Записки. Часть 2-я. Стр. 45-я.

матривая движеніе наше, не сдѣлали ни одного выстрѣла». Чеченцамъ старался внушить Ермоловъ, что русскіе пришли не мстить за прошлые грѣхи, а чтобы предупредить повтореніе злодѣяній на будущее время. Онъ требовалъ прекращенія набѣговъ, возврата плѣнныхъ и грозилъ непослушнымъ жестокою карою. Но чеченцы едва ли его понимали. «Наклонные къ грабежу», какъ онъ выражался, они полагали, что, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, русскіе постоятъ на Сунжѣ и уйдутъ во-свояси. Чтобы разубѣдить этотъ чрезмѣрно увѣренный въ себѣ народъ, потребны были послѣдующіе громы, обрушенные на нихъ Ермоловымъ, и 40 лѣтъ безпрерывныхъ ударовъ, нанесенныхъ имъ русскою властью. Въ это время они еще ничего не предчувствовали.

Въ Грозной Ермоловъ получилъ тревожныя извѣстія изъ Дагестана. Открылось, что затѣвавшіе съ нами войну персіяне подкупали дагестанскихъ владѣльцевъ и вольныя общества къ возстанію противъ русскихъ. Оказалось, что къ тому же волновали и чеченцевъ, доселѣ смотрѣвшихъ на Ермолова миролюбиво. Чеченцы затѣяли большое нападеніе на русскій обозъ, двигавшійся къ Грозной, который, подъ прикрытіемъ одной роты, долженъ былъ выйти 4-го августа изъ Чертугая (аулъ, гдѣ нынѣ станица Петропавловская). Такимъ образомъ, между Ермоловымъ и чеченцами произошло первое столкновеніе. Заранѣе предупрежденный, Ермоловъ далъ чеченцамъ такой урокъ русской силы, что, разбитые и разгромленные, они сразу смирились. Перваго октября Ермоловъ выѣхалъ на линію, оставивъ войска достраивать Грозную. Первоначальная землянка, въ которой Ермоловъ жилъ при построеніи Грозной, сохранилась до сихъ поръ. Надъ нею помѣщенъ бюстъ Ермолова (его изображеніе, вылитое изъ мѣди) съ соотвѣтствующей надписью. Въ селеніи Прохладномъ Ермоловъ собралъ кабардинскую старшину и духовенство и старался ихъ вразумить жить въ мирѣ съ русскимъ населеніемъ и не заниматься разбоемъ. Но онъ самъ сознается, что трудился напрасно. Не

мирными рѣчами нужно было вразумлять народъ, почитавшій только силу. «Во всѣхъ случаяхъ», пишетъ Ермоловъ: «гдѣ хотѣлъ я быть великодушнымъ, самымъ наглымъ образомъ бывалъ обманутъ». А потому не удивительно, что съ этихъ поръ въ рукахъ его было одно средство: дубина, и ею онъ началъ дѣйствовать. Возвратясь въ Грозную, онъ нашелъ, что русскіе уже поссорились съ чеченцами. Богатая Сунженская деревня лежала въ развалинахъ, а всѣ мирные аулы по лѣвой сторонѣ Сунжи были покинуты жителями. Изъ Дагестана тоже были вѣсти нерадостныя. Командовавшій въ Дербентѣ генералъ Пестель, которому Ермоловъ предписалъ помочь преданному намъ шамхалу, двинувшись противъ возмутившихся акушинцевъ и аварскаго хана, былъ окруженъ въ Башлахъ и сообщеніе съ нимъ было прервано. Тогда Ермоловъ пошелъ туда самъ, собравъ какую можно было наскоро собрать силу. 29 октября онъ былъ уже въ Эндери, гдѣ далъ отряду дневку, а 3-го ноября въ Таркахъ, и затѣмъ съ непрерывнымъ громомъ и боемъ прошелъ чрезъ Параулъ, Большой и Малый Джангутай (аулы), навелъ всеобщій трепетъ на весь Дагестанъ, освободилъ Пестеля, и 20 ноября возвратился на линію, переправившись черезъ Терекъ у станицы Старогладковской. Приказавъ въ зимнее время вырубить лѣсъ по Ханкальскому ущелью и заложивъ редутъ при селеніи Старый-Юртъ, у горячихъ ключей (гдѣ теперь станица Горячеисточенская; бывшее укрѣпленіе Горячеводское), онъ 25-го декабря былъ уже въ Тифлисѣ. Въ 1819 году онъ послалъ генерала Вреде въ Дагестанъ смѣнить нерѣшительнаго Пестеля, а начальнику корпуснаго штаба генералу Вельяминову приказалъ пройти съ отрядомъ изъ Владикавказа по рѣкѣ Сунжѣ, осмотрѣть укрѣпленія Наздранъ (Назрань) и Преградный-Станъ и провѣрить работы, произведенныя на Ханкальской просѣкѣ и въ крѣпости Грозной. Затѣмъ генералъ Вельяминовъ долженъ былъ переправиться черезъ Терекъ у станицы Шелковской и выйти на кумыкскую плоскость. 17 іюня Ермоловъ самъ прибылъ

къ этому отряду и около аула Эндери заложилъ новую крѣпость—Внезапную. Возмущенный дерзкимъ нападеніемъ чеченцевъ, угнавшихъ отрядныхъ лошадей, онъ рѣшилъ наказать ихъ болѣе серьезно. Онъ приказалъ генералу Сысоеву съ казаками напасть на притеречный чеченскій аулъ Даданъ-Юртъ, служившій пріютомъ разбойникамъ, и разорить его до основанія. Аулъ былъ взятъ кровопролитнымъ штурмомъ, разрушенъ и въ немъ истреблено почти все населеніе. Затѣмъ самъ Ермоловъ 2-го—4-го октября прошелъ по Качкалыковскому хребту, истребилъ аулы: Исти-Ту, Нонберды и Аллаяръ-аулъ и все предалъ опустошенію. Спаслись только семьи чеченцевъ, потому что, напуганные участью Даданъ-Юрта, чеченцы заранѣе укрыли ихъ въ лѣсахъ. 14-го ноября Ермоловъ былъ въ Таркахъ, а 2-го декабря, прождавъ 17-ть дней убійственнѣйшей непогоды, выступилъ для наказанія акушинцевъ и хана Аварскаго, вновь возмутившихся противъ русскихъ и осадившихъ шамхала, преданно служившаго русскимъ. 12, 16, 17, 18 декабря Ермоловъ проходитъ съ боемъ по горамъ Дагестана, разоряетъ цѣлый рядъ ауловъ и, нанеся рядъ значительныхъ пораженій, 20-го декабря беретъ Акушу и все приводитъ къ покорности. 1-го января 1820-го года онъ вторично беретъ Параулъ (столицу хана Аварскаго) и смиряетъ Аварскаго хана, а 17-го января прибываетъ въ Дербентъ, закончивъ экспедицію. Въ Дербентѣ онъ съ благоговѣніемъ посѣтилъ ту башню, въ которой самъ же въ 1796 году командовалъ батареею. 12-го февраля Ермоловъ пріѣхалъ въ Кизляръ, а оттуда въ 4-й разъ проѣхалъ по казачьей линіи, побывалъ въ Георгіевскѣ, посѣтилъ минеральныя воды и 23-го февраля возвратился въ Тифлисъ.—Слишкомъ было бы долго описывать такъ день за днемъ плодотворную дѣятельность Алексѣя Петровича. Достаточно сказать, что, кромѣ исчисленныхъ, онъ предпринималъ еще два большіе похода въ Дагестанъ (1821 и въ 1824 г.г.), построилъ на Кавказской линіи еще одну крѣпость *Бурную* (1821 г.), около Тарковъ, усмирилъ Кабарду (1825

г.) и совершилъ большую экспедицію въ Чечню (въ 1825 г.), съ разореніемъ ряда чеченскихъ ауловъ (Атаги, Чахкири, Урусъ-Мартанъ и проч.) и проложеніемъ новыхъ обширныхъ просѣкъ по Чечнѣ (Гойтинская). Все десятилѣтіе у него прошло въ такомъ непрерывномъ движеніи. Онъ объѣхалъ всѣ стоянки полковъ и русскія поселенія: гдѣ была плохая вода, нездоровая мѣстность, гдѣ поселенія были расположены неудачно—онъ все перемѣнилъ, устроилъ жизнь по лучшему. Полкамъ онъ указалъ новыя штабъ-квартиры: самъ выбиралъ мѣста, самъ начерталъ планы. Зналъ Ермоловъ бытъ линейныхъ казаковъ, какъ никто на Кавказѣ, и очень высоко цѣнилъ это храброе войско. Громкіе походы и дѣла Алексѣя Петровича были въ то же время походами и дѣлами гребенскихъ, терскихъ, кизлярскихъ и иныхъ казаковъ. 200—300 «линейцевъ» были всегда при Ермоловѣ, во всѣхъ походахъ. И потому очень цѣнна для казаковъ его аттестація, которую онъ далъ имъ въ своихъ запискахъ: «*Я не видалъ ни одного казака, стрѣляющаго по-пусту, ни одного иначе ѣдущаго* (подъ огнемъ непріятеля), *какъ малымъ шагомъ. Смѣю думать, что это не самое легкое и въ регулярной конницѣ*».*)

Ермоловъ былъ отозванъ съ Кавказа, далеко не исчерпавъ всѣхъ богатыхъ силъ своихъ, которыми обладалъ, на пользу этого дикаго въ то время края. Онъ живъ былъ еще въ 1859 году, когда, со взятіемъ Шамиля, окончательно пало сопротивленіе на Кавказѣ. Слава и молва даже въ то время о Ермоловѣ была такъ велика среди горскихъ народовъ, что плѣнный Шамиль съ большимъ нетерпѣніемъ стремился увидѣть этого грознаго человѣка.

При Ермоловѣ произошли большія перемѣны въ строѣ и бытѣ гребенского казачества. Прежде всего его вліяніе обнаружилось на перемѣнѣ главнаго городка войска. Первоначально главнымъ городкомъ у гребенцовъ считался Старогладков-

*) Записки. Часть 2-я. Стр. 184-я,

скій, какъ ближайшій къ Теркѣ и Кизляру, средоточіямъ тогдашней царской власти. Изъ жителей этого городка выбирались главнымъ образомъ и атаманы войска. При Ермоловѣ, до 1819 года, былъ Атаманомъ Федоръ Савельевичъ Зачетовъ*). Со времени же Ермолова главное значеніе пріобрѣла станица Червленная, за которой это значеніе сохранилось по настоящее время. Ермоловъ бывалъ въ Червленной не однажды, жилъ и оставался въ ней по-долгу. Въ ней же пришлось ему, 27 декабря 1825 года, объявлять войскамъ о вступленіи новаго Государя Императора Николая Павловича и приводить войска къ присягѣ. Въ этомъ году сразу три приказа по корпусу, 10-го марта, 27 марта и 28 марта, помѣчены въ запискахъ Ермолова именемъ станицы Червленной**).

При выѣздѣ изъ станицы Червленной, въ 1825 году, онъ едва не былъ схваченъ сторожившею его сильною партіей горцевъ. Вотъ какъ объ этомъ разсказывается въ его запискахъ***).

«Изъ Червленной станицы выѣхалъ я 20 ноября (1825 г.), рано по утру. День былъ мрачный и по землѣ разстилался чрезвычайный густой туманъ. Были невѣрные слухи, что партія Чеченцевъ намѣревалась переправиться на лѣвый берегъ Терека. Имъ извѣстно было о моемъ выѣздѣ, по благовременному заготовленію лошадей и конвоя, по той причинѣ, что оныхъ нѣтъ на мѣстахъ въ достаточномъ количествѣ. Партія, до тысячи человѣкъ, приблизилась къ Тереку противъ Казіорскаго шанца (между Червленною и Калиновской станицами, за Николаевскимъ лугомъ, на возвышенномъ глинистомъ берегу Терека есть слѣды развалинъ этого шанца) и отрядила на нашу сторону 400 человѣкъ, дабы напасть на меня. Мѣста совершенно открытыя допустили бы меня замѣтить въ далекомъ разстояніи, но густой туманъ тому воспрепятствовалъ, и я про-

*) Станицы Старогладковской. Впослѣдствіи его родственники переселились въ ст. Новогладковскую.

**) Записки. Часть 2-я. Стр. 418-я, въ приложеніяхъ.

***) Записки. Часть 2-я Стр. 178-я.

ѣхалъ спокойно. Вскорѣ послѣ напали они на большую дорогу, схватили нѣсколько человѣкъ проѣзжихъ и пустились на казачьи хутора, въ надеждѣ на добычу. Едва отпустилъ я конвой, прибывъ въ Калиновскую станицу, какъ дано было знать о появившейся партіи. Конвой, состоявшій изъ 120 человѣкъ храбрыхъ гребенскихъ казаковъ, быстро помчался къ Казіорскому шанцу, гдѣ, нашедши чеченцевъ, ударилъ на нихъ и въ величайшемъ замѣшательствѣ погналъ къ Тереку. Они оставили нѣсколько человѣкъ убитыми и всѣхъ захваченныхъ плѣнныхъ. Вскорѣ подоспѣли казаки изъ Калиновской станицы, съ однимъ коннымъ орудіемъ, и чеченцы удалились отъ Терека. Такимъ образомъ ускользнулъ я отъ силъ несоразмѣрныхъ, но не думаю, однакоже, чтобы для того только, дабы схватить меня, рѣшились они на большую потерю, *безъ чего нельзя было преодолѣть казаковъ*».

При Ермоловѣ казаки лишились права избирать себѣ войскового атамана, и вотъ почему. Еще при заложеніи Грозной, отданъ былъ гнѣвный приказъ по корпусу о неодобрительномъ поведеніи гребенскихъ казаковъ и ихъ командира. Провинились гребенцы, очевидно, какъ своеволіемъ, такъ и пристрастіемъ къ родительской чепуркѣ. Командовавшій полкомъ войсковой атаманъ Федоръ Савельевичъ Зачетовъ былъ смѣненъ властью главнокомандующаго, а войсковому знаменщику Фролову было приказано принять полкъ и озаботиться водвореніемъ дисциплины. Вотъ этотъ грозный приказъ: «Въ Лагерѣ на Сунжѣ. Іюля 21 дня 1818 года. Неоднократно замѣтилъ я въ Гребенскомъ казачьемъ полку безпутство казаковъ, чрезвычайно нерадивое отправленіе службы, лѣнность и непослушаніе. Безпорядки сіи явно показываютъ, что полковой командиръ, Маіоръ З . . . (Зачетовъ) ни мало не думаетъ объ обязанностяхъ, кои, по званію его, служба на него возлагаетъ, и, не заботясь о содержаніи его въ порядкѣ, первый подаетъ подчиненнымъ своимъ примѣръ разврата и нерадѣнія. Для прекращенія сихъ безпорядковъ, Маіору З. отказывается отъ ко-

мандованія полкомъ, а Войсковому Знаменщику Фролову поручается начальство надъ онымъ и предписывается принять дѣятельнѣйшія мѣры къ доведенію полка до надлежащаго порядка и устройства, внушить чиновникамъ и казакамъ ихъ обязанности, растолковать, какое зло можетъ происходить для самихъ ихъ отъ лѣнности и нерадиваго отправленія службы. Предваряю Войскового Знаменщика Фролова, что я безпрестанно буду имѣть вниманіе на возрожденіе порядка въ поручаемомъ ему полку и по успѣхамъ буду судить о степени усердія его къ службѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА»*). Послѣ смерти Зачетова (1819 года) званіе войскового атамана было Ермоловымъ упразднено. Взамѣнъ того, Гребенскому и Терскому войску назначены особые «Начальники Войска», изъ числа армейскихъ офицеровъ, по выбору главнокомандующаго.

Но не смотря на это обстоятельство, справедливость требуетъ помянуть добромъ перваго назначеннаго Ермоловымъ «Командира Гребенского Войска». Это былъ полковникъ Евстафій Пантелеймоновичъ Ефимовичъ, мраморный памятникъ котораго, вмѣстѣ съ памятникомъ полковника Камкова, одиноко доживаютъ свой вѣкъ на старыхъ Червленскихъ кладбищахъ, уже разрушенныхъ и брошенныхъ . . . Болѣе десяти лѣтъ полковникъ Ефимовичъ умѣло и справедливо правилъ Гребенскимъ войскомъ, и, видимо, не мало успѣлъ внести порядка во внутреннюю жизнь «вольнаго казачества». Казаки едва ли жалѣли о реформѣ Ермолова. Какъ человѣкъ просвѣщенный, Ефимовичъ головой стоялъ выше войсковыхъ атамановъ, избираемыхъ изъ среды войска. Отъ него остались начертанныя правила для веденія общественныхъ дѣлъ на сборахъ, правила для станичныхъ судей, для общественнаго порядка и под. Главнымъ же дѣломъ, за которое особенно теперь приходится благодарить Ефимовича, было заведеніе въ станицѣ Червлен-

---

*) Записки. Часть 2-я. Стр. 392, въ приложеніяхъ.

ной первой войсковой школы. Подысканный имъ откуда-то учитель Месиневъ, правда, послѣ смерти Ефимовича, спился съ кругу, но дѣло благое отъ этого не заглохло. За 1835 годъ сохранились оффиціальныя свѣдѣнія, что въ Червленской войсковой школѣ, подъ руководствомъ старшаго писаря Кулебякина, училось 83, а въ Шелкозаводской, при учителѣ Федющкинѣ—26 учениковъ. Такъ начали появляться въ Гребенскомъ войскѣ сѣмена грамотности.

29 марта 1827 года Ермолову было предписано покинуть Кавказъ. Оставляя должность, онъ не имѣлъ, съ чѣмъ выѣхать изъ Тифлиса, и, кромѣ текущаго жалованья, у него не оказалось никакихъ зажитковъ. Зато онъ сберегъ казнѣ *два милліона рублей* изъ остатковъ отъ провіантскихъ суммъ, за что получилъ благодарность Императора. Сопровождать отъѣзжавшаго Ермолова войска вызвались добровольно и вездѣ по пути устраивали ему торжественныя встрѣчи и проводы...

Послѣдняя кровавая страница исторіи гребенцовъ. Время Шамиля.

«Да развѣ есть на свѣтѣ такая сила, которая бы пересилила русскую силу?»

Гоголь.

Съ отъѣздомъ грознаго «Ярмула» облегченно вздохнули Чечня и Дагестанъ, но тѣмъ тяжелѣе отозвалось это на русской «линіи». Особенно на гребенскихъ и терскихъ станицахъ.

Смѣнившій Ермолова Паскевичъ (вступилъ 29-го марта 1827 года, отозванъ, для усмиренія Польши, въ мартѣ 1831 года) заслужилъ на Кавказѣ фельдмаршала и графа и громомъ прокатилъ по его горамъ свое имя. Но онъ стоялъ слишкомъ высоко и былъ слишкомъ далекъ отъ «Кавказской Линіи», чтобы видѣть скорбь и тяготы казачьи. Онъ разомъ закончилъ двѣ побѣдоносныхъ войны, съ турками и съ персами, 1826—1829 г.г., *) лично видѣлъ и высоко оцѣнилъ добле-

*) Вотъ краткое теченіе этихъ войнъ: 13 сентября 1826 года Паскевичъ разгромилъ персидскую армію подъ Елисаветполемъ, 20 сентября взялъ крѣпость Сардаръ-Абадъ, 1-го октября—Эривань, 5-го іюля 1827 года нанесъ персамъ кровопролитное пораженіе при Джаванъ-Булакѣ, занялъ города: Мараги, Ардебиль, Урмію и наконецъ, 6-го ноября, взялъ вторую персидскую столицу Тавризъ, принудивъ персовъ совершенно прекратить войну и, помимо уступки обширныхъ областей, заплатить русскимъ большую контрибуцію; 23 іюля 1828 года взялъ у турокъ Карсъ, 24 іюля—Ахалкалаки, 26—Хертвисъ,

стныя качества кавказскихъ казаковъ; при немъ гребенцы заслужили свое первое боевое знамя, онъ избралъ ихъ въ число личнаго конвоя, взялъ этотъ конвой даже въ г. Варшаву, по его ходатайству сформированъ былъ изъ Кавказскихъ казаковъ «Варшавскій» дивизіонъ для службы въ Польшѣ; даже болѣе: самъ Императоръ *Николай Павловичъ*, по примѣру Паскевича, набралъ личный конвой изъ кавказскихъ казаковъ, какъ лучшаго войска;—но Паскевичъ наблюдалъ доблесть казаковъ только на поляхъ турецкихъ и персидскихъ, и не видѣлъ, какъ они защищали свои жилища дома, «на линіи на линеюшкѣ, на распроклятой сторонушкѣ»; онъ видѣлъ сборные линейные полки, въ которыхъ гребенскихъ и терскихъ казаковъ были отдѣльныя сотни, но не видѣлъ доблестнаго Гребенского и Терскаго войска въ чистомъ видѣ, и не зналъ его. Для того нужно было оставить далекій Тифлисъ и прибыть на «Линію». Паскевичъ этого не могъ дѣлать. А между тѣмъ дѣла въ домашнемъ быту гребенцовъ, терцевъ и всей линіи пошли куда хуже, чѣмъ при Ермоловѣ. Въ горахъ разгорѣлся «газаватъ», т. е. священная война за вѣру. Какъ прежде чеченцы шли на линію ради грабежа и добычи, такъ теперь стали нападать ради спасенія души и за вѣру, *во славу Божію*. Первымъ проповѣдникомъ «газавата» явился Кази-Магома, а ревностнѣйшими исполнителями его выступили Кази-Мулла, Гамзатъ-Бекъ и Шамиль. Всѣ они одинъ за другимъ объявляли себя «Имамами», т. е. верховными начальниками мусульманскихъ народовъ. И тутъ то полились рѣки крови. Имамамъ удавалось собирать по временамъ до 20 тыс. воспламененной толпы подъ свои знамена, а мелкимъ нападеніямъ и конца не было. Разгаръ борьбы далеко пережилъ Па-

---

15 августа штурмовалъ и взялъ Ахалцыхъ, 28 августа занялъ Баязетъ, 19—20 іюня 1829 года разбилъ на-голову при Каинлы и Миллидюзѣ всю турецкую Анатолійскую армію, съ сераскиромъ и трехбунчужнымъ Гаки-Башею, при чемъ захватилъ послѣдняго въ плѣнъ въ его укрѣпленномъ лагерѣ, а 27 іюня того же года блокировалъ и взялъ Эрзерумъ и плѣнилъ самого сераскира.

скевича. Преемникъ его, баронъ Розенъ, долженъ былъ съ обнаженнымъ мечемъ проходить «по горамъ Кавказскимъ», по примѣру Ермолова. Но не столько самъ Розенъ, сколько сподвижникъ Ермолова, *Вельяминовъ*, назначенный командующимъ Кавказской Линіи, напомнилъ горцамъ это грозное имя. Онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ среди чеченцевъ. Въ это время дѣла русскихъ были плохи. Самъ предмѣстникъ Вельяминова, храбрый генералъ Эммануэль, былъ тяжело раненъ, сражаясь съ полчищами Кази-Муллы на Акташѣ и отстаивая отъ нихъ крѣпость Внезапную (въ августѣ 1831 года). Кази-Мулла отрѣзалъ Дербентъ, осаждалъ Внезапную, нападалъ на крѣпость Бурную, подходилъ къ Владикавказу, появлялся въ аулахъ между Сунжею и Терекомъ (въ битвѣ съ нимъ былъ убитъ славный командиръ Гребенского Войска, храбрый полковникъ Волженскій, много разъ отмѣченный Ермоловымъ и заступившій мѣсто Ефимовича*), и разграбилъ Кизляръ. Сильно было поднято мужество горцевъ. И хотя вскорѣ Кази-Мулла былъ разбитъ русскими (въ ноябрѣ 1831 года, подъ крѣпостью Бурной), а затѣмъ и убитъ въ кровопролитномъ штурмѣ его родного аула Гимры, а въ 1834 году таже участь постигла Гамзатъ-бека, заступившаго его мѣсто,—но все же дѣла русскихъ не поправлялись до самаго 1859 года. Причиною былъ третій имамъ, знаменитый Шамиль, имя котораго, лѣтъ 40 назадъ, зналъ въ притеречныхъ станицахъ всякій ребенокъ. Цѣлыхъ 25-ть лѣтъ понадобилось, чтобы сломить его желѣзное упорство, и всѣ эти 25-ть лѣтъ кипѣлъ на Кавказской Линіи непрерывный бой. Чуть не каждый годъ предпринимались въ Чечню и Дагестанъ большія и малыя экспедиціи (военные походы) для усмиренія Шамиля. Генералъ Фези, графъ Граббе, князь Воронцовъ, графъ Евдокимовъ, князь Барятинскій,—не менѣе Шамиля извѣстные на Терекѣ русскія имена Кавказскихъ дѣятелей, которые еще и сейчасъ слышатся въ казачьихъ пѣсняхъ. Всѣмъ имъ не мало приш-

*) См. объ этомъ гребенскую казачью пѣсню.

лось потрудиться надъ окончательнымъ водворенiемъ русскаго владычества и въ борьбѣ съ Шамилемъ. Шагъ за шагомъ шли русскiе впередъ, «прорубаяся въ горахъ», пока окружили самое гнѣздо Шамиля и взяли его живьемъ, со всѣмъ семействомъ. Только тогда замирился Кавказъ. Самую горькую чашу въ Шамилевской борьбѣ испили гребенцы и терцы, какъ наиближайшiе участники кровавой бойни. Послѣднiя 35-ть лѣтъ (1824—1859) останутся навсегда памятны въ Гребенскомъ войскѣ. Эти 35-ть лѣтъ надорвали крѣпкую мощь казаковъ и обезсилили славное войско. Донынѣ въ гребенскихъ станицахъ женщинъ больше, чѣмъ казаковъ, а, судя по историческому происхожденiю, женщины въ гребенскихъ городкахъ должны были быть въ старину рѣдкостью. Служба и жизнь гребенскихъ казаковъ въ эти годы была невыразимо тяжелая.

Въ то время, какъ одни команды лучшихъ казаковъ (болѣе молодыхъ и сильныхъ) несли тяжелую службу въ сборныхъ линейныхъ полкахъ за Кавказомъ, заслуживая въ турецкихъ и персидскихъ войнахъ знамена и отличiя на головные уборы, другiе занимались охраненiемъ Польши, третьи ходили въ безконечныя экспедицiи по Чечнѣ, Дагестану или въ Кабардѣ, четвертые сидѣли по постамъ и пикетамъ, кормя комаровъ въ ночныхъ разъѣздахъ и секретахъ,—остальные, жившiе дома, каждую минуту должны были быть готовы бросаться то туда, то сюда по тревогѣ или самимъ ожидать нападенiя. Кто же велъ въ это время хозяйство казаковъ? Кто работалъ въ станицахъ, кормилъ сиротливыя семьи, по цѣлымъ годамъ не видавшiя отцовъ, ухаживалъ за домашнимъ скотомъ, садами? Жены, отважныя, расторопныя казачки. Вотъ откуда появился смѣлый, мужественный характеръ и сметка гребенской женщины, ея разсудительность и удачливость. Жизнь выработала это *развитiе*. Что касается службы, то ее несли всѣ въ это страдное время, отъ стараго до малого. Когда старшина Фроловъ (въ 1810 году) отбивался отъ чеченской шайки у Новаго-Юрта, у него было убито только 4-ре служилыхъ казака, и *двѣнад-*

цать отставныхъ да два малолѣтка. Разница между *оставнымъ, малолѣткомъ и служащимъ казакомъ* была въ то время небольшая. Отставныхъ и малолѣтнихъ не брали въ служилые полки, т. е. за Кавказъ или въ набѣги; въ этомъ и было различіе; въ станицахъ же, при защитѣ, всѣ сражались одинаково,—и старые и малые. Бывали случаи, что стариковъ и малолѣтковъ ставили даже на посты и въ секреты, когда ужъ очень была большая недохватка*).

Вотъ какъ въ это время протекала трудовая жизнь въ станицахъ. Еще до захода солнца всѣ спѣшили по домамъ, скотъ убирался, двери замыкались, люди прятались. Крѣпкія станичныя ворота и калитки затворялись и за ними ложился караулъ, а въ ближайшіе сады и на Терекъ отправлялись залегать секреты. Казакамъ отлично были извѣстны всѣ ходы и броды на Терекѣ, всѣ воровскія повадки и уловки разбойничьихъ шаекъ, и они умѣли оберегать станицы. Подъ такимъ двойнымъ карауломъ, окруженныя терновой оградой, со рвомъ и валомъ, станицы тревожно засыпали, не зная, какъ проснутся завтра. Утромъ не съ ранней зарею поднимались станичные казаки и не тотчасъ спѣшили на свои работы. Нужно было подождась, пока соберутся всѣ ночные секреты и пока разъѣзды, посланные на зарѣ, объѣдутъ опушки и ближайшіе степные овраги. Только тогда отворялись станичныя ворота и выпускались на лугъ жалобно мычавшія коровы; тогда и казачки вольны были приниматься за свои работы. Немного можно было наработать въ такой короткій день, да и то нужно было работать съ оглядкою: не вынырнула бы откуда-либо изъ кустовъ голова свирѣпаго абрека. Работать подальше отъ укрѣпленныхъ станицъ или притеречныхъ постовъ было опасно. Вотъ

---

*) У И. Д. Попко приведено (стр. 362) прошеніе на ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ восьмидесятидвухлѣтняго старика, казака станицы Екатериноградской, Казьмы Пастухова, котораго (въ 1837 году), подъ угрозою тѣлеснаго наказанія, заставляли нести всѣ денежныя и натуральныя повинности, наравнѣ съ прочими казаками, и ходить на кордоны.

почему пашни казачьи располагались у самыхъ околицъ и пахали казаки мало. На покосы тоже выѣзжать далеко было нельзя, а если выѣзжали, то съ «оказіей», т. е. съ военной охраной. Съ «оказіей» производили рубку таркалъ и другія общія работы: пока одни занимались трудомъ, другіе стояли вокругъ съ заряженными ружьями. И страннымъ долженъ казаться намъ теперь косарь съ заряженнымъ ружьемъ за плечами, или пахарь, опирающійся на ружье вмѣсто палки. Когда читаешь объ этихъ громкихъ «дѣлахъ», гдѣ гребенская «старшина» выбѣгала на тревоги съ 10—15-ю казаками, дѣлается смѣшно: такъ мала эта «сила». Но когда вникнешь въ дѣло глубоко, становится и трогательно и грустно. Больше 10—15 казаковъ въ станицѣ набрать было нельзя, потому что остальные всѣ были въ расходѣ*). И они бросались за 15—20 верстъ на помощь другимъ, эти 10—15 сторожившихъ станицу казаковъ, а свою родную станицу бросали совсѣмъ беззащитной. Вотъ время, которому мы должны поставить золотой памятникъ! И когда соображаешъ всю эту страду, понятнымъ становится, почему отставшій по дорогѣ Скачковъ, догоняя ускакавшихъ товарищей (въ дѣлѣ Суслова) и видя ихъ окруженными, не поворотилъ назадъ, не сталъ спасаться бѣгствомъ, а пробился сквозь ряды враговъ на помощь къ своимъ, чтобы испить общую чашу. Онъ дѣйствительно прорывался *помогать*, а не умирать вмѣстѣ съ товарищами. Нужно вникнуть въ душу

---

*) Вотъ точный подсчетъ казачьихъ силъ за одинъ изъ тогдашнихъ годовъ, 1818-й. Всего мужского населенія, включая отставныхъ, стариковъ и малолѣтнихъ, въ войскѣ было 2487 ч. Изъ нихъ находилось: на службѣ въ Грузіи два пятидесятника и 59 казаковъ, въ отрядѣ при Эндери три пятидесятника и 140 казаковъ, при крѣпостяхъ на Сунжѣ (Преградномъ-Станѣ и Грозной)—5 пятидесятниковъ и 130 казаковъ, на кордонныхъ постахъ 9 пятидесятниковъ и 437 казаковъ, въ конвойныхъ командахъ по большому тракту 2 пятидесятника и 64 казака и въ резервахъ при станицахъ 5 пятидесятниковъ и 67 казаковъ. Эти послѣдніе 72 человѣка и должны были составлять всю станичную силу, съ которой старшина вылетала на тревогу. На 5 станицъ это составитъ ровно по 14 ч. на станицу.

казака въ то роковое время. За полнымъ израсходованіемъ людей, каждый казакъ былъ на счету, являлся огромной силой; и казаки это чувствовали, оттого такъ смѣло и дрались, оттого и побѣждали. Ермоловъ, Паскевичъ—были героическіе вожди, люди выдающагося таланта; и они не могли надивиться на эту воинственную удаль казаковъ, такъ она имъ, привыкшимъ къ мирной обстановкѣ, казалась необыкновенной. . . А родила эту удаль бѣда, да общее сознаніе роковой опасности.

Едва раздавался гдѣ-нибудь выстрѣлъ, казакъ бросалъ въ ту же минуту все: свою работу, свой обѣдъ, сонъ, «бѣсѣду», молитву—хваталъ ружье и спѣшилъ туда, гдѣ чуялась кому-либо опасность; кому, онъ не размышлялъ, да и некогда было раздумывать; онъ просто спѣшилъ «на тревогу», какъ теперь по станицамъ и селеніямъ спѣшатъ на пожаръ, при первомъ ударѣ набатнаго колокола.

У войсковой старшины и у тѣхъ строевыхъ казаковъ, которымъ случалось ночевать дома, ночью кони стояли не расѣдланы, чтобы хозяинъ могъ броситься въ сѣдло при первомъ сигналѣ. И казакъ мчался въ ночную тьму,—куда? Почемъ онъ знаетъ. Быть можетъ, подъ пулю врагу, быть можетъ, въ буеракъ или яму. Но онъ летѣлъ туда, куда летѣли всѣ. Летѣлъ, не размышляя, скачетъ ли онъ впереди всѣхъ, подъ первую пулю, или впереди есть другіе; для него это не имѣло значенія. Казаки не ждали одинъ другого при тревогахъ: задній самъ обязанъ былъ догонять переднихъ. *Опоздать по тревогѣ—считалось позоромъ.* Жены боялись этого позора не меньше мужчинъ; было постыдно не только быть женой труса, но и его сестрою и матерью. Жена подавала мужу оружіе, подводила коня, сѣдлала его—отворяла ворота... Въ глухую ночь, въ кромешной тьмѣ—она издали крестила его... А колоколъ вылъ, дѣтишки жались къ матери,—безпомощной, одинокой съ отъѣздомъ мужа... Куда скакали казаки, зналъ иногда одинъ только командиръ, да тѣ, кто съ нимъ скакали рядомъ. Старшина первой являлась къ строжевой вышкѣ и первой по-

лучала извѣстія. Старшина первой же бросалась на мѣсто битвы и ей первой, и больше другихъ, доставалось. Но у казаковъ не могло быть недостатка въ кандидатахъ въ офицеры. Жизнь каждую минуту приготовляла ихъ, какъ живая практическая школа. Старшина казачья не знала армейскихъ пріемовъ; когда потребовались отъ казаковъ «ученья» и «парады», то она часто, говорятъ, командовала: «Стройся на кумову хату», или: «Стройся, братцы, по-вчерашнему», чѣмъ приводила въ немалый смѣхъ офицеровъ, воспитанныхъ въ училищахъ. Но эта же казачья старшина прекрасно изучала науку побѣждать, умѣла побѣждать и побѣждала. Это было главное. Смотровъ и парадовъ устраивать тогда было некогда...

Также, не разсѣдлываясь, стояли очередныя лошади по постамъ и кордонамъ и также отъ каждаго поста на ночь разсыпались секреты, а, съ наступленіемъ утра, разъѣзды осматривали опушки и проѣзжія дороги, донося о благополучіи. Можно сказать, что день и ночь тысячи казачьихъ глазъ зорко смотрѣли за Терекъ.

А въ то же время очередные казаки, служившіе за Кавказомъ, шли штурмовать далекій Карсъ, брать Анапу, прославлять поля Курюкъ-Дара и Башкадыклара и по недѣлямъ и мѣсяцамъ, наполнивъ сумочки роднымъ сухаремъ (кокурками), вылетали въ набѣгъ или отправлялись въ экспедиціи. И *случалось, что съ запасомъ, взятымъ на три четыре дня, пробывали въ набѣгахъ 10—20 дней (какъ было въ набѣгѣ Фрейтага, при вторженіи Шамиля въ Кабарду, въ 1846 году), питаясь сами, чѣмъ Богъ пошлетъ, да тѣмъ же питая и своихъ боевыхъ коней.*

Въ 1859 году Шамиль былъ, наконецъ, взятъ, князь Барятинскій вошелъ въ Гунибъ, и Кавказскія горы замирились. Когда провозили плѣннаго Шамиля чрезъ Червленную, разодѣтыя и убранныя по-праздничному казачки встрѣчали его съ бубнами, съ пѣснями, съ хороводами. Какъ это было не похо-

же на то, чего ожидалъ въ плѣну Шамиль и какъ онъ самъ обращался съ русскими плѣнными, даже такими высокими, какъ бывшіе у него въ плѣну княгини Орбеліани и Чавчавадзе, принадлежавшія къ царской грузинской крови, и которыхъ у него кормили наваромъ изъ луку, а везли по горамъ, прикрутивъ къ впереди сидящему всаднику, за котораго онѣ должны были на скаку держаться, поддерживая другою рукою полуживого ребенка . . . Зато и подѣйствовало это на Шамиля! Закаленный воинъ, лившій «кровь, какъ воду», разорившій и пустившій по міру тысячи людскихъ семей—онъ плакалъ въ русскомъ плѣну, жалѣя, что не зналъ раньше русскаго великодушія, считая русскихъ такими же лукавыми и злыми, какъ былъ самъ и его подвластные. «Ваши мальчишки», говорилъ онъ въ русскомъ плѣну: *) «радуются, видя меня въ плѣну, но они не сердятся на меня и не желаютъ мнѣ зла. Это очень хорошо; а у меня не такъ: наши мальчишки закидали бы плѣннаго грязью, если бы имъ позволили, прибили бы его и даже бы убили. Я напишу къ своимъ, чтобы они запретили это дѣлать».**) Онъ писалъ Государю: «Ты, Великій Государь, побѣдилъ меня и кавказскіе народы, мнѣ подвластные, оружіемъ; ты, Великій Государь, подарилъ мнѣ жизнь; ты, Великій Государь, покорилъ мое сердце благодѣяніями. Мой священный долгъ, какъ облагодѣтельствованнаго дряхлаго старика и покореннаго твоею великою душею, внушить дѣтямъ ихъ обязанности предъ Россіею и ея законными царями. Я завѣщалъ имъ питать вѣчную благодарность къ тебѣ, Государь, за всѣ благодѣянія, которыми ты постоянно меня осыпаешь. Я завѣщалъ имъ быть вѣрноподданными царямъ Россіи и полезными слугами новому нашему отечеству. Успокой мою старость и повѣли, Государь, гдѣ ука-

---

*) Въ плѣну Шамиль проживалъ въ гор. Калугѣ, и за нимъ постоянно слѣдовали толпы русскихъ мальчишекъ, когда онъ показывался, и съ любопытствомъ его разсматривали.

**) М. Н. Чичагова. Шамиль на Кавказѣ и въ Россіи. Стр. 125-я.

жешь, принести мнѣ и дѣтямъ моимъ присягу на вѣрное подданство. Я готовъ произнести ее всенародно.

Въ свидѣтели вѣрности и чистоты моихъ помысловъ я призываю Всемогущаго Бога, великаго пророка *Его Магомета* и даю клятву предъ недавно остывшимъ тѣломъ моей наилюбимѣйшей дочери Нафисатъ на священнѣйшемъ коранѣ. Соизволь, Государь, на мою искреннюю просьбу»*).

Потому мы заканчиваемъ эту часть книги тѣми самыми словами, какими ее начали, и которыя начертаны на заглавномъ листѣ книги, примѣнивъ эти слова къ нашимъ молодымъ читателямъ: «*Вы христіанскіе воины русскіе; докажите врагамъ, что мы ужасны на полѣ битвы, но что мирный житель можетъ найти вѣрный покровъ и всегдашнее покровительство среди стана нашего*».

Въ этихъ великихъ словахъ великаго русскаго Государя великому своему полководцу кроется весь смыслъ исторической русской программы,—смыслъ, быть можетъ, человѣчествомъ еще не сознаваемый, но чувствуемый. . . .

*) М. Н. Чичагова. Шамиль на Кавказѣ и въ Россіи. Стр. 185, 186.

Отдѣлъ II-й.

Дѣла и подвиги гребенскихъ казаковъ. Отдѣльные разсказы. Пѣсни и т. п.

Дѣла и подвиги Гребенскихъ казаковъ.

Дѣло 2-го апрѣля 1810 года.

(Дѣло Червленскаго старшины Максима Фролова).

Въ ночь на 2-е апрѣля 1810 года сильная шайка чеченцевъ прорвалась между постами Долгинскимъ и Ищерскимъ*) и, углубившись въ степь на восемнадцать верстъ, произвела убійства и захватила въ плѣнъ, но, открытая тревогою, поворотила шибко назадъ. Червленскій старшина Фроловъ, съ тремя другими старшинами и 86-тью казаками, настигъ ее на обратной переправѣ, но задержать не могъ. Шайка перебралась за Терекъ, увлекая съ собой одного казака съ двумя дѣтьми. Фроловъ также перешелъ за Терекъ и гналъ за хищниками до береговъ верхней Сунжи, у Качкалыковскаго хребта, гдѣ они и разсѣялись по лѣсамъ. Полонъ остался не отбитымъ, но зато преслѣдующіе захватили чеченское стадо, ходившее по лѣсной опушкѣ, и съ этой добычей начали отступленіе. Поднялась тревога по ауламъ, и за отступавшими увязалась чеченская погоня, увеличивающаяся численностью съ часа на часъ. Когда казаки были уже близко къ Тереку, число преслѣдующихъ чеченцевъ возрасло до тысячи человѣкъ. Тѣснимый превосходнымъ непріятелемъ, Фроловъ занялъ оборонительное положеніе около мирнаго аула князя Бамата-Бековича, стоявшаго на берегу, противъ Червленной станицы, и

*) Въ дачахъ Щедринской станицы.

просилъ помощи изъ аула; но оттуда ни одна живая душа не вышла, не смотря на то, что Бамать-Бековичъ носилъ чинъ маіора. Помощь пришла изъ станицы, откуда выбѣжало все способное носить оружіе, и старики и малолѣтки. Фроловъ не выпустилъ изъ рукъ чеченской добычи и блистательно отразилъ непріятельскіе натиски, потерявъ убитыми четырехъ казаковъ служилыхъ, двѣнадцать отставныхъ, двухъ малолѣтковъ, и ранеными трехъ есауловъ, а именно: двухъ братьевъ Фроловыхъ же и третьяго Тихонова, да трехъ казаковъ. Кромѣ того, при отступленіи отхвачены были два казака, вѣроятно, раненые. Бой продолжался семь часовъ. Добыча казачьей погони состояла изъ 450 головъ рогатаго скота и 5-ти лошадей.

Дѣло 20 ноября 1825 года.

(Гребенцы въ конвоѣ Ермолова).

Въ ноябрѣ 1825 года генералъ Ермоловъ, находившійся въ станицѣ Червленной, рѣшилъ предпринять поѣздку въ Кабарду. Бейбулатъ*), узнавъ объ этой поѣздкѣ по благовременному заготовленію повсюду лошадей и конвоя, задался смѣлою мыслью схватить Ермолова на пути слѣдованія. Нимало не медля, онъ выдѣлилъ изъ своего скопища всѣхъ лезгинъ и до тысячи доброконныхъ чеченцевъ, и бросился къ Тереку. Ермоловъ выѣхалъ изъ Червленной утромъ 20-го ноября, оставивъ въ станицѣ отрядъ подъ командою полковника Ми-

*) Знаменитый чеченскій наѣздникъ, взволновавшій въ то время почти всю Чечню.

щенко, котораго снабдилъ надлежащими наставленіями*). День былъ мрачный, и окрестности были застланы густымъ туманомъ. Бейбулатъ, со всею своею партіею, подстерегалъ корпуснаго командира за Терекомъ, противъ Казіорскаго шанца, и, зная даже часъ, въ который ему слѣдовало выѣхать изъ станицы, переправилъ на лѣвый берегъ къ дорогѣ 400 отважнѣйшихъ джигитовъ. Но увы, къ полному отчаянію Бейбулата, предпріятіе его не удалось: подъ прикрытіемъ тумана, Ермоловъ проѣхалъ блалополучно, не подозрѣвая ни о какой опасности. Бейбулатъ прождалъ еще нѣкоторое время, и, видя, что его джигиты не подаютъ никакого сигнала, выдвинулся самъ на дорогу, сдѣлалъ поискъ направо и налѣво, и тутъ только убѣдился, что прозѣвалъ намѣченную имъ дорогую жертву. Едва только Ермоловъ пріѣхалъ въ станицу Калиновскую и отпустилъ конвой, какъ прискакалъ съ поста казакъ и принесъ вѣсть о появленіи партіи. Прикрытіе, сопровождавшее корпуснаго командира, въ числѣ 120-ти гребенцовъ, подъ командою хорунжаго Фролова 2-го,**) вскочило на коней и помчалось по указанію вѣстника. Оно накрыло Бейбулата между постами Наурскимъ и Мекенскимъ, какъ разъ въ ту минуту, когда одна часть партіи переправляла на правый берегъ рогатый скотъ, захваченный въ полѣ, а другая скакала съ табуномъ лошадей вдоль по берегу. Гребенцы лихо ударили на первую изъ нихъ и отхватили всю добычу; затѣмъ, предоставивъ ее вѣдѣнію и распоряженію жителей станицы Калиновской, которые, съ однимъ коннымъ орудіемъ и ротою пѣхоты (капитана князя Авалова), поспѣшали за ними, подъ

---

*) Отрядъ состоялъ изъ 1-го и 2-го баталіоновъ Ширванскаго полка, 200 гребенскихъ казаковъ (изъ коихъ 120 были наряжены въ конвой Ермолова), 250 моздокскаго и 80 семейнало войска, шести орудій 2-й легкой роты 22-й, двухъ орудій 21-й Артиллерійскихъ бригадъ и трехъ конно-казачьихъ орудій № 5-й роты.

**) Лукьянъ Максимовичъ, братъ Степана Максимовича, прадѣдъ нынѣшнихъ Фроловыхъ.

командою моздокскаго полка маiора Золотарева, гребенцы погнались за второю частью хищниковъ. Они настигли и эту, уложили на мѣстѣ пятерыхъ, взяли одного въ плѣнъ и выручили весь табунъ; сами же лишились трехъ раненыхъ.

Дѣло 19-го августа 1832 года.

(Гибель полковника Волженскаго).

Назначенный вмѣсто безвременно погибшаго отъ холеры 18-го августа 1830 года полковника Ефимовича, второй командиръ Гребенского войска, полковникъ Волженскiй, прославилъ себя геройской гибелью, во-главѣ полка, въ неравномъ бою съ Кази-Муллою у Качкалыковскаго хребта, близъ бывшаго аула Шавданъ-Юрта.*)

При этомъ взяты были также обѣ полковыя пушки, составлявшiя всю тогдашнюю артиллерiю Гребенского войска.

Было это близъ того мѣста, гдѣ впослѣдствiи 82 гребенскихъ казака, во-главѣ съ Сусловымъ и Камковымъ, покрыли себя неувядаемою славою.

Мало сохранилось достовѣренныхъ извѣстiй объ этомъ дѣлѣ.

---

*) Этого аула не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Шавдонъ-Юртомъ, бывшимъ на р. Шавдонѣ. Шавданъ-Юртъ, на склонѣ Качкалыковскаго хребта, былъ небольшой лѣсной деревушкой, только-что передъ тѣмъ построенной горскими выходцами, спецiально для набѣговъ на русскихъ.

Полковникъ былъ убитъ, офицеры перебиты: некому было составлять реляцій.

Изъ уцѣлѣвшихъ участниковъ, которыхъ можно теперь установить, были: станицы Червленной полковн. Федотъ Филиппович Федюшкинъ и полковникъ Аѳанасій Федоровичъ Камковъ, оба раненые. Первый былъ зауряд-хорунжимъ и раненъ шашкою въ правую руку; второй простымъ казакомъ и раненъ ружейною пулею въ провое плечо.

По уцѣлѣвшимъ преданіямъ отъ старыхъ бойцовъ и немногимъ печатнымъ источникамъ, дѣло полковника Волженскаго представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Кази-Мулла много задавалъ хлопотъ вновь назначенному командиру войска.

Онъ хозяйничалъ въ аулѣ Новый-Юртъ, появлялся съ скопищами у аула Ачехи*), проходилъ изъ Стараго-Юрта къ Барагунамъ и Умаханъ-Юрту. Полковнику Волженскому, со своимъ полкомъ, приходилось гоняться за нимъ безпрерывно. Разъ онъ, въ октябрѣ 1831 года, почти нарѣзался на Кази-Муллу между Барагунами и Гудермесомъ, но былъ жестоко обмапутъ. Выставивъ противъ Волженскаго свои худшія войска и свою пѣхоту, Кази-Мулла, съ 1000 отборныхъ доброконныхъ всадниковъ, бросился на городъ Кизляръ и его разграбилъ.

Полковникъ Волженскій былъ выдающійся по храбрости офицеръ, «храбрѣйшій среди храбрыхъ», какъ выразился о немъ одинъ изъ современниковъ.

Можно вообразить кипѣвшее въ немъ негодованіе и желаніе мести. 19 августа 1832 года Волженскому пришлось вторично столкнуться съ Кази-Муллою.

Быстро примчался онъ съ наскоро собраннымъ полкомъ къ Амиръ-Аджи-Юрту и переправился за Терекъ.

---

*) Былъ около теперешней ст. Петропавловской.

Разсѣявъ встрѣчные передовые посты, онъ, по обыкновенію, узналъ, что Кази-Мулла уже ушелъ къ Качкалыку, но недалеко. Волженскому захотѣлось догнать Имама.

Еще быстрѣе проскакали казаки пространство отъ Терека до подножія Качкалыковскаго хребта, къ Гудермесу. Дальше дорога проходила лѣсомъ. Проводникъ, бывшій при полковникѣ впереди, предупредилъ, что въ лѣсу будетъ засада. Поэтому своротили въ сторону и пошли въ обходъ безъ дороги.

Вышли на чистую поляну.

Только-что поворотили на дорогу, вдругъ залпъ изъ передней опушки. Полковникъ приказалъ выдвинуть орудія впередъ и, снявшись съ передковъ, открыть огонь по горцамъ. Но въ это время залпы затрещали съ обѣихъ сторонъ и сзади. Полкъ очутился въ ловушкѣ. Полковникъ былъ убитъ, казаки смѣшались. Часть, съ коноводами оставшихся на полянѣ орудій, бросилась назадъ тою дорогой, которою пришли; другіе пробились на настоящую дорогу, съ которой своротилъ полковникъ. На ней, дѣйствительно, оказались завалы. Срубленныя деревья были брошены поперекъ пути, и пугливыя лошади шарахались отъ нихъ, сбрасывая всадниковъ.

Чеченцы догоняли раненыхъ и падавшихъ казаковъ и дорубали.

До самаго вечера продолжалась бойня.

Часть пробившихся въ началѣ казаковъ, вмѣстѣ съ передками брошенныхъ орудій, прискакали въ Амиръ-Аджи-Юртъ къ ночи. Раненые и пѣшіе подходили затѣмъ всю ночь, спасаясь по-одиночкѣ. Пѣсня, написанная полковникомъ Бѣлликомъ 30-ть лѣтъ спустя, передаетъ дѣло не точно.

Подробности о моментѣ смерти полковника Волженскаго, въ видѣ преданія, сохранились отъ старика Михаила Семеновича Киреева, станицы Курдюковской. Онъ былъ еще подросткомъ взятъ Волженскимъ, по знакомству съ отцомъ, возить за полковникомъ сумку.

Киреевъ разсказывалъ.

Все время Волженскій ѣхалъ впереди. Пули свистали. Вдругъ полковникъ оборачивается и говоритъ:

— Михайла, подай башлыкъ!

Михайла подалъ башлыкъ. Полковникъ, наклонившись, сталъ обвязывать шею коню. Конь былъ раненъ. Михайла смотритъ, а полковникъ клонится, клонится съ коня... Подхватили, а онъ уже мертвый.

Много трогательныхъ легендъ разсказываютъ старики, со словъ своихъ дѣдовъ и отцовъ, объ этомъ боѣ.

Говорятъ, что одинъ донской казакъ, подъ которымъ стала отставать подстрѣленная лошадь, передалъ свою острую шашку обгонявшему его другому казаку, который былъ безъ шашки (выронилъ ее при паденіи съ лошадью черезъ завалы).

— А самъ что же?

— Скачи, братуха, я живой не дамся,—отвѣчалъ мужественный донецъ,—и тутъ же перерѣзалъ горло собственнымъ кинжаломъ.

Пушки, потерянныя казаками, были выручены въ томъ же году, совмѣстной экспедиціей Вельяминова и барона Розена (корпусный командиръ) въ Ичкерію.

Ихъ не успѣли свезти въ Дагестанъ, съ Кази-Муллою, и онѣ были укрыты въ какой-то трущобѣ, въ аулѣ Беной; но ихъ и оттуда достали.

Дѣло 10 апрѣля 1836 года.

(Набѣгъ чеченцевъ на станицу Щедринскую).

Апрѣля мѣсяца, 10 дня, 1836 года, въ 8-мь часовъ утра, чеченская конная партія, въ числѣ 600 человѣкъ, переправилась вбродъ черезъ Терекъ, въ виду Щедринской станицы, оставя другихъ 200 человѣкъ на правомъ берегу, невдалекѣ отъ Брагунъ. Сотникъ Фроловъ *) тотчасъ выскочилъ со всѣми наличными въ резервѣ состоящими казаками, всего 15-ть человѣкъ, при одномъ орудіи и засталъ часть хищниковъ еще на переправѣ, а другихъ стремящихся въ степь, на мѣсто пашней Щедринской станицы, въ 4-хъ верстахъ отъ берега.**) Онъ открылъ огонь изъ орудія, бросился повсюду, но не былъ въ состояніи отвратить бѣдствія на пашни, гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ убито: отставныхъ и малолѣтнихъ казаковъ 20 и безъ вѣсти пропавшихъ или захваченныхъ въ плѣнъ также 20-ть душъ разнаго пола и возраста. Сверхъ сего убиты: ѣхавшіе по дорогѣ отставной унтеръ-офицеръ Калантаровъ, житель селенія Воронцовки—Алексѣй, товарищъ его, неизвѣстнаго имени, сидѣлецъ Червленскаго питейнаго дома, Дмитрій Ивановъ; безъ вѣсти пропавшіе: сынъ Калантарова, Кизлярскаго полка отставной казакъ, Акташъ Чуризуковъ и города Кизляра окоченецъ, Хаджи Магметовъ. Чеченцы, услышавъ выстрѣлы изъ орудія, бросились стремглавъ обратно на Терекъ, гдѣ были отрѣзаны подоспѣвшимъ съ казаками Ключинскаго***) поста хорунжимъ

---

*) Ефимъ Лукьяновичъ, Фроловъ 4-й, начальникъ Щедринской станицы.

**) Около нынѣшняго Папина бугра.

***) Между Щедринскою и Червленною, въ 10-ти верстахъ отъ станицы.

Тарасовымъ и поспѣвшимъ изъ станицы Щедринской орудіемъ, подъ прикрытіемъ 5-ти пѣшихъ казаковъ и 6-ти егерей. Чеченцы, тѣснимые горстью казаковъ, бросились съ крутого берега въ Терекъ и, вышедши на бродъ, переправились обратно подъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Вслѣдъ за ними переправились и казаки, совмѣстно съ подоспѣвшими казаками Червленской станицы, и преслѣдовали партію до Сунжи, вмѣстѣ съ жителями Брагунъ,*) выдержавъ нѣсколько яростныхъ атакъ несоразмѣрно сильнѣйшихъ чеченцевъ. Отбито 4 души плѣнныхъ, одинъ чеченецъ захваченъ въ плѣнъ, два тѣла съ полнымъ вооруженіемъ остались въ рукахъ казаковъ и перевезены въ станицу Щедринскую; отбито лошадей—5. По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Гудермеса, чрезъ Брагунскаго жителя Мачика, чеченцы увезли съ собою нѣсколько тѣлъ убитыхъ и значительное число раненыхъ. Предводительствовали сею партіею извѣстные: Уди-Мулла, Думбай, Оздемиръ и Умаханъ.

Дѣло 9-го января 1841 года.

(*Дѣло маіора гребенскаго полка Венеровскаго*).

9-го января 1841 года, поутру, партія чеченцевъ, силою до 3-хъ тысячъ человѣкъ, съ тремя значками, подъ предводительствомъ Шугаипъ-Муллы и Джавадъ-Хана, переправилась чрезъ Терекъ между станицею Щедринскою и Амиръ-Аджи-Юртовскимъ укрѣпленіемъ, и напала вдругъ на всѣ посты,

*) Горское селеніе, на правой сторонѣ Терека.

лежащіе между этими пунктами, чтобы не позволить казакамъ о появленіи своемъ дать знать въ сосѣднія станицы. Отрѣзавъ такимъ образомъ прямое сообщеніе между Щедриномъ и Амиръ-Аджи-Юртомъ, партія раздѣлилась: пѣшіе и худоконные стали на большой дорогѣ и заняли прилегающій къ ней лѣсъ, чтобы остановить войска, которыя пошли бы на помощь къ угрожаемымъ мѣстамъ, а 600-тъ человѣкъ, на отборныхъ лошадяхъ, бросились къ станицѣ Паробочевской*), съ намѣреніемъ отбить пасшійся въ окрестностяхъ ея многочисленный скотъ, какъ казачій, такъ и мирныхъ чеченцевъ деревни Брагунъ, стада которыхъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, паслись на лѣвомъ берегу Терека. Но, не смотря на быстрое и одновременное нападеніе на посты, постовые казаки успѣли дать знать объ этой партіи въ станицу Щедринскую; а тамъ сдѣланъ былъ сигнальный выстрѣлъ, который услышали въ Червленной. По оному маіоръ Венеровскій тотчасъ взялъ находившихся у него подъ рукою 30-тъ человѣкъ казаковъ и поскакалъ съ ними на тревогу. Въ Щедринѣ узналъ онъ, что большая дорога занята непріятелемъ и что конная партія взяла направленіе на Паробочевскую станицу. Приказавъ находившемуся въ Щедринѣ Куринскаго егерскаго полка капитану Костыркѣ, съ пятью взводами егерей и двумя конными орудіями, выступить изъ станицы и атаковать засѣвшихъ въ шихъ въ лѣсу, маіоръ Венеровскій присоединилъ къ себѣ 10-ть человѣкъ щедринскихъ казаковъ, оставивъ большую дорогу вправо, степью пустился прямо въ Паробочевскую станицу. Не смотря на быстроту, съ которою онъ скакалъ, прибылъ онъ въ станицу эту (отстоящую отъ станицы Червленной въ 40 верстахъ), когда уже до 8000 скота и барановъ было угнано и когда хищники гнали ихъ уже вверхъ по Тереку, къ Амиръ-Аджи-Юрту, чтобы, не доходя до этого укрѣпленія, переправить на ту сторону. Лучшіе же ихъ люди прикрывали отступленіе. Маіоръ Венеровскій, приказавъ находившейся въ ста-

*) Въ то время Паробочи тоже временно считались станицей.

ницѣ ротѣ Куринскаго полка итти за нимъ, самъ съ 40 казаками, на чистомъ мѣстѣ, бросился на непріятеля, опрокинулъ его и вогналъ въ лѣсъ. Остановленный здѣсь на нѣкоторое время превосходствомъ его силъ, онъ спѣшилъ своихъ казаковъ и, выждавъ пѣхоту, съ барабаннымъ боемъ повелъ ее въ лѣсъ. Чеченцы были снова опрокинуты и, преслѣдуемые казаками, оставляли своихъ убитыхъ, бросали лошадей и наконецъ, не доходя Амиръ-Аджи-Юрта, спустились на Терекъ. Но здѣсъ, когда большая часть ихъ подходила уже къ правому берегу и въ страхѣ и безпорядкѣ стѣснилась на одномъ мѣстѣ, падломился ледъ, образовалась полынья, сажень въ 70 въ окружности, и все, стоявшее на этомъ пространствѣ, потонуло. Остальные, переправясь черезъ Терекъ, продолжали бѣжать. Маіоръ Венеровскій, перейдя рѣку нѣсколько выше, пустился за ними, гналъ ихъ и отбилъ всѣ стада, уже переправленныя на ту сторону. Между тѣмъ остававшаяся около Щедрина непріятельская пѣхота также была опрокинута и прогнана за Терекъ и теперь показалась въ виду нашихъ казаковъ. Видя пораженіе, нанесенное конной партіи, она отступила въ такомъ же страхѣ и съ такою же поспѣшностью. Казаки бросились и на этихъ бѣгущихъ. Маіоръ Венеровскій находился впереди всѣхъ, самъ убилъ трехъ чеченцевъ и наконецъ, оставшись одинъ въ срединѣ бѣгущаго непріятеля, съ поручикомъ Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА конвоя Фроловымъ*) и казакомъ Груняшинымъ, **) увидѣлъ, что лошади прочихъ казаковъ, проскакавъ 60 верстъ, не могли слѣдовать дальше, и долженъ былъ прекратить преслѣдованіе. Исключая потонувшихъ, число которыхъ было очень велико, чеченцы оставили на нашей сторонѣ десять тѣлъ, 21 лошадь съ сѣдлами и съ сбруею и одинъ значекъ. Все пространство, гдѣ было дѣло и гдѣ бѣжалъ непріятель, покрыто кровью; однимъ словомъ, пораженіе было совершенное, не смот-

---

*) Ларіонъ Алексѣевичъ Фроловъ 6-й.

**) Іонъ Даниловичъ.

ря на то, что чеченцы были болѣе чѣмъ въ пять разъ сильнѣе нашихъ. Съ нашей стороны убитъ одинъ рядовой Куринскаго полка и одинъ гребенской казакъ; одинъ донской казакъ и одинъ неслужащій линейный (находившіеся на постахъ во время перваго нападенія непріятеля) пропали безъ вѣсти. Кромѣ того, убиты бывшіе при брагунскихъ стадахъ мирный чеченецъ и одна женщина.

Дѣло 24-го мая 1846 года.

(Сусловское дѣло).

Въ половинѣ мая 1846 года дано было знать, что 22-го числа Шамиля ожидаютъ въ Шали. Онъ послалъ наибамъ, Атабаю, Саибдуллѣ, Дубѣ и Талгику, записку слѣдующаго содержанія: «Желаю Вамъ мира и предписываю собрать всѣхъ конныхъ всадниковъ къ будущему четвергу въ долину Шали. Вы должны быть съ партіями тамъ до моего прибытія. Если Богъ позволитъ, то я буду въ Шали въ тотъ же день»

Лазутчики увѣряли, что Шамиль намѣренъ былъ послать наиба Нуръ-Али съ значительною партіею къ Камбилеевкѣ, съ цѣлью привлечь туда войска, расположенныя во Владикавказскомъ округѣ, самому съ главнымъ скопищемъ броситься на Старый-Юртъ, чтобы удержать войска Начальника лѣваго фланга, генерала Фрейтага, а въ то же время бѣглаго кабардинца, князя Магому-МирзуАнзорова, съ конною партіею, двинуть въ малую кабарду. Но Шамиль въ Чечню не прибылъ, а вся его партія, передъ полуднемъ 23 мая, выступила изъ

селенія Шали и направилась на Мичикъ, гдѣ чеченцы должны были соединиться съ конными ичкеринцами, ауховцами и салатавцами. Получивъ эти свѣдѣнія, Фрейтагъ отдалъ приказаніе командиру Гребенского казачьяго полка, подполковнику Суслову, собрать сколько возможно казаковъ въ Амиръ-Аджи-Юртѣ, а подполковнику Меллеръ-Закомельскому выступить изъ Грозной съ двумя баталіонами пѣхоты и слѣдовать, черезъ Старый-Юртъ, къ Умаханъ-Юрту, съ тѣмъ, что если бы Меллеръ-Закомельскій узналъ, что партія спустилась на Кумыкскую плоскость, то немедленно двинуться на Кара-су,*) присоединивъ къ себѣ казаковъ Суслова. Получивъ приказаніе, подполковникъ Сусловъ собралъ казаковъ и направился къ указанному ему пункту. Но придя въ Амиръ-Аджи-Юртъ, онъ узналъ, что непріятельское скопище уже вернулось обратно мимо этого аула и протянулось къ Качкалыковскому хребту, прикрывая до 400 арбъ переселявшихся жителей Акбулатъ-Юрта, аула, находившагося на правомъ берегу Терека, противъ Шелкозаводской станицы, на прямомъ сообщеніи Терской линіи съ кумыкскою плоскостью. Разсчитывая на скорое прибытіе Меллеръ-Закомельскаго съ его войсками, Сусловъ, 24 мая, переправился на правый берегъ Терека и, не дожидая сбора остальныхъ казаковъ, во-главѣ 82-хъ гребенцовъ, при семи офицерахъ, бросился въ погоню за непріятелемъ. Верстахъ въ восьми отъ Амиръ-Аджи-Юрта казаками замѣчены были расположившіеся на курганахъ непріятельскіе пикеты. Но казаки безпрепятственно продолжали свое наступательное движеніе. Вскорѣ изъ-за холмовъ показались многочисленныя толпы непріятельской конницы, съ гикомъ бросившіяся на ничтожную, сравнительно съ ихъ многочисленностью, горсть храбрецовъ. Казаки спѣшились, и 1500 человѣкъ горцевъ окружили ихъ. Разыгралось знаменитое «Сусловское дѣло», 24 мая 1846 года. Сбатовъ и поставивъ въ кругъ коней, и расположившись за этимъ живымъ заваломъ, стрѣляя че-

*) Рѣчушка близъ Азаматъ-Юрта.

резъ сѣдла, казаки держались крѣпко. Чеченцы, разъ за разомъ, повторяли неистовыя атаки, но всѣ ихъ усилія оказались тщетными, и имъ не удалось врѣзаться въ средину дружно сплотившихся, плечо къ плечу, казаковъ. Вскорѣ всѣ офицеры и значительное число казаковъ были ранены, нѣсколько человѣкъ убито; но остальные продолжали энергично отбивать нападеніе. Съ казаками раздѣлялъ горькую участь отставной капитанъ Хастатовъ, имѣніе котораго находилось близь станицы Шелковской и котораго на Линіи называли «авангарднымъ помѣщикомъ Россіи». Хастатовъ, услыхавъ тревогу, присоединился къ казакамъ, и въ продолженіе всего боя онъ ни на минуту не переставалъ ободрять казаковъ, впрочемъ, и безъ того не робѣвшихъ. Патроны постепенно приходили къ исходу, а между тѣмъ подкрѣпленіе все еще не шло; положеніе гребенцовъ становилось критическимъ. Но никому и въ голову не приходила мысль о сдачѣ. Наоборотъ, казакъ Скачковъ, отставшій во время скачки отъ товарищей, потому что у него подвернулось сѣдло и онъ долго провозился съ пересѣдлываніемъ лошади, догоняя, съ другимъ подоспѣвшимъ казакомъ, ускакавшихъ товарищей и видя ихъ окруженными, не подумалъ возвращаться назадъ или искать личнаго спасенія, а прорѣзался къ товарищамъ сквозь линію окружавшихъ горцевъ и ворвался въ ихъ кругъ, чтобы испить общую чашу. Убѣдившись, что вскорѣ изсякнутъ послѣдніе остатки ружейныхъ патроновъ, подполковникъ отдалъ приказаніе имѣть въ полной готовности пистолеты для послѣдней, прощальной пули по адресу врага, какъ вдругъ со стороны Амиръ-Аджи-Юрта показалась новая пыль. То мчалась еще кучка казаковъ, несшихся во весь опоръ на выручку своихъ, съ зауряд-хорунжимъ Груняшинымъ. Ихъ всего было около 25-ти человѣкъ, но не смотря на то, горцы дрогнули. Когда же, вслѣдъ за тѣмъ, со стороны Куринского укрѣпленія появились 60 донцовъ, а за ними раздались одинъ за другимъ 2 пушечныхъ выстрѣла спѣшившаго на помощь подполковника Майделя, горцы бросились

въ бѣгство. Оставшіеся невредимыми казаки, при помощи подоспѣвшихъ товарищей, принялись за уборку убитыхъ и раненыхъ. Потеря оказалась не малою: всѣ офицеры были ранены,*) за исключеніемъ войскового старшины Камкова, да и то контуженнаго. Нижнихъ чиновъ ранено: въ Гребенскомъ полку 43 да у прибывшихъ на помощь донцовъ—6. Убитыхъ у линейцевъ 4, да у донцовъ одинъ. Лошадей у гребенцовъ было убито: всѣ офицерскія и 77 казачьихъ, и ранено пять, при чемъ въ каждомъ конѣ оказалось, по осмотрѣ, среднимъ счетомъ по восьми пуль.

Подполковникъ Меллеръ-Закомельскій не подоспѣлъ на выручку казаковъ, потому что опоздалъ. Услыхавъ сигналы тревоги на Кумыкской плоскости, онъ поспѣшилъ къ укрѣпленію Умаханъ-Юртъ, но прибылъ туда уже тогда, когда дѣло съ казаками было окончено и чеченцы отступали по Качкалыковскому хребту. Пришедшій же на выручку подполковникъ Майдель вышелъ изъ укрѣпленія Куринскаго. Услыхавъ перестрѣлку со стороны Амиръ-Аджи-Юрта, онъ выступилъ съ тремя ротами пѣхоты и сотнею казаковъ, при двухъ орудіяхъ. Пройдя верстъ 10-ть, войска эти замѣтили на курганахъ непріятельскіе пикеты и, вслѣдъ за тѣмъ, наткнулись на огромную конную партію, немедленно завязавшую съ ними перестрѣлку. Между тѣмъ одновременно съ этимъ, и въ укрѣпленіи Куринскомъ открылась сильная канонада, такъ какъ непріятель выставилъ противъ башни одно изъ своихъ орудій, вслѣдъ за тѣмъ на всѣхъ сосѣднихъ высотахъ появились пѣшія толпы. Подполковникъ Майдель, убѣдившись, что вся непріятельская конница подошла уже къ Качкалыковскому хребту, поспѣшилъ къ укрѣпленію Куринскому. Замѣтивъ выбранное имъ направленіе, всѣ конные чеченцы нахлынули на его отрядъ и бросились пре-

*) Офицеры эти слѣдующіе: хорунжіе: Федюшкинъ (Фед. Фил., впослѣдствіи генералъ-маіоръ), Бойсунгуровъ (Григорій Устинычъ), Рамазинъ (ст. Шелковской), Палашкинъ; зауряд-хорунжіе: Рогожинъ (Евтѣй Петровичъ) и Янхотовъ.

слѣдовать, такъ что подполковникъ Майдель принужденъ былъ нѣсколько разъ пріостанавливать движеніе своей колонны, для отраженія непріятельскихъ атакъ. Вскорѣ преслѣдованіе прекратилось, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, уже раздалась сильная перестрѣлка со стороны Амиръ-Аджи-Юрта, заставившая Майделя повернуть свою колонну по направленію услышанныхъ выстрѣловъ. Это движеніе было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ оно-то и выручило Суслова и подчиненныхъ ему героевъ—офицеровъ и казаковъ.

Отдѣльные разсказы.

Освященіе перваго знамени.

Объ освященіи перваго знамени, пожалованнаго Гребенскому казачьему войску за доблести, проявленныя казаками въ персидской и турецкой кампаніяхъ, 1827, 1828 и 1829 гг., третій командиръ войска, ротмистръ графъ Стенбокъ, отъ 14 января 1834 года за № 42, сдѣлалъ слѣдующее донесеніе:

«Освященіе знамени совершено было въ станицѣ Червленной, чрезъ вызваннаго туда православнаго священика Шелкозаводской станицы, Гавріила Егорова, съ дьякономъ, и обрядъ происходилъ слѣдующимъ порядкомъ. По прибивкѣ къ древку, знамя вынесено было съ церемоніею на площадь, посреди которой былъ устроенъ алтарь съ крестомъ и евангеліемъ; священникъ съ діакономъ были уже въ готовности со-

вершить священный обрядъ православной церкви. Кругомъ алтаря были выстроены въ карре 200 человѣкъ казаковъ, имѣя въ строю древнія знамена свои, припоминающія полку милости Великаго Петра, Елизаветы I-й, Екатерины II-й. Безъ изъятія всѣ жители станицы Червленной и пріѣхавшіе изъ другихъ станицъ жители тѣснились пестрыми толпами на площади и улицахъ и даже на крышахъ ближнихъ домовъ. Съ глубокимъ молчаніемъ и благоговѣніемъ казаки старообрядческіе слушали богослуженіе, послѣ котораго священникъ окропилъ знамя священной водой, также и казаковъ. Взявъ тогда священное знамя, я сталъ съ онымъ посреди карре и обратился къ казакамъ, говоря: «да будетъ знамя сіе вамъ всегда припоминать милость отца—царя нашего, славу древняго войска вашего и непоколебимую преданность предковъ вашихъ къ престолу и отечеству, и да позволитъ мнѣ Господь Богъ первому вкусить смерть подъ знаменемъ симъ за святыя дѣла царя и отечества». Сказавъ эти слова, я понесъ знамя по рядамъ казаковъ; раздалось между ними громкое ура, повторяемое всѣми жителями, ружейные выстрѣлы оглашали крикъ душевнаго восторга, и пламя, возгорѣвшееся въ глазахъ сихъ потомковъ славныхъ казаковъ Ермака, явно выразило, что каждый изъ нихъ повторялъ присягу въ глубинѣ душѣ своей служить вѣрою и правдою царю до послѣдней капли крови, какъ служили предки ихъ предкамъ царей. По приказанію моему, казаки сѣли на конь, предъ строемъ гордо возвышалось знамя, какъ залогъ милости царя и будущей славы полка, и съ церемоніею оно было возимо по всѣмъ улицамъ станицы. Воротясь на площадь, было позволено удалымъ казакамъ тѣшиться скачкою на коняхъ и пальбою, безъ которой сіи дѣти безпрестанной войны праздника не знаютъ. Закуски были приготовлены на многочисленныхъ столахъ и красное вино вездѣ въ кадушкахъ разставлено на площади. До глубокой ночи продолжался пиръ, на которомъ казаки, не зная обычая, просвѣщеніемъ установленнаго, но слѣдуя пря-

мымъ чувствамъ природы, пили чаще на церемоніальномъ обѣдѣ за драгоцѣнное здоровье Царя и Наслѣдника его, возлюбленнаго атамана казаковъ, и за всю царскую фамилію».

Казакъ Хвацкій.

Настоящая его фамилія Цигуринъ,*) прозваніе же Хвацкаго онъ получилъ отъ станичниковъ за свой хвацкій подвигъ, Въ молодыхъ годахъ онъ участвовалъ, въ 1839 году, въ экспедиціи подъ ауломъ Ахульго, подъ командою Ганерала Граббе.

Однажды въ лагерѣ подъ Ахульго, находясь въ качествѣ часового около палатки генерала Граббе, онъ расхаживалъ съ ружьемъ на своемъ посту. Въ это время около палатки генерала упала граната, пущенная изъ лагеря Шамиля. Всѣ въ ужасѣ выскочили изъ палатокъ. Каждую секунду ожидали взрыва. Граната кружилась на мѣстѣ. Вдругъ казакъ Хвацкій спокойно подходитъ къ гранатѣ и сталкиваетъ ее прикладомъ ружья внизъ съ обрыва горы, гдѣ граната и лопнула, а самъ снова начинаетъ ходить спокойно на своемъ посту, какъ нивчемъ не бывало. Восторгъ всѣхъ былъ полный. Генералъ Граббе, отправляя Государю Императору Николаю Павловичу свое донесеніе о взятіи Ахульго, послалъ съ адъютантомъ и казака Хвацкаго. По пріѣздѣ посланныхъ въ Петербургъ, начальство пожелало представить Хвацкаго Его Величеству. Но тутъ вышло затрудненіе: Хвацкій не захотѣлъ брить бороду (онъ былъ высокаго роста, красивый собою, съ черною окладистою бородою).

---

*) Родомъ изъ станицы Червленной.

Гребенцы, какъ старообрядцы, бороду считали священной и никогда не брили. Въ жаркихъ бояхъ и схваткахъ съ чеченцами они брали свои бороды въ ротъ, и, закусывая ихъ зубами, считали себя какъ бы причастившимися св. тайнъ, и тогда смерть для нихъ была чашей сладкаго вина. Естественно, что Хвацкій дорожилъ этой святыней. Начальство не знало, что дѣлать; старались уговорить Хвацкаго сбрить бороду, но онъ не согласился. Онъ сталъ говорить, что борода никогда не мѣшала ему исполнять свой долгъ службы, какъ слѣдуетъ, Царю Батюшкѣ и объявилъ, что если его начнутъ брить, онъ этою же бритвою перерѣжетъ горло. Объ упорствѣ казака доложили Государю.

Государь былъ на столько милостивъ, что пожелалъ видѣть Хвацкаго съ бородою. Когда онъ предсталъ предъ Царскія очи, Николай I-й, съ свойственною ему серьезностью, спросилъ его: «Отчего ты не хочешь сбрить бороды»? Не боявшійся гранаты, здѣсь Хвацкій испугался и успѣлъ проговорить: «*Простите, Ваше Императорское Величество.*» Тогда Государь милостиво сказалъ ему: «Спасибо за службу, я тебя велѣлъ зачислить въ мой конвой»,—и тутъ же самолично возложилъ на него георгіевскій крестъ.

Вернувшись изъ Петербурга въ станицу Червленную, Хвацкій продолжалъ служить въ полку, въ сотнѣ. Однажды вечеромъ, когда онъ сидѣлъ дома, починяя свои поршни, къ окну подошелъ сотенный нарядчикъ и сталъ стучать въ окно. Хвацкій, поднявъ окошко, выглянулъ на улицу, и нарядчикъ объявилъ ему, что онъ на эту ночь назначается въ секретъ на Терекъ. Хвацкому показалось, что его назначаютъ не въ очередь, что много есть молодыхъ казаковъ, которые давно не были въ секретѣ, и что имъ дѣлаютъ поблажку, а его, стараго казака, безъ очереди гоняютъ въ секреты; почему онъ и объявилъ нарядчику, что не пойдетъ въ секретъ. Нарядчикъ не замедлилъ объ этомъ сообщить старшему уряднику, который самъ явился во дворъ Хвацкаго, вызвалъ его къ себѣ и

съ угрозою потребовалъ, чтобы Хвацкій шелъ въ секретъ безъ отговорокъ. При этомъ не обошлось безъ размахиванія руками, при чемъ урядникъ задѣлъ рукою по лицу или по груди Хвацкаго. Хвацкій обиды не вытерпѣлъ, двинулъ свою руку пошире урядниковой, а затѣмъ начался судъ. Долго судили Хвацкаго и долго онъ сидѣлъ подъ арестомъ на полковой гауптвахтѣ. Въ это время пріѣхалъ въ Червленную Главнокомандующій Кавказской арміею князь Воронцовъ. Дѣло Хвацкаго доложили Воронцову и доложили также, что судъ приговорилъ его къ снятію георгіевскаго креста. Князь Воронцовъ принялъ близко къ сердцу дѣло Хвацкаго. Чтя высоко награду, полученную Хвацкимъ за боевой подвигъ лично отъ Государя, князь Воронцовъ захотѣлъ пощадить Хвацкаго и предложилъ ограничить наказаніе 50-ю ударами розгъ, не лишая его Царской награды. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь пожелалъ и видѣть Хвацкаго лично. Когда ввели Хвацкаго къ князю Воронцову, то князь прежде всего пожалѣлъ о поступкѣ его съ урядникомъ и высказалъ свое желаніе, чтобы Хвацкій, сохраняя крестъ, пожалованный лично Государемъ, взамѣнъ того былъ наказанъ 50-ю ударами розогъ. Хвацкій, вытянувшись въ струнку, прогремѣлъ громкимъ своимъ голосомъ: «Покорно благодарю Ваше Сіятельство!» но при этомъ доложилъ, что если онъ будетъ наказанъ 50-ю ударами розогъ, то считаетъ себя уже недостойнымъ носить столь дорогой для него крестъ,*) а потому просилъ лучше о снятіи креста. Удивленный такимъ отвѣтомъ, князь улыбнулся и сказалъ: «Хорошо, будетъ удовлетворено твое желаніе».

Такимъ образомъ казакъ Хвацкій потерялъ свой крестъ, столь славно доставшійся ему, но онъ не потерялъ надежды вернуть его. Подлежа уже отставкѣ, но мучимый мыслью, что ему придется умереть безъ креста, онъ поступилъ снова на службу. Зимою 1853 года Хвацкій отправился въ экспедицію

*) Георгіевскіе кавалеры отъ тѣлесныхъ наказаній были избавлены.

въ Чечню. Въ то время былъ назначенъ командовать кавалеріею Наказный Атаманъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, генералъ-маіоръ Круковскій. Хвацкій льстилъ себя надеждою получить въ эту экспедицію во что бы то ни стало георгіевскій крестъ и возлагалъ эту надежду, между прочимъ, на генерала Круковского, который его зналъ лично, какъ по его боевому подвигу, такъ и по грустному случаю утраты креста. Но надеждамъ Хвацкаго не суждено было исполниться.

Генералъ Круковскій, подойдя къ аулу Дубы, былъ убитъ, такъ что тѣло его даже не успѣли вынести. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась среди гребенскихъ казаковъ. Закипѣло ретивое у Хвацкаго, онъ стремглавъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ находился генералъ Круковскій и увидѣлъ любимаго генерала уже распростертаго на землѣ и обираемаго вражьими руками. Сдѣлавъ изъ ружья выстрѣлъ, онъ, съ шашкою въ рукѣ, бросился отбивать у враговъ тѣло генерала; горцы, струсивъ, бросились было въ лѣсъ, но когда онъ, схвативъ тѣло генерала, готовился нести его на себѣ, вражья пуля пронзила его въ грудь, и Хвацкій упалъ мертвымъ на трупъ имъ отбитаго генерала Круковского.

Подвигъ казака станицы Новогладковской

Докторова.

Въ одно прекрасное майское утро молодой казакъ станицы Новогладковской выѣхалъ съ женою въ свой садъ на работу. Не успѣлъ онъ отпрячь воловъ, какъ изъ кустовъ раздался

выстрѣлъ, и раненый гребенецъ повалился на землю. Вслѣдъ за тѣмъ шайка абрековъ выскочила изъ чащи, схатила раненаго казака, взяла его жену и быковъ и подалась по Тереку на бродъ. Работавшій въ сосѣднемъ саду казакъ Василій Доктаровъ угадалъ по луску чеченскій выстрѣлъ и, по обычаю, вошедшему въ плоть и кровь гребенскихъ казаковъ, поспѣшилъ къ мѣсту происшествія. Увидѣвъ здѣсь порожнюю арбу и брызги крови, онъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и побѣжалъ слѣдомъ по лѣсу, поднимая крикъ на разные голоса, чтобъ показать хищникамъ, будто въ погонѣ много людей. Когда онъ добѣжалъ до берега, чеченцы успѣли уже подвязать тулуки и спуститься съ добычею въ воду. Преслѣдующій сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ и, выхвативъ шашку, бросился за ними въ воду, продолжая кричать: «сюда, братушки, за мной». Абреки дались въ обманъ, выпустили изъ рукъ полонъ и добычу и поспѣшили убраться на свою сторону. Взваливши раненаго одностаничника къ себѣ на плечи, а женѣ его сунувъ въ руки налыгачъ, Доктаровъ явился съ ними въ станицу и былъ привѣтствованъ какъ Юлій Цезарь, въѣзжавшій побѣдителемъ въ Римъ, а послѣ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена.

Какъ Мисостъ кушалъ барана.

(Легенда).

Мисостъ былъ сынъ Войскового Знаменщика Степана Максимовича Фролова, назначеннаго Ермоловымъ командовать

Гребенскимъ полкомъ вмѣсто Войскового Атамана Зачетова. Настоящее его имя было Иванъ Степановичъ.

Мисостъ имѣлъ страшной ширины грудную клѣтку и изъподъ нея не былъ замѣтенъ его животъ, а между тѣмъ онъ, какъ все въ этомъ человѣкѣ, былъ у него необыкновенный. Ногайцы еще теперь передаютъ, какъ Мисостъ, пріѣзжая къ нимъ, съѣдалъ одинъ по цѣлому молодому барану. Тоже подтверждаютъ—Агафія Осиповна, племянница, и Мокей Осиповичъ, племянникъ Мисоста. Оба они знали Мисоста въ дѣтствѣ и помнятъ его.

Сохранился о Мисостѣ слѣдующій разсказъ, похожій на легенду.

Пріѣхалъ Мисостъ въ Кизляръ на ярмарку, и разгуливаваетъ между народомъ. Смотритъ, собралась толпа людей передъ непомѣрно большимъ бараномъ, и идетъ общее удивленіе: какой большой баранъ!

Одинъ изъ представителей глазѣвшей тутъ-же рабочей артели не вытерпѣлъ и выразился, что этакого барана не убрать всей ихъ артели.

А армянинъ, хозяинъ барана, ходитъ тутъ-же и потираетъ руки отъ гордости. Грузины и армяне любители большихъ и сильныхъ барановъ, пѣтуховъ и тому подобнаго. Досадно стало Мисосту на гордость армянина. Услышавъ заявленіе рабочаго, что барана не съѣсть цѣлой артели, онъ посмотрѣлъ на барана и сказалъ съ презрѣніемъ: «Ну, баранъ! Мнѣ одному на разъ закусить». Вскипѣло сердце у армянина. Озлился, на пари кинулся: какой хочешь, закладъ даетъ, что не съѣстъ казакъ барана. У Мисоста, командирскаго сына, всегда водились съ собою деньги. Было у него и сейчасъ въ карманѣ 180 рублей (сумма по-тогдашнему очень большая), и предложилъ онъ всю эту сумму. Армянинъ загорѣлся. Онъ смогъ собрать только сто рублей, но на остальное выставилъ поручителями всѣхъ торговцевъ—сосѣдей. Тѣ охотно поручи-

лись, потому что всѣ были убѣждены, что казакъ проиграетъ. Закладъ состоялся. Фроловъ уговорился только, чтобы ему доставили достаточно хлѣба и дали полведра вина. Армянинъ всѣ эти условія принялъ.

Зарѣзали барана, сварили. Подали широкую доску: принялся Фроловъ крошить барана на части.

Изрѣзалъ на мѣрные кусочки и барана и курдюкъ, подали хлѣба и вина, и принялся онъ пожирать барана.

Толпа собралась еще больше.

Ѣстъ Фроловъ барана съ хлѣбомъ, кусокъ за кускомъ, и виномъ запиваетъ.

Вотъ кусокъ за кускомъ исчезаетъ баранъ въ обширномъ казачьемъ брюхѣ, а казакъ ничего себѣ: чмокаетъ да вино потягиваетъ.

Произошла заминка. Съѣлъ казакъ барана, курдюкъ остался, а вина больше нѣтъ. Проситъ казакъ еще вина у армянина.

У армянина уже достаточно помутилось въ затылкѣ, но онъ все еще думаетъ, что брюхо казачье не выдержитъ. «Съѣстъ-дескать курдюкъ, да еще вина кварты двѣ вольетъ,— не хватитъ мѣста въ желудкѣ».

Принесъ армянинъ еще двѣ кварты вина...

Но желудокъ казачій все выдержалъ. Доѣлъ Мисостъ курдюкъ, допилъ вино, вскочилъ на ноги, схватился руками за бока и говоритъ: «Ну, а теперь давай бѣжацца».

Народъ такъ и ахнулъ.

Чуть не расплакался бѣдный армянинъ, когда пришлось платить проигранный закладъ; но казакъ оказался великодушнымъ. Онъ взялъ тѣ 100 рублей, которые выложилъ армянинъ сначала, а отъ остальной суммы отказался.

Таковъ былъ Мисостъ, сынъ Войскового Старшины и ко-

мандира Гребенского полка, Степана Максимовича Фролова, и кабардинской княжны Таймазовой и отецъ рано погибшаго Киріака.

Лучшая казачья и кабардинская кровь давали чудесные ростки въ старомъ гребенскомъ казачествѣ.

Разсказъ дѣдушки Аѳоньки

Гаурова.

Мнѣ было тогда около семи лѣтъ. Пахали подъ просо.

Было около обѣда. Уже нѣкоторые поотпрягали варить, но всѣ еще пахали. Агафонъ Григорьевичъ (Абрамовъ) ходилъ за плугомъ. Смотримъ мы (малыши, сидѣвшіе на ярмахъ), на Папинъ повыѣхали.

—Смотри-ка, смотри-ка,—говоримъ мы:—сколько казаковъ на Папиномъ бугрѣ... Со значками!

А ихъ,—такъ бугоръ и усѣяли. 500 человѣкъ было. И значки у нихъ: 10—15 человѣкъ, и значекъ.

Посмотрѣлъ Агафонъ Григорьевичъ и говоритъ:

—Ну, казаки!.... Да вѣдь это чеченцы!... Бѣгите къ Денисъ Григорьевичёвымъ плугамъ.

А самъ—цапъ ружье, и къ лошади.

Тутъ ходила спутанная наша лошадь.—Пахали сложившись. Нашихъ (Гауровыхъ) былъ одинъ я, съ иховой (Абрамовской) стороны—четверо.—Ружья тогда были у всѣхъ на

тяглахъ (войцо). Сошки въ тягло пробуравлены и ружье на сошкахъ.—Схватилъ Агафонъ Григоричъ ружье, распуталъ лошадь, сѣлъ и поскакалъ за Денисъ Григоричемъ.

—Вы,—говоритъ,—бѣжите къ Денисъ Григорьевичевымъ плугамъ.—А самъ задался.

Пахали тогда у Папина одинъ десятокъ, потому что общество перессорилось. Одни кричали пахать у Поповскаго, другіе у Папина. Одни пахали тамъ, десятокъ пахалъ у Папина *).

Кабы чеченцы напали немножко попозднѣй, они бы ничего не взяли; хотѣли уже отпрягать. Тогда пахали много (далеко одинъ отъ другого), а стояли всѣ въ кучу. Арбы одеръ-въ-одеръ, такъ кругъ и дѣлали. *Вагенбургъ* называется. Люди всѣ въ середку. На ночь скотину тоже посреди,—такъ всю ночь часовые и ходятъ.

Вотъ поскакалъ Агафонъ Григорьичъ за Денисъ Григорьичемъ.

Денисъ Григорьичъ пошелъ на охоту.

—Пойду, говоритъ, не подстрѣлю-ли журавля къ обѣду.

Денисъ Григорьичъ былъ офицеръ.

Вотъ чеченцы и пошли рубить. Всѣхъ стариковъ и малолѣтковъ перерубили, насъ маленькихъ забрали. Кто двухъ захватилъ на лошадь, кто трехъ. Потомъ другимъ на лошадь передавали. 25-ть человѣкъ изрубили, 25-ть взяли въ плѣнъ **). Дядюка Шалимка ***) схватилъ ружье, наставилъ и водитъ. То на одного наставитъ, то на другого. Не подпускаетъ, а стрѣлять боится: выпустишь патронъ, зарядишь не скоро... А намъ видно. Вертѣлся, вертѣлся, водилъ, водилъ,—только вдругъ прострѣлили ему руку. Прострѣлили это руку, ружье

---

*) Тѣ увидѣли, какъ напали чеченцы, бросили быковъ, да къ станицѣ—черезъ Поповское...

**) По офиціальному донесенію: 20 тѣхъ и 20 другихъ.

***) Шаминъ.

выпало. Видитъ онъ, что приходится пропадать, упалъ на—земь и не ворочается, притворился мертвымъ. Наскочатъ чеченцы, натянутся натянутся шашками, лошади боятся. Сѣкутъ его, норовятъ все въ голову, а онъ втянулъ голову, не шевелится. Подумали, что мертвый человѣкъ, бросили. Послѣ очнулся, вся голова въ лоскутахъ, такъ кусочки и болтаются. Чтожъ, бабушка...*) вылѣчила. Славно раны лѣчила. Послѣ смѣемся, бывало: «что, дядя, хорошо тебя чеченцы почистили?» Долго потомъ служилъ старикъ.

Взяли это насъ и по сѣдламъ. Видимъ, торопятся, спѣшатъ. Тутъ изъ орудiи—гу! Переполоху еще больше. Орудiй въ паркѣ было двѣ. Да что, какiя. На быкахъ тащить нужно было. Или люди тащили. Вытащили орудiю въ крайнiй лѣсокъ, и обнаружиться боятся: какъ бы чеченцы не наскочили. Наконецъ: гу—гу! Дунули изъ второго орудiя. Тутъ ужъ вовсе чеченцы испугались. Сбились съ брода въ суматохѣ. Стали прыгать прямо съ берега, на слазъ не попали.

У Антипина тутъ самый ихъ былъ слазъ; такъ *чеченскiй слазъ* и назывался.

Не попали на слазъ, пригаютъ куда ни-попадя, сбились, насъ держатъ за сѣдлами. 25-ть насъ, глупой дѣтворы, всѣ почти семилѣтнiе. Вижу я, приходится пропадать, не-промахъ... Вскочилъ на спину коню, схватился за шею чеченца—и держусь. Было страшно,—кучею плыли: упадешь, пропалъ совсѣмъ.

Везли насъ лѣсомъ, по-надъ Сунжею; гдѣ теперь Умаханъ-Юртъ, тамъ дѣлили. Вывезли на чистое мѣсто, посадили врядъ 25 человѣкъ, и дѣлили. На 20—15 человѣкъ одного ребенка. Подѣлили и разъѣхались.

Меня держали въ Автурахъ, около года.**) Потомъ вымѣ-

---

*) Имя не схвачено.

**) Взятъ—пахали просо, а освобожденъ на слѣдующiй годъ на страстной недѣлѣ.

няли. Близко совсѣмъ: изъ дому часто гостинцы привозили. Бывалочи, пріѣдетъ Барагуновецъ татаринъ, привезетъ штаны и рубашку, поклонъ отъ родителей.

Знали, гдѣ я находился, а выкупить неначто было. Ожидали размѣна.

Держали меня хорошо. Кормили. Въ семьѣ было немного: хозяинъ, мать-старуха да жена съ ребенкомъ.

Бывало, напекутъ пышекъ:

— На пышку!

Схватишь, и на улицу. Обступятъ татарчата, просятъ. Тому кусокъ, тому другой; смотришь, ничего и не осталось. Бѣжишь опять.

— Куда дѣлъ? Неужели съѣлъ? Врешь, неправда. Вѣрно, пораздавалъ ребятамъ? Нѣтъ, садись, тутъ кушай.

Ѣшь пышку, сыръ; а на улицу не пускаютъ.

Вотъ правда поется въ пѣснѣ. Наши пѣсню сложили чеченцамъ, про генерала *Фезю*.

«Горе намъ, Фези къ намъ
«Съ войскомъ стремится»...

Погонялъ насъ этотъ Фезя! Ужъ самъ видѣлъ, что правда. Зима, снѣгъ... Онъ какъ понажалъ!

Прибѣгаетъ хозяинъ, сказалъ что-то женѣ; беретъ винтовку, убѣгаетъ. Собрали насъ въ дорогу, на кутанъ: я, старуха, молодая съ ребенкомъ.

Прислали мнѣ шубу изъ дому. Длинные рукава у шубы. Отрѣзалъ я у шубы рукава, натянулъ на ноги, надѣлъ шубу и идемъ. Снѣгъ въ колѣно. Идемъ. Изъ силъ выбиваемся. Пришли на кутанъ, тамъ скотина.

Просидѣли тамъ, не знаю, сколько времени, прибѣгаетъ опять хозяинъ. Велитъ итти еще куда-то. А самъ подхватилъ

скотину и гонитъ. Шли куда-то долго. Во рту крошки не было. Снѣгъ, падаешь. Загнали куда-то въ горы. Тутъ цѣлый лагерь; переночевали. Ждемъ, а хозяинъ опять побѣжалъ сражаться.

Долго такъ скитались, пока слышимъ: ушли русскіе.

А мнѣ—тоже страшно. Отъ своихъ отъ русскихъ бѣгаемъ, а мнѣ страшно, вмѣстѣ съ чеченцами. Привыкъ.

За годъ такъ налопотался по чеченскому—домой привезли, не зналъ ни словечка по-русски. Теперь вотъ не знаю ничего по-ихнему.

Стали брить мнѣ голову.

Завелась въ головѣ моей вошь, не даетъ покою. Шапка моя курпейчатая такъ и кишитъ кишмя въ курпеѣ. Содралъ я овчину, оставилъ вершокъ одинъ суконный; ношу, какъ ермолку.

Говоритъ старуха: надо обрить голову; а я—не даваться. Было сбѣжать пустился. Отбиваюсь,—не дамся!

Стала старуха чесать мнѣ голову.

— Я расчешу только и вымою.

Вымыла, чешетъ,—и бреетъ незамѣтно. Чешетъ и бреетъ. Такъ и обрила. Какъ глянулъ я: обритый. Какъ взвою. Забѣжалъ подъ сарай, за бежонки и давай плакать. Наплакался во-какъ. Стану надѣвать свой вершокъ вмѣсто шапки, а онъ колетъ. Сукно какое тамъ, одна слава что сукно, совсѣмъ повытерлось. Съ нову было, можетъ, мягкое, а теперь-колетъ.

Взяли какихъ-то плѣнныхъ, размѣняли меня послѣ сраженія, привезли до-дому.

Со мною было два чеченца барагуновскихъ. Мать, родные-плачутъ. Суютъ мнѣ гостинцы, вотъ—мать, мать,—указываютъ.

Прискучило мнѣ, наѣлся, захотѣлось домой.

— Э, мать, мать! Айда домой!

Говорю я чеченцу. Всѣ какъ ахнутъ. Совсѣмъ было отвыкъ отъ дому.

Какъ Акульку брали въ плѣнъ.

Акулина Варламовна Андрюнькина была взята въ плѣнъ по 15-му году, а теперь ей 75—76 лѣтъ. Значитъ, было то, о чемъ она разсказываетъ, приблизительно въ 1847—48 г.г.

Взята въ мартѣ, дня черезъ три—четыре послѣ Евдокіи, выручена въ ночь подъ новый годъ.

Сидѣла въ Автурахъ.

Еще на горахъ были проталины снѣжныя, а въ Терекѣ закрайницы.

Выгнали въ лѣсъ скотину на поляну противъ Ключика. Былъ тамъ перелѣсокъ, а за перелѣскомъ поляна. Стоялъ нашъ кошъ и два другихъ по сосѣдству. Въ кошахъ были: бабушка со внученочкомъ, тетка Степановна, Амоськи Сухова мать, бездомная дѣвка Хавроська, жившая у насъ, и я, Акуля, по 15-му году. Было три подростка, мальчики по 10-му году.

Какъ рубили таркалы, казаковъ никого не было.

Еще днемъ замѣчали что-то неладное, что-то хрустѣло. Вечерѣло. Тетка Степановна латала рубаху. Залатала и пошла

за кошъ надѣть рубаху. А они идутъ: кинжалы о вѣтки позвякиваютъ. Мы думали, казаки идутъ. Прибѣжала тетка Степановна и говоритъ: «казаки идутъ.» Ждемъ — подождемъ, никого нѣту. Повечеряли, легли. Тетка Степановна надѣла шубу, шапку казацкую, взяла палку и ходитъ около коша между скотиною. Подошло около полуночи. Заморилась она, присѣла къ кошу на корточки,—палку ровно ружье держитъ,—и забылась на минуту. Тутъ ее схватили за руки повыше локтей. Она какъ крикнетъ: «Ну—ка что за люди? Ребята, за ружья!» Хотѣла напугать, бѣдная. А гдѣ напугаешь: за день высмотрѣли, что ни одного казака нѣту, и ружей тоже. Мы проснулись. Два мальчика юркнули сквозь кошъ, продрали стѣну; остальныхъ забрали: меня, тетку Степановну, бабушку со внученочкомъ, Хавроньку и третьяго мальчика (дядю Ваньку Казакина). Меня схватили сонную, раздѣтую, въ чемъ спала. Какъ схватила я одѣяло, такъ и закостенѣло въ рукахъ и потащила за край. Взяли меня, а я испугалась и крикнула: «Дяденька, куда вы меня ведете?» Они прыгаютъ, какъ козлы, поспѣшаютъ. Были съ ними русскіе двое, наши же бѣглецы:—Свиткинъ Карпушка*) и Корчагинъ. Они—то и подвели чеченцевъ...

Привели насъ на Терекъ. Вели черезъ Мурову Поляну, по самымъ непроходимымъ зарослямъ. Пришли на Терекъ; чеченцы раздѣлись до гола, у насъ отобрали тоже, что успѣли съ собою захватить, оставили почти раздѣтыхъ. Поклали все въ тулуки,**) положили туда замки отъ ружей и крѣпко все затянули. Надули тулуки и стали ихъ привязывать: за шею и вокругъ живота. Меня взгромоздили на тулукъ, на спину чеченцу. Прыгнули въ воду, а она холодная. Я какъ крикну: «Ахъ, ахъ, а—ахъ!» во весь голосъ. Часа два тутъ возилися. Кабы тѣ мальчики, что убѣжали, побѣжали на Ключикъ, ка-

---

*) Имя Свиткина было Тимофей.

**) Кожанные мѣшки, бурдюки, служившіе для переправы хищникамъ.

заки насъ отбили бы. А то они напугались, цѣлый день просидѣли въ лѣсу и только къ вечеру вышли.

На той сторонѣ чеченцы бревно зажгли, знакъ намѣтили. Горитъ бревно и мѣсто, куда приплыть, указываетъ.

Плыли сначала внизъ, а потомъ поплыли поперекъ и вышли на берегъ. Холодно. Снѣгъ еще вѣдь не растаялъ.

Разложили чеченцы огонь, стали сушиться.

Запѣли они пѣсню: «Ля--алла, го—го—го.»

Рады, что добычу взяли и никто ихъ не потревожилъ.

Отдохнули немного къ утру и повели насъ въ аулы. Снѣгъ, а мы босыя. Пронозила я тогда ногу—насквозь.

Ведутъ насъ по лѣсу въ одну тропу и пѣсни распѣваютъ. Дошли до первой деревни, оставили тутъ бабушку со внученочкомъ, а насъ повели дальше. (Какъ стали насъ на берегъ выгружать, и говорятъ: «Вонъ коши Ваши горятъ.» Мы глянули, огонь надъ лѣсомъ поднимается: «Ахъ, Господи! Ахъ, Господи!» Сѣли мы въ кружокъ лобъ съ лобомъ, и сидимъ, дрожимъ: холодно... было чеченцевъ одиннадцать человѣкъ).

Во второй деревнѣ оставили Ваньку Казакина*).

Насъ троихъ привели въ Овтуры. (Въ Овтуры привели, солнышко садилось). Узнали, что Хавронька безродная, сейчасъ отвезли въ горы и замужъ выдали; такъ она въ горахъ и осталась. Тетку Степановну Карпушка Свиткинъ взялъ за жену и увелъ въ другую деревню. Она часто потомъ ко мнѣ приходила, то одна, то со Свиткинымъ. Когда заболѣла я, она, бывало—возьметъ меня на руки и качаетъ, какъ ребенка. И плачетъ-то плачетъ. Думала помереть вѣдь я. «А, Господи,—говоритъ,—умрешь на чужой сторонѣ и землицы родной не увидишь». Но выздоровѣла я.

Держали меня свободно. На ночь только кандалы на но-

---

*) Дядя Иванка Казакинъ. Я захвалъ его.

ги надѣвали конскія и заковывали, днемъ ходила на работу: лукъ сажали, початку сажали, пололи; все дѣлали. Спала я съ дочерью ихнею; такая же была, какъ я, возрастомъ. Говорить умѣли по нашему. Были старо-юртовскіе; выбѣжали оттудова.

Уѣхалъ Свиткинъ куда-то.

Пріѣхали опять мюриды (чалмы вокругъ шапокъ бѣлыя), *) взяли Степановну и повезли въ горы къ Шамилю. Везли ее черезъ Овтуры и какъ разъ мимо нашихъ оконъ. Везутъ, а она кричитъ мнѣ: «Везутъ меня, Маша, къ Шамилю; сейчасъ придутъ и возьмутъ тебя».**)—Звали меня Акулиной, а она перемѣнила мнѣ имя—Маша. Она говоритъ: «Какъ возьмутъ въ плѣнъ, надо перемѣнить имя». Примѣта какая-то была.—И въ правду. Пришли и меня взяли. Но только къ Шамилю насъ не довезли. Воротился Свиткинъ, тревогу сдѣлалъ. Погнались за нами чеченцы и насъ отбили.—Кабы взяли насъ къ Шамилю, чеченцамъ бы уже ничего не досталось, а они получили выкупъ.—Догнали насъ, отбили и стали держать похороночки. Долго держали. А лазутчики все ходятъ, разыскиваютъ, родные выкупъ дать хотятъ. Только къ Новому Году разыскали. Двѣсти монетовъ***) отецъ заплатилъ да троихъ чеченцевъ.

Передъ Новымъ Годомъ тревога сдѣлалась: пришли русскіе солдаты. Барабаны слышно, рожки играли. Насъ всѣхъ въ лѣсъ перегнали, на поляны. Хутора тамъ были и скотина.

Недѣли двѣ сидѣли. Погнали меня въ одномъ бешметикѣ, босую,—а снѣгъ былъ.

Подъ самый новый годъ меня обмѣняли. Говорятъ мнѣ: «Маша, тебя домой повезутъ.» А я ужъ не вѣрю. Куда повезутъ? почемъ я знаю. Только посадили меня на лошадь и ве-

*) Первый разъ они, видимо, забрали «безродную» Хавроньку для доставки Шамилю, остальныхъ отъ нихъ скрыли.

**) Шамиль имѣлъ въ 1847—48 г.г. своей резиденціей аулъ Ведень (Дарго-Ведень)

***) Рублей

зутъ; привезли о-полночи. «Вонъ,—говорятъ,—ваши русскіе,—тамъ отецъ твой». Они стояли на горѣ, а къ намъ ихъ не пустили. Все дѣло вели лазутчики да татары новоюртовскіе. Новоюртовскій князь, офицеръ Долгирей*) какой-то съ ними переговоры велъ, отецъ мой попросилъ. И люди ихніе. Привезли на поляну какую-то, должно не далеко отъ Грозной: музыка играла, слышно было. Стали торговаться. Высыпали на бурку серебра 200 монетъ. Тогда бумажекъ-то не брали, все на серебро счетъ вели. Троихъ татаръ не считали. Двѣсти монетовъ, да еще на черкеску выпросили, да на бешметъ. Все имъ отдали. Взялъ меня Долгирей. «Къ отцу пойдемъ», говоритъ. А тятенька съ дяденькой Тимофеемъ (Янхотовымъ) дожидаются. Какъ привелъ меня Долгирей, увидѣла я тятеньку, схватила за шею,—и не помню. Такъ вся и задрожала. Привезли меня домой о-Новый Годъ къ утру. Родные всю ночь ждали...

— Теперь времени такого нѣтъ, теперь безопасно... Что же это, почему же, Господи!

Старуха вконецъ расплакалась.

Между русскими бѣженцами извѣстны были также Алешечкинъ Филатъ и Доспѣевъ.

Алешечкинъ говорилъ Акулинькѣ: «Давай, я тебя выкраду, отвезу домой, заслужу помилованіе. Скажи, гдѣ ты спишь, я проберусь къ тебѣ.»

Но она испугалась. Гдѣ выкрасть среди живого народа? Нужно стѣну подкопать:—и—и! И не послушалась.

Когда была въ плѣну, чеченцы показывали: «Вонъ ваши горы». Любимая отрада была: вылѣзу на саклю и смотрю на свои горы. «Тамъ,—думаю,—живутъ наши». И заплачу, заплачу!

---

*) Вѣроятно, Довлетъ-Дирей Зарзмаевъ, маіоръ, впослѣдствіи наибъ большой Чечни до 1857 года.

Степановну Сухову выручили немного позже. Дѣдушку Иванку Казакина еще позже.

Хавронька осталась въ плѣну навсегда. Бабушка со внученочкомъ такъ и погибли.

Созонъ Михайловичъ Фроловъ.

(Мамушъ).

Внукъ Степана Максимовича и Арины Ивановны,*) Созонъ Михайловичъ, какъ и сынъ ихъ Мисостъ, носилъ кабардинское прозвище: Мамушъ. Давались тогда казаками своимъ дѣтямъ кабардинскія имена и прозвища потому, что многіе имѣли въ кабардѣ пріятелей и родственниковъ. По большей части, имена назначали сами кабардинцы, пріѣзжавшіе въ гости.

Мамушу выпала тяжелая доля. Онъ въ молодости былъ взятъ чеченцами въ плѣнъ и протомился 15-ть лѣтъ, пока его выкупили.

Отъ тяжелыхъ цѣпей и колодокъ, въ которыя онъ былъ закованъ, ноги его въ теченіе 15-ти лѣтъ совершенно искривились, и онъ такъ и остался на всю жизнь кривоногимъ.

Держали его въ ямѣ, какъ пса, на цѣпи, причемъ сво-

*) Фроловыхъ; Степанъ Максимовичъ былъ женатъ на Аринѣ Ивановнѣ, кабардинской княжнѣ Таймазовой, на которой онъ женился увозомъ, по кавказскому обычаю.

бодный конецъ цѣпи былъ продѣтъ изъ ямы сквозь стѣну сакли, гдѣ помѣщались плѣнители, и закрѣпленъ у столба, подпиравшаго потолокъ сакли. Мамушъ былъ внукъ полковового командира, и боялись такого знатнаго плѣнника выпустить. За него запросили ни мало, ни много,—двѣ сабы серебра (Саба—мѣра, которою чеченцы мѣряютъ кукурузу). Несмотря на свое богатство, бабушка Арина Ивановна не могла Мамуша за такую цѣну выкупить. Годъ протекалъ за годомъ; наконецъ, пришлось обратиться къ посторонней помощи, потому что ни за какой иной обмѣнъ плѣнника не хотѣли выпустить. У Войскового Старшины Петра Казмича Федюшкина хранился оставшійся отъ отца подписной листъ, по которому червленское интеллигентное общество того времени производило «складчину» для Арины Ивановны, на выкупъ Созона Михайловича.

Мамушъ былъ взятъ на арбузахъ, около Бѣлыхъ Песковъ,*) такимъ образомъ. Поѣхали они съ вечера на бахчу: онъ, его двоюродный братъ Палашкинъ (Иванъ Игнатьичъ) и съ ними еще служащій драбантъ, Василій Хановъ. Быковъ пустили пастись, а сами прилегли вздремнуть и уснули. Вдругъ напали чеченцы. Драбантъ, чуткимъ ухомъ уловившій шумъ, успѣлъ убѣжать и спасся; а обоихъ юношей забрали. Мамушъ въ то время уже былъ женатымъ.

Плѣнителемъ оказался Автуринскій наѣздникъ знаменитый Домбай, лютѣйшій разоритель и врагъ казаковъ, нанесшій имъ много вреда, пока его убили. Домбая зналъ въ то время каждый.

Когда окончательно разсвѣло и Домбай узналъ, какіе важные плѣнники достались ему, онъ отдалъ Палашкина спутникамъ, а Мамуша взялъ себѣ, и поспѣшилъ скрыться.

---

*) Верстахъ въ 15-ти отъ станицы. Иного способа, какъ нижеописанный, возить арбузы изъ дальнихъ песковъ нѣтъ и въ настоящее время. И теперь за арбузами ѣдутъ или съ полуночи, или на ночь.

Плѣнниковъ удачно провели въ Автуры, не смотря на поднятую по Тереку тревогу.

Затѣмъ уже берегли его, какъ зѣницу ока.

Пока держали Мамуша въ Автурахъ, къ нему ѣздилъ дядя Осипъ Степанычъ, провѣдать и посмотрѣть, живъ ли.

Провѣдывать и посмотрѣть плѣнника было необходимо, иначе чеченцы могли получить серебро и за мертваго. Это водилось.

Интересенъ самый процессъ выкупа.

Когда привезли наконецъ серебро и высыпали на разостланныя бурки, то стали дѣлить его между участниками. Раскладывали почему-то на неравныя кучки. Самая большая кучка досталась женѣ Домбая *Сивухѣ* (Домбая въ живыхъ уже не было: его къ тому времени убили). Собравъ въ подолъ доставшееся серебро, старуха воскликнула: «вотъ мой Домбай! Вотъ мой Домбай»! И била по тому мѣсту рукою, гдѣ звенѣли деньги.

Этимъ она, должно быть, хотѣла показать, что отомщена за смерть мужа.

Такъ были грубы господствовавшіе въ то время нравы.

Гришка шитый, или знаменитый

Бойсунгуровъ.

Это была легендарная личность не менѣе Мисоста. Тоже широкоплечій и огромный и тоже неимовѣрной силы, какъ Мисостъ.

Рябой, онъ былъ такъ страшенъ и не красивъ, что не только дѣти—многія женщины его боялись.

Онъ былъ неграмотенъ. Когда его произвели въ офицерскіе чины, его съ трудомъ научили выводить печатными буквами свою фамилію, не уча ни азбукѣ, ни грамотѣ, потому что она, какъ Карлу Великому, ему не давалась. И то съ буквой *й* онъ не могъ сладить и до самой смерти такъ и писалъ безъ нея: *Бусунгуровъ*.

Это не мѣшало Бойсунгурову совершать громкія дѣла и съ честью отправлять поручаемыя должности. Онъ былъ, между прочимъ, начальникомъ Щедринской станицы въ самое тревожное время. При немъ, 24-го мая 1853 года, близъ Терновскаго поста, была отбита щедринскими казаками плѣненная чеченскою партіею калмыцкая княгиня, жена калмыцкаго зайсана. Сотни верстъ проскакали чеченскіе хищники съ береговъ Кумы до берега Терека, и только въ первой же Гребенской станицѣ были разгромлены и разбиты.

Бойсунгуровъ былъ изъ незнатной казачьей семьи, и, при его незавидной внѣшности, у него не было никакихъ надеждъ на карьеру. Но обстоятельства его выдвинули, а необыкновенная храбрость и присутствіе духа докончили дѣло.

Служилъ онъ въ батареѣ и выдвинулся случайно. Однажды ему пришлось очень мѣтко попасть, и его замѣтили. Случай повторился, и между товарищами за Гришкой Бойсунгуровымъ упрочилась слава мѣткаго наводчика. Бойсунгуровъ дѣйствительно попадалъ безъ промаховъ.

Разъ наибы Шамиля собрались въ одной саклѣ на совѣщаніе. Изъ отряда было видно, какъ развѣвались значки надъ саклею и какъ густая толпа окружала саклю; но сакля была внѣ цѣли.

Пѣхотные артиллеристы пробовали было стрѣлять, однако безрезультатно.

Тогда большое начальство подъѣхало къ казакамъ:

— А ну-ка, вы, казаки, попадете въ саклю?

Зашевелились казаки, и съ общаго согласія выдвинули впередъ Бойсунгурова.

Подошелъ Бойсунгуровъ къ пушкѣ, присѣлъ, растопырилъ пальцы и сталъ примащиваться. Долго онъ примѣрялся и присѣдалъ, смотрѣлъ черезъ растопыренные пальцы, и наконецъ выстрѣлилъ. Снарядъ какъ-разъ угодилъ въ саклю.

— Да онъ у васъ даже не урядникъ!

Воскликнуло милостивое начальство, и произвело Бойсунгурова въ урядники.

Прошло немного времени. Случай представился Бойсунгурову вторично отличиться, и на этотъ разъ еще лучше.

Однажды, въ перестрѣлкѣ, чеченцы налетѣли на казачьи пушки. Прикрытія не было. Прислуга въ страхѣ бросилась бѣжать; но Бойсунгуровъ не растерялся. Съ огромнымъ банникомъ въ рукахъ, онъ вскочилъ на орудіе. Не покинулъ пушекъ также раненный приказный, который свалился подъ Бойсунгуровскую пушку.

Неимовѣрная сила дѣлала банникъ страшнымъ оружіемъ въ Гришкиныхъ рукахъ, и онъ поражалъ имъ чеченцевъ направо и налѣво.

Враги въ страхѣ разступались передъ нимъ, падая подъ ударами. Его сѣкли, какъ капусту, наскакивая и доставая саблями съ лошадей; но онъ, залитый кровью, продолжалъ отбиваться, пока ни приспѣла подмога и не разогнала чеченцевъ.

Черепъ Бойсунгорова оказался изсѣченъ во многихъ мѣстахъ, клочки кожи мотались съ головы, какъ тряпки, и изъ-за нихъ, а также отъ заливавшей крови, глаза его ничего не видѣли; но все-таки онъ отстоялъ пушку, а съ нею раненаго приказнаго и батарею.

Съ тѣхъ поръ прозвали Григорія Бойсунгурова «Гришкою Шитымъ», и онъ такъ и ушелъ въ могилу съ этимъ прозвищемъ.

За то ли такъ прозвали его, что чеченцы исправно обрубцевали его, или ему дѣйствительно кожу на головѣ доктора посшивали—не знаю; но такъ и умеръ Войсковой Старшина Бойсунгуровъ «Гришкою Шитымъ», и эта характерная гребенская кличка живетъ до сихъ поръ въ станицѣ.

За это по истинѣ геройское дѣло былъ произведенъ Бойсунгуровъ въ офицеры, и стали звать его, наряду съ «Гришкою Шитымъ», *Григорій Устиньгчъ;* первое за-глаза, конечно, а второе въ лицо, съ низкимъ поклономъ. Тогда-то научили товарищи писать Бойсунгурова печатными буквами (по церковно-славянски) свою фамилію, и онъ съ важностью, на подносимыхъ бумагахъ, на указываемомъ писаремъ мѣстѣ, выцарапывалъ съ великимъ трудомъ: «Бусунгуровъ», не зная, что написано въ самой бумагѣ...

Дальнѣйшіе чины пошли Бойсунгурову быстро,- -ибо его зналъ и жаловалъ самъ Намѣстникъ.

Урядникъ и кавалеръ Подсиневъ.

(Андрей Потапычъ).

У урядника и кавалера Подсинева былъ сынъ георгіевскій кавалеръ, получившій Георгія за Турцію.

Подсиневъ—старикъ получилъ свой крестъ за слѣдующій подвигъ.

Въ какой-то изъ многочисленныхъ экспедицій (ихъ было столько, что всякую не упомнишь) на русскихъ напали чеченцы. Особенно отличался какой-то отважный джигитъ: такъ и налеталъ на русскихъ.

У многихъ, особенно у гребенцовъ, не всегда была свѣжая голова въ первые дни походовъ, послѣ домашнихъ проводовъ. Къ тому же подъ Подсиневымъ былъ сильный ретивый конь, скакунъ, какихъ мало. Но главное, что наполняло восторгомъ душу казака, была высокая курпейчатая шапка. Въ моду тогда вошли высокія папахи, огромной величины, и Подсиневъ только-что соорудилъ себѣ такую. Сегодня онъ въ первый разъ надѣлъ ее «обновить», и понятно, что она на немъ горѣла.

А тутъ, какъ на досаду, вьется чеченскій джигитъ, вертится подъ самымъ носомъ: точно нарочно задираетъ и дразнитъ казака, вызываетъ на поединокъ.

— Не выдержало съ досады сердце мое, разсказывалъ много лѣтъ спустя старикъ Подсиневъ: «такъ и закипѣло! Тутъ же еще хмель домашняя въ головѣ»... И кинулся онъ на чеченца.

Тому, какъ заправскому джигиту, отступать было поздно. Повернулъ онъ коня, и бросился на Подсинева.

Скачутъ они другъ на друга, схватили винтовки, нацѣливаются.

Выстрѣлили. На скаку трудно попасть: въ волненіи оба промахнулись.

Бросили тогда ружья, схватились за шашки. А кони вотъ-вотъ налетаютъ. Размахнулись, рубнули, и тоже пролетѣли мимо.

Подсиневу показалось, что чеченецъ взмахнулъ шашкою выше его головы; самъ онъ тоже промахнулся.

Подсиневъ былъ желѣзный, могучій человѣкъ,— осадилъ коня сразу; но чеченецъ не сразу справился съ конемъ, и по-

вернуться къ Подсиневу не успѣлъ. Заскакалъ Подсиневъ въ затылокъ чеченцу и думаетъ поразить его сзади. Видитъ чеченецъ, что приходится пропадать, понажалъ коня, сталъ огибать большимъ кругомъ къ своей партіи. Подсиневъ не отстаетъ

Вдругъ чувствуетъ Подсиневъ, будто холодно стало головѣ, цапъ: нѣтъ половины шапки.

Гордость казацкая, надѣтая въ первый разъ, надъ пріобрѣтеніемъ которой столько трудился,—пропала новая шапка!...

Чеченецъ острою шашкою такъ и снесъ всю верхнюю половину, такъ что она перевалилась назадъ, оголивъ макушку.

Не взвидѣлъ свѣта тогда Подсиневъ; совсѣмъ потемнѣло въ головѣ, закипѣло одно желаніе—мести...

Гикнулъ онъ въ послѣдній разъ на коня и незамѣтно, вслѣдъ за чеченцемъ, попалъ въ толпу чеченцевъ. Тѣ съ поднятыми шашками бросились со всѣхъ сторонъ...

— Тѣло! Тѣло!—закричали казаки, видя, что Подсинева рубятъ.

Всѣ бросились, по обычаю, выручать тѣло товарища, думая, что его зарубили,—но что же видятъ?

Среди разсѣявшейся толпы чеченцевъ вдругъ живой поднимается Подсиневъ надъ убитымъ чеченцемъ и отираетъ кинжалъ, покрытый кровью, объ его полы.

— Вотъ, вотъ,—всхлипывая передавалъ старикъ, выбрасывая изъ сундука горсти серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ:—набросали мнѣ цѣлую шапку...

Оказалось, что въ свалкѣ упали оба на землю,—и чеченецъ, и русскій,—и, барахтаясь, пугали лошадей, благодаря чему чеченцы сѣкли Подсинева, но нанести ему смертельнаго удара не успѣли; онъ же чеченца зарѣзалъ.

Окровавленный, изрубленный, онъ все же вступилъ въ ряды своихъ съ торжествомъ, хотя и безъ шапки.

— А все-таки я его зарѣзалъ! говорилъ старикъ, и старый задоръ еще чувствовался въ немъ, не смотря на протекшіе годы.

Такъ заражала боевая обстановка старыхъ героевъ.

Гибель Киріака Фролова.

Киріаку было 16-ть лѣтъ. Онъ былъ единственный сынъ Мисоста. Ростомъ и силой почти такой же, какъ отецъ, онъ былъ такого же неукротимаго нрава.

Когда Мамуша взяли чеченцы въ плѣнъ, Киріакъ похвалился, что онъ бы живымъ не дался. Скоро ему пришлось сдержать свое слово.

Поѣхали они въ Кизляръ съ солдатомъ драбантомъ.

На дорогѣ гдѣ-то въ камышахъ напали чеченцы.

Драбантъ скользнулъ незамѣтно въ камышъ и скрылся, а Киріакъ остался. Бросились на него чеченцы. Спрыгнулъ проворно онъ съ арбы, и, успѣвъ выстрѣлить изъ ружья, убилъ одного чеченца, а затѣмъ началъ отбиваться ложею...

Началась неравная борьба одного съ цѣлой шайкой.

Стоя спиною къ арбѣ и держа длинное ружье за стволъ, Киріакъ наносилъ чеченцамъ такіе удары, что чеченцы скоро отпрянули.—Нѣкоторые повалились съ раскровавленными черепами.—Ярость охватила чеченцевъ.

Сначала они не хотѣли было даже стрѣлять, думали захватить казака живьемъ, чтобы взять выкупъ... По одеждѣ и

по ружью они догадались, что имѣютъ дѣло не съ простымъ. Ружье было старинное, фамильное, съ дорогой рѣзьбой. Но затѣмъ имъ пришлось отъ этого намѣренія отказаться. Торопясь покончить дѣло какъ можно скорѣй, такъ какъ опасно было медлить на проѣзжей дорогѣ, они стали думать только о томъ, какъ бы убить Киріака.

Засверкали шашки надъ его головой, загремѣли пистолеты...

Ружье въ его рукахъ между тѣмъ обратилось въ одинъ голый стволъ, ложа расщепилась... Приближались послѣднія минуты ..

Чувствуя, что истекаетъ отъ ранъ, Киріакъ не хотѣлъ отдаваться живымъ даже израненый. Не хотѣлось ему выпускать изъ рукъ и дорогого ствола, на который загорѣлись глаза чеченцевъ.

Собравъ послѣднія силы и переставъ отбиваться, обхватился онъ локтями за телѣжное колесо, прижалъ къ груди ружейный стволъ и стиснулъ зубы.

Ни вырвать ружейнаго ствола, ни оторвать Киріака отъ арбы чеченцы не могли, пока не добили.

Случайно потомъ попался изогнутый ружейный стволъ сидѣвшему въ плѣну Мамушу. Онъ сразу узналъ свое фамильное ружье. А потомъ, осторожно выспрашивая, узналъ и всю исторію гибели Киріака.

Только по освобожденіи Мамуша изъ плѣна, узнали эту исторію родные Киріака, а отъ нихъ узнала станица и все войско.

Иванъ Ефимовичъ Фроловъ.

Подполковникъ Иванъ Ефимовичъ Фроловъ*), былъ послѣднимъ боевымъ представителемъ старой семьи Фроловыхъ. Онъ скончался въ 1908 году, 90 лѣтъ отъ роду.

Настоящій разсказъ переданъ отъ самаго Ивана Ефимовича.

Стоялъ разъ Иванъ Ефимовичъ съ отрядомъ въ Чечнѣ и случилась съ нимъ пренепріятная исторія, изъ которой онъ только чудомъ выпутался благополучно. Вотъ какъ все это произошло.

За старыми гребенскими казаками, ходившими съ отрядами въ Чечнѣ, водился большой военный грѣхъ, по мнѣнію начальства:—они удирали иногда по ночамъ въ свои дома съ полей стоянокъ.

Трудно въ самомъ дѣлѣ было отважному гребенскому казаку, по цѣлымъ мѣсяцамъ не видавшему семьи, утерпѣть отъ соблазна хоть однимъ глазкомъ взглянуть на хозяйку—жену, поцѣловать, перекрестить дѣтокъ, поразспросить о хозяйствѣ, дать нужные совѣты и т. п.

Сядетъ, бывало, воровски такой казакъ на своего добраго коня въ какую-нибудь темную осеннюю ночь, отмахаетъ 50—60 верстъ,—а то и всю полную сотню,—а къ утру уже на мѣстѣ. И вѣстей привезетъ, и поклоны отвезетъ, и сдѣлаетъ, что надо, да и въ строй поспѣетъ во-время.

---

*) Онъ былъ правнукомъ старшины Максима Фролова и внучатымъ племянникомъ Степана Максимовича.

Иванъ Ефимовичъ былъ сотеннымъ командиромъ, и весьма престрогимъ.

Какъ начальникъ, онъ очень преслѣдовалъ казаковъ за такую «непозволительную шалость» и «недопустимое уклоненіе отъ правилъ службы»; но, какъ червленецъ и казакъ, самъ позволялъ себѣ эту вольность потихоньку.

Разъ ему ужъ очень стало невтерпежъ по дому.

Шепнулъ онъ потихоньку одному подчиненному казаку-червленцу, а тотъ и радъ случаю: лишь бы самому побывать дома. Поѣхали.

Сдѣлали они честь-честью, какъ полагается настоящимъ казакамъ, и возвращаются въ лагерь.

Вотъ близко уже, и занимается заря: скоро настанетъ утро.

Неизвѣстно, какими думами были полны мысли казака, но на душѣ у Ивана Ефимовича было неспокойно.

Взыскивая съ казаковъ, ему обнаружить самому передъ подчиненными и передъ начальствомъ только-что допущенную слабость было большимъ ударомъ. И, незамѣтно подбадривая коня, онъ все вертѣлся мыслями на этомъ предметѣ, изыскивая способъ благополучно сохранить въ тайнѣ свою отлучку.

Какъ вдругъ—чеченцы!

Иванъ Ефимовичъ меньше всего думалъ въ эту минуту объ нихъ, и ничто не могло бы его такъ испугать, какъ ихъ неожиданное появленіе.

Убьютъ или ранятъ казака, проступка скрыть будетъ нельзя, придется все обнаружить.... Офицера бросило въ жаръ и въ холодъ.

У него самого былъ чудеснѣйшій скакунъ, удрать невредимымъ самому было нипочемъ: онъ за себя не боялся.

Но казакъ—явная улика, что теперь дѣлать?

Чеченцевъ было трое, лошади подъ ними были свѣжія; какъ ни старались уходить казаки, чеченцы явно ихъ настигали. И виною былъ именно провожатый казакъ, потому что ради него Иванъ Ефимовичъ сдерживалъ свою лошадь, которая уже почувствовала погоню и могла бы унести своего господина.

Надо было пускаться на хитрости.

У казаковъ, взросшихъ на такомъ неравномъ бою, сметка была огромная, и всегда десятки испытанныхъ уловокъ были на готовѣ.

Приказавъ казаку удирать, на сколько хватитъ силъ, Иванъ Ефимовичъ сталъ понемногу отставать, привлекая на себя чеченцевъ. Хитрость начала удаваться: ловкій казакъ юркнулъ незамѣтно на какомъ-то поворотѣ и пропалъ между кустами. Вотъ ужъ его совершенно не видать. Всѣ три чеченца очутились за однимъ Иваномъ Ефимовичемъ.

— Запрыгало отъ радости у меня сердце,—разсказывалъ Иванъ Ефимовичъ:—чеченцы скачутъ за мною одинъ за однимъ, передній лошадь даже подгоняетъ—ловить собирается. Раненько, думаю себѣ,—и пріударилъ лошадь.

Какъ вихрь понесла она Ивана Ефимовича, почувствовавъ свободу. Стали быстро отставать чеченцы.

Но вотъ неожиданное препятствіе. Прежде рѣдкіе кусты чилизника стали сгущаться и стали колоть ноги. Скоро пріятная теплота распространилась по колѣнямъ, и, глянувъ, Иванъ Ефимовичъ увидалъ, что въ клочья изорваны его штаны и кровь покрыла израненныя ноги. Были въ крови также грудь и ноги бѣднаго коня: но онъ мчался, спасая хозяина: доброе животное! Чилизникъ однако могъ завести въ западню: можно было попасть, откуда не выѣдешь; Иванъ Ефимовичъ съ трудомъ выбиралъ свободное мѣсто. Вдругъ сбоку показалась свободная поляна. Иванъ Ефимовичъ, сворчивая туда, оглянулся...

Онъ чуть не обмеръ. Вмѣсто ожидаемыхъ троихъ, за нимъ теперь скакалъ промежъ кустовъ всего одинъ чеченецъ: остальныхъ не было видно.

— Ловятъ казака, замѣтили—пронеслось у него въ головѣ: —что дѣлать?

Быстро повернувъ коня, Иванъ Ефимовичъ, какъ волкъ, бросился на чеченца. Не ожидая бѣды, тотъ не успѣлъ приготовить винтовки и не успѣлъ выстрѣлить. Пока онъ собирался, Иванъ Ефимовичъ заскакалъ сзади, разсѣкъ его шашкой и поскакалъ дальше. Вотъ показался и второй чеченецъ; онъ поотсталъ потому, что у него была болѣе слабая лошадь.

— Отлегло у меня сразу отъ души,—передавалъ старикъ. Ну, думаю, за казакомъ одинъ чеченецъ: съ однимъ управится.

Въ надеждѣ, что теперь можно счастливо выпутаться, Иванъ Ефимовичъ позабылъ и про винтовку, которую наставилъ на него, цѣлясь, привставшій на стремена второй чеченецъ, заранѣе сообразившій опасность... Иванъ Ефимовичъ летѣлъ на него, какъ вѣтеръ, съ окровавленной шашкой. Послѣ первой удачи, онъ почти былъ увѣренъ, что чеченецъ не попадетъ на неровной скачкѣ и въ понятномъ волненіи. Дѣйствительно, пуля пролетѣла мимо. Счастье совсѣмъ, кажется, стало переходить на сторону Ивана Ефимовича. Выстрѣливъ и отбрасывая винтовку назадъ, чтобы схватиться за пистолетъ, чеченецъ задѣлъ ремнемъ за кустъ чилизника, его съ силою отбросило назадъ, такъ что онъ едва удержался въ сѣдлѣ и не успѣлъ выхватить пистолета. Иванъ Ефимовичъ быстро отрубилъ ему голову.

Не тревожась больше за участь казака, онъ почти спокойно поѣхалъ его отыскивать.

Дѣйствительно, выѣзжая изъ кустовъ, онъ увидѣлъ казака, который, убивъ чеченца, напяливалъ на себя его оружіе и бурку и ловилъ лошадь.

— А я къ вамъ помогать собирался; только вотъ, думаю, поймаю чеченскую лошадь,—говорилъ онъ, довольно улыбаясь.

Иванъ Ефимовичъ позеленѣлъ отъ злости.

— Съ ума ты сошелъ, окаянный! воскликнулъ онъ:—къ чему ты забираешъ эту дрянь, какъ мы покажемся съ нею въ лагерь?

Но казакъ отвѣчалъ очень резонно:

— Ц, на, Ваше Благородіе!—Такъ вы и скроетесь, какже! А посмотрите на своего коня и на свои ноги.

Иванъ Ефимовичъ посмотрѣлъ... и опустилъ голову. Все было въ крови и изорвано. Трофеи казакъ поволокъ съ собою...

Такъ воевали и справлялись съ врагами старые казаки и такъ понимали они долгъ службы.

Разсказъ дѣдушки Абросимъ Ивановича Шпрокова о Сусловскомъ дѣлѣ.

Когда по тревогѣ дали знать намъ въ конвойную команду*), насъ было тамъ мало, казаки были въ разгонѣ. Мы по тревогѣ собрались наскоро и маршъ-маршъ къ переправѣ**). Собрались тамъ да и съ Богомъ за Терекъ.

*) Конвойная команда въ прежнемъ Щедринѣ помѣщалась, гдѣ теперь новое поселеніе, противъ церкви. Тамъ въ настоящее время домъ священника. Ближе къ церкви была разгонная станція.

**) Амиръ-Аджи-Юртъ.

Когда переправились, порысили скоро и сейчасъ же увидѣли нѣсколько человѣкъ чеченцевъ; они поднимались на тотъ высокій бугоръ, что напротивъ Касмака*,) за батюшкой—Терекомъ. Посмотрѣть на насъ, какіе мы орлы, да и, стало быть, сколько насъ. Поглядѣли, да и спустились, да и мы на нихъ поглядѣли; а сами ѣдемъ то встрюшку, то рысцею. А командиръ нашъ храбрый увидѣлъ чеченцевъ на бугрѣ, поднялъ руку вверхъ, грозитъ плетью да приговариваетъ:

— Вотъ я вамъ дамъ, шельмецы! вотъ я вамъ дамъ, шельмецы!

Смотримъ, они побольше показались, на другомъ бугрѣ, подальше; бугоръ-то поменьше, а чеченцевъ-то показалось побольше.

А командиръ нашъ опять свою заучку:

— Вотъ я вамъ дамъ, шельмецы! и т. д.

Я видѣлъ, что ихъ больше показалось, да и струсилъ, а впереди меня ѣхалъ братъ Пашка (Павелъ Ильичъ); я ударилъ коня, подъѣхалъ къ нему на хвостъ, натянулся къ нему, толкнулъ его плетникомъ, да и говорю:

— Что, Пашка, куда насъ ведутъ горсточку? Кажица, они насъ.....

— Ты что, Аброська, трусишь! Насъ ведетъ начальникъ. Прочитай тропарь Пресвятой Богородицѣ: «Милосердія двери отверзи намъ, Богородице Дѣво, надѣющіеся на Тя да не погибнемъ, но да избавимся Тобою отъ бѣдъ: Ты бо еси спасеніе роду христіанскому».........

А я немножко повеселѣлъ. Смотримъ, они стали выступать цѣлая туча, и уже пули стали долетать до насъ, а командиръ приказалъ насъ растянуть въ одинъ конь фронтомъ и покрикивалъ:

---

*) Касмакъ выше переправы около $1^1/_2$ версты.

— Ребята, не робейте! Ребята, не робейте!

Аѳанасій Федоровичъ*) съ лѣваго фланга порысилъ на правый, къ командиру, и что-то съ нимъ говорилъ; ударилъ коня,—а былъ нахмурeнный,—и пролетѣлъ впереди насъ на лѣвый флангъ.

А пули стали и черезъ насъ летать. . . .

Вотъ Аѳанасій Федоровичъ закусилъ губы, какъ пріурѣжетъ коня, повернулъ, какъ молнія по фронту,—прямо къ командиру. . . . . Лицо на немъ измѣнилось. . . . . . Подскочилъ и не замялся, закричалъ на командира:

— Ей ей, разобьютъ!

А Сусловъ сказалъ ему въ отвѣтъ:

— Ну, что же, Аѳанасій Федоровичъ, давайте подадимся въ дубья.

— Какъ это въ дубья мы подадимся? Вы забыли, что изъ Червленной сюда мы проскакали до 50-ти верстъ, да такія тутъ борозды; разрѣ можно на нашихъ лошадяхъ туда проскакать? . . . . . .

Тогда командиръ велѣлъ ему по—своему распорядиться, сказалъ:

— Дѣлайте, какъ знаете.

Тутъ Аѳанасій Федоровичъ,—царствіе небесное, хотя грѣшно еретику-та**), да Богъ ему судья,—выскочилъ на середину и крикнулъ:

— Братцы, въ коррею.

А мы чего только и ожидали; сейчасъ же слѣва и спра-

---

*) Камковъ, войсковой старшина (впослѣдстсіи полковникъ), истинный герой настоящаго дѣла

**) Афанасій Федоровичъ хоть и не измѣнникъ «отеческой» вѣрѣ (онъ былъ старообрядецъ) но, видимо, чѣмъ-нибудь не догождалъ ревнителямъ оной. Повидимому, забавлялся табачищемъ, чего не терпѣли старообрядцы.

ва заѣхали, слѣзли съ лошадей, поставили ихъ въ плотную каррею,—и сейчасъ же пали ничь на землю, на *прощенье*...

Сусловъ глянулъ на насъ и второпяхъ крикнулъ:

— Что вы поробѣли, братцы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Камковъ:—у старообрядцевъ принято передъ боемъ вычитывать молитву («Прости мя, отче святый»)... Вотъ имъ вычитывается молитва передъ боемъ.

— А! Ну пусть молятся.

Мы споднялись послѣ молитвы и стали каждый у своей лошади; и начали стрѣлять.

Чеченцы въ это время сдѣлали сильный натискъ съ южной стороны. Мы все же не-робѣли, ударили по нимъ залпомъ... Они отодвинулись и тоже атаковали насъ кругомъ, вплотную. Тутъ ужъ пошла перестрѣлка непрерывная. Выхода намъ не было видно. Вплотную атаковали насъ. Да и мы, хоть горсточка, но тоже каррею вплотную поставили; ниоткуда не видно было имъ, что мы дѣлали въ серединѣ. Пытались басурманы испугать нашихъ лошадей, но онѣ какъ вкопанныя стояли.

Вотъ я стрѣлялъ, стрѣлялъ, и не замѣчалъ, чтобы чеченецъ упалъ отъ моего выстрѣла. Оглянулся, а два братухи—донскіе казаки стоятъ. Одинъ поблѣднѣлъ и непрерывно читаетъ: «Тихвинская Пресвятая Богородица, спаси и помилуй насъ, не дай намъ погибнуть отъ руки проклятаго басурманина на чужой сторонѣ»... Такъ непрывно молилъ Тихвинскую Богородицу. Я спрашиваю другого:

— Ты что стоишь?

— Да вотъ ружье заклепошилъ.

Я говорю ему:

— Ну-ка, дай сюда его.—А у меня былъ желѣзный шомполъ. Я имъ догналъ пулю до мѣста, далъ ему и говорю:

— Небось, на кордонѣ умѣете въ печкѣ выпаривать чужихъ быковъ!

И опять сталъ на свое мѣсто, за передними ногами своего коня, чтобы стрѣлять черезъ холку. Нарочито такъ и приноравливались—стать за конскія ноги.... Кони, видно, тоже чуяли, что имъ надо стоять: многіе были ранены, а съ мѣста не сходили.

Вотъ я положилъ ружье на холку, а рядомъ со мной стоялъ Наумка,—да вотъ онъ жилъ одинокій за угломъ, съ площади, напротивъ Щедринскихъ,—я ему и говорю:

— Что это такое?—стрѣляю, стрѣляю, а не вижу, чтобы чеченецъ упалъ отъ моего выстрѣла; я прицѣлюсь вонъ на того, что на бѣлой лошади впереди, а ты смотри.

Выстрѣлилъ, а онъ какъ выпрыгнетъ изъ сѣдла на шею своего коня. Его тутъ подхватили и увезли назадъ...

Мало-по-малу они отодвинулись подальше отъ насъ. Стало-быть, хоть и немного насъ, а пули-то наши не понравились имъ. Хотя и нашихъ ужъ не мало ранено было, но больше все въ ноги; нѣкоторые хоть и ранены были, а все таки не переставали стрѣлять.

Вотъ послышался гулъ изъ орудій. Мы, правда, пали духомъ, думали, что это ихніе чеченцы идутъ къ нимъ на помощь. Смотримъ, чеченцы съ нашей стороны, отъ Терека, какъ будто сдѣлали намъ ворота. Мы подумали, что они, проклятые басурманы, хотятъ, чтобы мы выскакивали въ нихъ, а они бы насъ стрѣляли. Потомъ все шире и шире дѣлались ворота, и открылось отъ Терека чистое поле; стали, собаки, отступать къ горамъ. Смотримъ, когда они отступили, что-то въ дали сверкаетъ. Когда они стали приближаться ближе, смотримъ, а это наши братухи донцы съ пиками. Мы ужъ какъ переродились. И многіе не шопотомъ стали говорить:

— Слава тебѣ Господи, слава тебѣ Господи.

И братуха—донецъ перестал молить Тихвинскую Богородицу.

Когда отошли чеченцы, а Аѳанасій Федоровичъ какъ будто выросъ еще больше на аршинъ, и крикнулъ:

— Александръ Алексѣевичъ, Александръ Алексѣевичъ,*) ты живъ?

— Живъ, Аѳанасій Федоровичъ. Живы—здоровы ли вы, Аѳанасій Федоровичъ?

— Живъ,—отвѣчалъ Аѳанасій Федоровичъ, а потомъ какъ крикнетъ:

— Я и вѣрить не хочу, чтобы отъ этой паршивой орды не отбиться.

Тутъ за нимъ ужъ началъ читать нараспѣвъ командиръ:

— Ай, да ребята! ай, да ребята! Ай, да молодцы! Да, всѣ молодцы! А, какіе молодцы! и т. д. и т. п.

Скоро-скоро сталъ раздѣваться Афанасій Федоровичъ. Я смотрю: что же это онъ раненый чтоли, раздѣвается смотрѣть рану. Такъ нѣтъ: такой онъ веселый. А онъ снялъ съ себя рубаху, перервалъ ее на куски и прокричалъ:

— Ну, ребята, у кого что есть – не пожалѣйте. Это вотъ: больше у меня ничего нѣтъ. Перевяжемъ своихъ раненыхъ товарищей.

А я тоже отвернулъ полы и попоясъ оторвалъ подолъ своей рубахи;—а моя рубаха бѣлымъ—бѣла, какъ онуча; да и у другихъ-то тоже,—да что дѣлать. Чѣмъ Богъ послалъ, перевязали товарищей и стали собираться въ обратный путь.

Лошади не всѣ были здоровы, тяжело раненыя лежали. Были больше всего ноги перебиты, какъ у людей, такъ и улошадей.

Командиръ велѣлъ тяжело раненыхъ коней прирѣзать,

*) Сусловъ.

чтобы онѣ не мучились. «Руки не подымаются прирѣзывать своихъ товарищей», отвѣчали мы: «Пусть басурманы прирѣжутъ ихъ». А когда мы тронулись обратно къ переправѣ,— Милостивый Господи! Удивленіе. При смерти, казалось, кони лежали: стали силоваться, ржать начали, почти всѣ повставали; которые на трехъ и даже на двухъ ногахъ ковыляли за нами. Всѣ мы диву дались. Какія дѣла! Что бы знали кони, однако не хотѣли оставаться на басурманской сторонѣ.

Вотъ какъ это было дѣло. А его какъ нарисовали*)! Наклали лошадей, распреподлые. Какъ намалевали! Вѣдь ни на одинъ волосъ не похожа картина на наше дѣло; руки я бы имъ перебилъ, чтобы они не позорили нашего дѣла да не плели бы, чего сроду не было: подъ Акбулатъ-Юртомъ, да храбрый Сусловъ, да изъ убитыхъ лошадей брустверъ выклали, да много было убито лошадей и людей и всѣ офицеры! Афанасій Федоровичъ даже раненый не былъ. Какъ бы не Аѳанасій Федоровичъ, не вернуться бы намъ. Поплакали бы, поплакали по насъ, да теперь бы ужъ позабыли про насъ; развѣ въ дни поминовенія за панихидой помянули насъ убіенныхъ.

Судьба-то, кажется, была бы одна и та же, что и съ Волженскимъ: пали бы въ голову.... Завесть-то умѣлъ, а вывесть-то не было смекалки.

*) Извѣстная картина въ Зимнемъ дворцѣ, нарисованная по приказанію Императора Николая.

Тревожная жизнь гребенца.

(П. Т. Кулебякина).

Ну, потрогивай,
Понукай Гнѣдка,
Пока солнышко
Стоитъ на небѣ.

Чтобъ доѣхать намъ
Домой засвѣтло,
Гнѣдка выкупать,
Дворъ метлой смахнуть.

Чтобы завтра встать
Раньше утречкомъ
И, умывшися,
Идти въ божій храмъ.

Не люблю на смерть,
Кто въ воскресный день
Работать начнетъ,
Точно въ будничный;

Вѣдь же сказано
Въ книгахъ Божіихъ:
Работай шесть дней,
Седьмой Богови.

Ну, потрогивай,
Понукай Гнѣдка,
Пока солнышко
Стоитъ на небѣ;

Отдохнемъ завтра,
Пустимъ на волю,
Чтобы цѣлый день
Въ лугу бражничалъ.

Ухъ! Съ трудомъ, братъ, я
Нынче выдулся,
Пилъ воды столько,
Что сказать нельзя.

Эко жаръ-то былъ!
День деньской пекло,
Будто варомъ все
Обдало кругомъ.

Хоть бы вѣтеръ чуть
Пахнулъ по полю,
Освѣжилъ бы онъ
Степь заснувшую;

А то мертво все,
Не шелохнется,
И кузнецъ даже,
Не чирикаетъ.

Нынче врядъ ли я
Скосилъ два копна:
Нѣтъ возможности
Одинъ рядъ пройти;

Ну, да самъ суди,
Тутъ кака косьба,
Когда льется потъ
Проливнымъ дождемъ.

Колибъ намъ сюда,
Ночи Сѣвера,
То косилъ тогда бъ,
День и ночь—себѣ.

А тутъ—днемъ жара,
Ночи темныя,
Да спѣши домой
Съѣхать засвѣтло:

А не то абрекъ
Ружьемъ крымскіимъ
Угоститъ дружка
По пріятельски.

Да когда же мы
Вольной пташкою
Ночевать будемъ
Тамъ, гдѣ слюбится?

Надоѣла жизнь,
Жизнь тревожная,
Для хозяйствушка
Непригожая.

Ну, потрогивай,
Понукай Гнѣдка,
Пока солнышко
Стоитъ на небѣ.

Скинь папахъ-то свой,
Освѣжи лицо,
Вѣтерокъ подулъ—
Не надышишься.

Стой! Не слышишь ты?
Кажись—выстрѣлы
Отдаютъ будто
Къ Арнаутскому.*)

Посмотри впередъ:
Вьется пыль столбомъ,
Да и слышится—
Колоколъ гудитъ;

Кто-то скачетъ къ намъ
На гнѣдомъ конѣ,—

---

*) Кордонный постъ, названный въ честь заслуженнаго есаула Арнаутова.

Видно вѣсть везетъ
Про тревогушку...

Эй, батякушка,
Подъѣзжай-ка къ намъ:
Что ты скачешь такъ-
Не тревога ли?

«Даю міру знать:
«Горцевъ партія
«Переправилась
«Чрезъ рѣку Терекъ,

«Возлѣ самаго
«Арнаутскаго;
«Да, забылъ сказать:
«Нашъ Татаринцовъ

«Долго жить велѣлъ,
«Вспоминать его:
«Сложилъ буйную
«Добрый молодецъ;

«Самъ троихъ срубилъ,
«Да и кончился...
«Ну, да что сказать,—
«Дай Богъ всякому

«Умереть, какъ онъ,
«Съ честью, славою;
«Даже бороду,
«Тайну божію,

«Умираючи,
«Закусилъ въ зубахъ;
«Чай ужъ душечку
«Его на небо

«Взяли ангелы
«Златокрылые;

«Ну, простите же,
«Поскачу скорѣй—

«Разнесу вездѣ
«Вѣсть нерадостну».

—Вотъ и знай—живи
И загадывай,
Завтра что съ тобой
Къ утру станется.

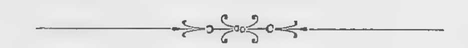
Хорошо, еслибъ
Умереть также,
Какъ Татаринцевъ—
Удалецъ Гребня.

А то, можетъ быть,
Схватятъ соннаго,
Аль одинъ будешь
Ѣхать по лѣсу.

И пройдетъ кинжалъ
Грудь казацкую,
Оберетъ тебя
Рука вражая...

Ну, потрогивай,
Понукай Гнѣдка,
Пока солнышко
Стоитъ на небѣ.

Гребенскія женщины.



Червленскія красавицы.

Старыя гребенички славились красотой на всю линію. До сихъ поръ Кубанскіе жители, когда слышатъ слово Червленная, спрашиваютъ: «Это гдѣ женщины красивыя»?

Многіе пріѣзжіе на Кавказъ льстились посмотрѣть на красоту и чистоту «Червленокъ».

Старыя гребенички были и смѣлы и горды. Разсказываютъ про одну гордую красавицу. Она лѣпила кизяки на плетень, когда къ ней привели какого-то интересующагося. Ее, конечно, предупредили, но она не стала даже мыть рукъ и нарочно выпачкала носъ, выходя къ гостю.

— Въ домахъ у нихъ дѣйствительно чисто; но какія же грязныя онѣ сами,—сказалъ гость, уходя съ недовольною миной.

Много говорится о свободномъ обращеніи гребенскихъ женщинъ, о ихъ легкомъ отношеніи къ семьѣ и т. п.

Но это не наслѣдіе стараго времени.

Поэтъ Полежаевъ, знавшій гребеничекъ въ 1830—33 г.г, характеризовалъ ихъ слѣдующими стихами:

«Гдѣ *безукорная* жена
«Глядитъ, скосясь, на изувѣра».

Гребенской молодой дѣвушкѣ посвященъ слѣдующій романсъ Полежаева:

Пышно льется свѣтлый Терекъ
Въ мирномъ лонѣ тишины;
Дѣвы юныя на берегъ
Вышли встрѣтить пиръ весны.

Вижу игры, слышу ропотъ
Сладкозвучныхъ голосовъ,
Слышу рѣзвый, легкій топотъ
Разноцвѣтныхъ башмачковъ.

Но мой взоръ не очарованъ
И блеститъ не для побѣдъ:
Онъ тобой однимъ окованъ,
Алый шелковый бешметъ.

Образъ дѣвы *недоступной*,
Образъ строгой красоты
Думой страстной и преступной
Отравилъ мои мечты.

Для чего у страсти пылкой
Чародѣйной силы нѣтъ—
Превратиться невидимкой
Въ алый шелковый бешметъ?

Для чего покровъ холодный,
А не чувство, не любовь,
Обнимаетъ, жметъ свободно
Гибкій станъ, живую кровь?...

Многія простыя гребенички дѣлались женами высокопоставленныхъ мужей и даже блестящей петербургской молодежи.

Агафья Осиповна Фролова, дочь простого урядника, была замужемъ за родовитымъ гвардейцемъ Кологривовымъ и возвратилась изъ Москвы въ Червленную въ собственной каретѣ. Мавра Потаповна Феньева стала женой генерала Бѣллика, а простая рядовая щедринка, Ирина Карповна З., нынѣ генеральша Болтенкова.

Судьба многихъ выдающихся красавицъ была печальна. Два слѣдующихъ небольшихъ разсказа, одинъ изъ старой, другой изъ болѣе недавней гребенской жизни, рисуютъ печальную судьбу двухъ красавицъ.

Елена Степановна Сухова.

Елена Степановна Сухова—это та самая тетка Степановна, о которой разсказывается въ плѣненіи Акули.

Истая красавица и геройскаго характера женщина, она поистинѣ красотѣ своей была не рада.

Въ станицѣ назойливо ухаживалъ за ней молодой блестящій Петербургскій князь*), соривщій деньгами; за Терекомъ на нее зарились перебѣглые теплые ребята: Свиткинъ, Корчагинъ и т. п. Замужъ же ее выдали за совершенно невзрачнаго щупленькаго казака, за котораго ей приходилось править и домомъ и чуть ли не самою службою. Въ то время, какъ

*) Князь Гагаринъ, офицеръ, прикомандированный къ Кизляро-Гребенскому полку Терскаго казачьяго войска.

отъ проживавшаго въ станицѣ князя ей удавалось съ успѣхомъ отбиваться, затеречные ребята взяли Елену въ плѣнъ, и тамъ она должна была насильственно стать женою одного изъ негодяевъ. Узнавши черезъ лазутчиковъ, въ какомъ аулѣ содержали плѣнную Елену, поклонникъ—князь воспользовался ея несчастьемъ, чтобы добиться своей цѣли. Онъ предложилъ за Елену выкупъ. Но когда Елена узнала, отъ кого исходило предложеніе о выкупѣ, она согласилась лучше предпочесть позорное сожительство съ разбойникомъ, нежели получить свободу за золото князя, зная, какою цѣною придется за него отплачивать.

Мужественной женщинѣ пришлось самой изыскивать для спасенія себя средства въ плѣну, и она нашла ихъ . . . . въ мужествѣ и присущей женщинѣ хитрости.

Усыпивъ бдительность сожителя притворной покорностью своей долѣ—быть его женою, она получила полную свободу. А затѣмъ, въ одну темную ночь, бѣжала къ себѣ на родину. Она не побоялась такого подвига, хотя была уже беременна. Она счастливо достигла станицы. Здѣсь она по прежнему стала вѣрною женой своему недорослю мужу и мирно вела хозяйство до самой смерти.

Уже будучи въ пожилыхъ лѣтахъ, Елена Сухова совершила слѣдующій подвигъ, описанный у П. Т. Кулебякина:

«Работая однажды въ саду передъ вечеромъ, Сухова собралась было итти домой и только лишь вышла въ заповѣдной лѣсъ (станичный лѣсъ, въ которомъ запрещена порубка), какъ услышала ревъ нѣсколькихъ быковъ. Полагая, что на нихъ напали волки, она бросилась бѣгомъ по направленію рева и черезъ нѣсколько минутъ увидѣла передъ собою трехъ чеченцевъ, подрубавшихъ кинжалами жилы у заднихъ ногъ двухъ быковъ, съ цѣлью не дать имъ возможности до ночи уйти изъ лѣса, а потомъ зарѣзать ихъ и унести мясо къ себѣ въ аулъ. Горцы были мирные, изъ Ново-Юртовскаго аула, что по пра-

вой сторонѣ Терека, напротивъ станицы Червленной. Увидѣвъ Елену, горцы надвинули шапки на глаза и бросились къ ней съ кинжалами; но она, не потеярвъ присутствія духа и поднявъ свою мотыгу, отбѣжала отъ нихъ. Но только-что они переставали гнаться за нею и начинали уходить, она снова пускалась за ними, крича во всю мочь и тѣмъ дѣлая тревогу. Она продолжала до тѣхъ поръ, пока не убѣдилась, что они чеченцы Новаго-Юрта и кто такіе. Потомъ горцы были пойманы казаками и достойно наказаны за свою продѣлку*).

Авдотья Сергѣевна Сухова.

(*Д у ш а*).

Въ Авдотьѣ Сергѣевнѣ Суховой представляется примѣръ другого рода.

Рано овдовѣвъ, она жила у матери своей вдовы, бывшей въ услуженіи въ Ессентукахъ у генерала Федюшкина. Съ мужемъ прожила Авдотья всего три года, и дѣтей у нея не было. Мужъ у нея былъ такой же «никудышный», какъ и у Елены.

Въ Ессентукахъ у Федюшкиныхъ столовался бывшій комиссаръ Ессентукской группы минеральныхъ водъ, офицеръ (умеръ Войсковымъ Старшиной) Іоиль Фаддеевичъ Пережогинъ, недавно овдовѣвшій, который, плѣнившись Душею, сталъ къ ней присватываться. Дѣло шло къ близкой свадьбѣ.

*) «Гребенцы» (изъ замѣтокъ и воспоминаній гребенца), стр. 61.

Какъ вдругъ все полетѣло прахомъ. Къ Федюшкинымъ заходилъ въ гости офицеръ Кабардинскаго полка, князь Долгорукій, квартировавшій въ Хасавъ-Юртѣ, но проводившій лѣто въ Ессентукахъ, на водахъ. Онъ также увидѣлъ Душу и плѣнился ею, но поступилъ съ нею совершенно наоборотъ, чѣмъ намѣревался Пережогинъ.

Были именины у Федюшкиныхъ. Приближалось время обѣда. Дуню послали кликнуть I. Ф. Пережогина къ обѣду. Она только-что за калитку, какъ вдругъ—блестящая коляска, князь Долгорукій схватываетъ ее, сажаетъ въ коляску; она—ахъ, ахъ, что вы дѣлаете?—пустите!—но онъ ее везетъ черезъ Ессентуки и укрывается въ Желѣзноводскѣ. «Тамъ продержалъ онъ ее дней шесть, пока сознакомились, уговорилъ, улестилъ ее», разсказываетъ одна изъ наивныхъ родственницъ Души, и затѣмъ отправились въ Хасавъ-Юртъ. Князь возилъ ее въ Петербургъ, души не чаялъ. Душа, не знавшая на своей долѣ утѣхъ любви, утопала въ блаженствѣ и отъ всей души полюбила князя. Такъ прошло пять лѣтъ незамѣтно. Но князь, видимо, исчерпалъ весь запасъ любви, въ то время какъ Дуня только расцвѣтала. Онъ сталъ не такъ дорожить ея присутствіемъ. Купилъ онъ ей мѣсто въ станицѣ, на родинѣ, уговорилъ строить домикъ, далъ денегъ. Дуня и занялась постройкой. Достроить домика однако она не успѣла. Пелена спала у нея съ глазъ, она прозрѣла горькую истину.

Проѣхалъ однажды князь изъ Хасавъ-Юрта въ Грозный, но къ Душѣ не заѣхалъ. Дуня стороной о томъ узнала. Забилось у бѣдной сердце недобрымъ предчувствіемъ, бросила она все, наняла подводчика и полетѣла въ Грозный.

Разыскала тамъ квартиру. «Здѣсь князь Долгорукій?»—Здѣсь.—Входитъ. «Не приказано принимать.» Ломится силою; разбила двери, врывается. Слышитъ, извнутри голосъ князя: «Не могу принять.» Бухъ въ обморокъ. Князь выскочилъ:

«Душа! Душа! Мнѣ сейчасъ некогда, я къ тебѣ пріѣду, сейчасъ невозможно» и т. п.

Уломалъ, словомъ, возвратилась она. Отсыпалъ онъ ей денегъ еще больше.... Потомъ все-таки бросилъ.... Какъ заболѣла она, больше уже не подымалась. Такъ и умерла отъ чахотки.

— А ужъ какая была красавица! Высокая, полная, и умная была.

Таковъ былъ заключительный разсказъ старой родственницы о безвременно погибшей казачкѣ—Душѣ въ станицѣ Червленной.

Домикъ Души до сихъ поръ стоитъ, теперь ужѣ кое-какъ достроенный, недалеко отъ станичной площади, съ покривившимся крылечкомъ и сиротливо согнувшійся на бокъ, какъ будто онъ самъ въ печали.

И многіе разскажутъ Вамъ, какъ угасала въ немъ отъ чахотки «высокая, полная» красавица Душа, на зарѣ только-что расцвѣтшей 25-лѣтней жизни.

Старая исторія гребенскихъ женщинъ полна такими душу надрывающими грустными картинами.

Русскіе бѣглецы на сторонѣ чеченцевъ.

Исповѣдь казака Фролова.

Я знаю самъ, что умираю
Позорной смертію надняхъ...

О, други, сжальтесь, умоляю,
Простить преступника въ грѣхахъ!

Вотъ необдуманность какая
Меня заставила страдать
(Я долженъ, съ горестью вздыхая,
Теперь вамъ правду всю сказать):

Давно въ груди моей пылала
Къ злодѣйству огненная страсть;
Къ тому-жъ съ младенчества напасть
Меня великая встрѣчала.

Я, заблужденьемъ руководимый,
Безъ цѣли слѣдовалъ ему;
Во мнѣ былъ духъ неукротимый,
Онъ противодѣйствовалъ всему.

Съ рѣшимостью моей врожденной
Я алкалъ вольности искать.
Надеждой въ томъ предубѣжденный,
Бѣжать въ Чечню и проживать.

Меня чеченцы тамъ приняли
Въ наѣзды всадниковъ лихихъ,
И потому съ собою брали
На воровство моихъ родныхъ.

Я былъ въ довѣренности полной,
Старался извергамъ служить;
При ихъ привѣтливости скромной
Не сталъ одинъ я тамъ тужить. . . .

Тогда съ моими кунаками
Я самъ ужъ бѣгалъ воровать,
И престрѣлку съ казаками
Началъ на Терекѣ давать.

Мое желанье тутъ свершилось:
Я бралъ и скотъ и лошадей,

А гдѣ оказія случилась,
Тамъ билъ и рѣзалъ я людей.

Хоть совѣсть мучила порою
На нашихъ руки подымать,
Но я вѣдь былъ между ордою,
Нельзя пощады оказать.

Кто попадался, тотъ несчастный
Отъ рукъ злодѣйскихъ пострадалъ:
Ему былъ рокъ тогда ужасный,
И онъ напрасно умолялъ.

Ни жалости, ни сожалѣнья,
Никто въ душѣ не ощущалъ,
Былъ каждый внѣ умоленья,
Себя убійствомъ утѣшалъ.

Сидимъ, бывало, надъ рѣкою
И вечера съ заботой ждемъ;
Чуть брегъ освѣтится луною,
Тотчасъ мы въ Терекъ, и плывемъ.

Когда удачно переплыли,
То въ степь къ ногаямъ въ табуны;
По парѣ лошадей схватили,
Назадъ мы на день въ буруны.

О насъ вся линія узнала:
Куда бросались мы, вездѣ
Предсторожность насъ встрѣчала,
Нельзя было пройти нигдѣ.

Одинъ тогда я не устрашился
Чрезъ Терекъ смѣло преплыть,
Было въ садахъ уже укрылся,
Но вдругъ въ набатъ начали бить.

Я въ степь съ отважностью пустился,
И на пути поймалъ коня,

Потомъ отъ глазъ я всѣхъ сокрылся,
Догнать нельзя было меня.

Потомъ ужъ, чувствуя усталость,
Хотѣлъ немного отдохнуть,
Но наказалъ Творецъ за шалость:
Я долженъ крѣпко былъ заснуть.

Затѣмъ,—куда мой духъ дѣвался!—
Очнулся, былъ уже въ рукахъ. . . .
Тогда я съ вольностью разстался
И вотъ—сижу теперь въ цѣпяхъ.

Вчера мнѣ позднею порой
Объявленъ смертный приговоръ,
А завтра надъ моей главой
Свершится роковой позоръ.

Мой трупъ съ насмѣшкати зароютъ,
Съ презрѣныюмъ въ землю, снявъ съ столба;
Какъ буря надъ главой завоетъ,
Въ народѣ зашумитъ молва:

«Какъ жилъ, такъ умеръ онъ: достойно,
За дѣло казнь онъ получилъ;
Его законъ благопристойно
И не напрасно осудилъ».

Увы, никто не пожалѣетъ,
Никто слезы не уронитъ,
Отецъ, ни мать, жена не смѣетъ
Ко мнѣ при смерти подойтить.

Прощай, страдалецъ одинокій,
Казакъ удалый Гребенской!
Молись, ужъ близокъ рокъ жестокій
Позорной казни надъ тобой.

О, Боже, Боже, какъ ночь темна!
По каземату холодъ вѣетъ,

Тускнѣетъ на небѣ луна,
И ночь часъ отъ часу темнѣетъ.

Скорѣй бы свѣтъ; не-даромъ страхъ
Меня таинственный смущаетъ:
То слезы градомъ на глазахъ,
То сердце бьется, замираетъ.

Иди, Фроловъ! въ послѣдній разъ
Ты долженъ съ жизнію простится,
Насталъ уже твой смертный часъ:
Сегодня казнь твоя свершится.

Прощайся, узникъ, поскорѣй,
Ужъ вотъ готово воздаянье,
Взгляни на плачущихъ людей:
Всѣ жаждутъ видѣть наказанье.

И бѣдный уздникъ вотъ идетъ;
Завидѣвъ столбъ, вблизи стоящій,
Онъ сталъ къ нему... Удара ждетъ...

Вотъ сдѣлали одинъ ужъ залпъ,
Палъ трупъ безжизненвый, дрожащій.
Народъ стоитъ въ слезахъ лишь стонетъ
Надъ свѣжей узника могилой.

Историческія пѣсни Гребенскихъ казаковъ.

А. Старинныя.

а) мужскія.

I.

Не изъ тучушки вѣтерочки дуютъ,
Не дубровушка во полѣ шумитъ.

Что не сизые орлы въ полѣ вьются,
По-надъ небесью орлы летучи.

Что не сѣрые гусюшки гогочутъ,
По-надъ бережкомъ гуси сидючи.

То расплакались младые казаченьки,
Передъ Бѣлымъ Царемъ стоючи.

Ужъ ты батюшка, ты нашъ Царь—Надёжа,
Православный ты нашъ Государь!

Не изволь-ка ты насъ казнить—вѣшать,
Позволь рѣчи говорить.

Какъ бывалочъ ты, нашъ Царь—Надёжа,
Много дарилъ насъ и жаловалъ.

А теперя ты, нашъ Царь—Надёжа,
Никого изъ насъ ты не пожаловалъ.

Только жаловалъ ты, нашъ Царь—Надёжа,
Тихимъ Терекомъ со протоками*).

Изъ сборника Ѳ. С. Панкратова.

II.

Не сѣрые гуси во полѣ гогочутъ,
Не сизые орлы клохчутъ—
Они пить и ѣсть хотятъ.

Гребенскіе наши казаки
Передъ царемъ они стоятъ

Предъ Грознымъ предъ Царемъ
Предъ Иваномъ Васильевичемъ:

Гребенскіе наши казаки—
Царю рѣчь говорятъ.

—Да ты, батюшка, ты нашъ надёжа,
Православный Государь!

Да ты чѣмъ насъ подаруешь—
Чѣмъ пожалуешь?

---

*) Эта и слѣдующая пѣсни, видимо, старыя Донскія, въ которыхъ Донъ подмѣненъ Терекомъ. «Тихимъ Дономъ со протоками» звучитъ лучше, нежели: «Тихимъ Терекомъ, со протоками». Это свидѣтельствуетъ, что древній Донъ и древній Терекъ были близкими братьями, и что съ Дона попадали на Терекъ не только люди забѣглые, но и пѣсни, и избы, и многое другогое.

Впрочемъ, Терекъ вошелъ въ говоръ недавно, раньше было Теркъ, что болѣе подходитъ къ складу пѣсни.

—Подарю я васъ, моихъ казаченьковъ,
Рѣкой вольною, Терекомъ Горыньевичемъ,

Что отъ самаго Гребня—
До Синя моря,

До синя моря—

До Хвалынскаго.

«Терцы». Ржевусскаго.

III.

Ахъ ты батюшка, ты нашъ батюшка,
Быстрый Терекъ ты Горыньевичъ!
Про тебя-то лежитъ слава добрая,
Слава добрая—рѣчь хорошая.
Что прорылъ—прокопалъ ты круты горы лѣса темные,
Ужъ упалъ ты Терекъ лишъ во Сине море Хвалынское,
Какъ на устьице ты выкатилъ—
Бѣлъ горючъ камень.

И тутъ шли—прошли гребенскіе казаки—
Со батальицы;
И что съ той ли со батальицы—
Со турецкія;
Не дошли они до бѣла камушка—
Становилися:
Становилися—дуванъ дуванили.

Что на каждаго доставалося—

По пятьсотъ рублей;
Атаманушкѣ съ есауломъ—
По тысячѣ;
Одного-то добраго молодца его обдуванили:
Доставалася добру молодцу—
Красна дѣвица.

Какъ уборъ-то приборъ на ней—
Во пятьсотъ рублей;
Коса русая—
Во всю тысячу;
А самой-то красной дѣвицѣ—
Цѣны нѣтути.

»Терцы». А. А. Ржевусскаго.

IV.

Не далече было, вотъ было далече—
Было во чистомъ полѣ.
Тамъ пролегивала она неширокая—
Новая дороженька.
Неширокая она новая дороженька,
Только чуть пробойная.

Никто-то, никто по этой дороженькѣ—
Никто по ней не проѣзживалъ,
Какъ проѣзживалъ по ней, по этой дороженькѣ—
Удалъ добрый молодецъ.

Что лошадушка подъ нимъ, подъ добрымъ молодцемъ—
Лошадушка подъ нимъ худымъ—худа.

Что худымъ—худа подъ добрыимъ молодцемъ,
    Крѣпко она приморенная, она притомленная...
Захватила-то младца вотъ темная ноченька,
    Она полуночная.

Подъѣзжаетъ молодецъ ко горькому кустику,
    Ко горькому ему полыночку:
—Богъ помощь тебѣ, горькій кустичекъ,
    Ты горькій ли мой полыночекъ!
Еще ты позволь-ка, позволь, горькій кустикъ,
    Позволь ночку ночевати.

—Ты ночуй—переночуй, добрый молодецъ,
    Ночуй ночку—не убойся;
На меня-то, на меня, на горькаго кустика,
    На меня ты не надѣйся.

Какъ постелюшка тебѣ—
    Ковыль—травушка,
Изголовьице тебѣ—
    Бѣлъ горючъ камень;

Одѣяльице тебѣ—
    Темная ноченька,
Часовые тебѣ—
    Начастыя звѣздочки,
Атаманушка тебѣ—
    Свѣтелъ мѣсяцъ,
Путь-дороженька тебѣ—
    Красное солнышко.*)

Изъ сборника Ѳ. С. Панкратова.

---

*) Въ этой пѣснѣ трогательно изложено безпріютное положеніе бездомовнаго скитальца въ ожиданіи какой-нибудь встрѣчи съ организованной ватагою такихъ же бездомовниковъ, къ которой онъ пристанетъ и станетъ съ ними казаковать, пополняя отважные ряды вольнаго казачеетва.

V.

Не травушка, не ковылушка—
Во полѣ шатается;
Какъ шатался, волочился—
Удалъ добрый молодецъ;

Въ одной тоненькой
Полотнянной рубашечкѣ,
Что въ той ли кармазиновой
Черкесочкѣ.

У черкесочки рукавчики назадъ
Закинуты,
Камчаты полочки назадъ
Застегнуты—
Басурманскою ли кровью
Они забрызганы.

Онъ идетъ, добрый молодецъ,
Самъ шатается
Да горючей слезой—
Обливается;
Тугимъ лукомъ своимъ самъ
Опирается—
Позолотушка съ его золота лука
Долой летитъ.

Какъ никто-то съ добрымъ молодцемъ
Не встрѣчается;
Повстрѣчалася съ нимъ—
Родная матушка.

—Ужъ ты чадо мое,
Чадо милое мое!
Ты зачѣмъ же, мое чадо,
Такъ напиваешься,
До сырой до земли ты все
Преклоняешься,
За травушку—ковылушку
Все хватаешься?

Тутъ возговорилъ добрый молодецъ
Родной матушкѣ:

—Я не самъ-то, добрый молодецъ,
Напивался,
Напоилъ меня турецкій царь
Тремя пойлами—
Что тремья-то пойлами—
Тремя разными.

—Какъ и первое его поило—
Сабля острая;
Другое его поило—
Копье мѣткое;
Третье его поило—
Пуличка свинчатая.*)

Изъ сборника Ѳ. С. Панкратова.

*) Эта и двѣ послѣдующія пѣсни содержатъ отголоски Сулакскихъ боевъ Хворостинина и Бутурлина. Онѣ свидѣтельствуютъ также объ участіи гребенскихъ казаковъ въ этихъ побоищахъ.

VI.

Межъ Терекомъ и Сулакомъ
Поле распахано:
Не плугами—
Конскими копытами.

Не всхожими сѣменами
Поле засѣяно,
Засѣяно оно—
Казачьими головами,
Заволочено оно—
Конскими хвостами.

Никто по этому полю
Не проѣзживалъ;
Тамъ шелъ-то прошелъ
Волконскій князь.*)

VII.

Тамъ за рѣчкой за быстрой казакъ-то гулялъ.
Коня спасалъ, ковыль травушку рвалъ;
Огонь раскладывалъ, свои стрѣлы ломалъ,
На огонь ихъ бросалъ.

---

*) Волконскій князь, вмѣсто забытаго Бутурлина. Волконскій водилъ гребенцовъ позже на Казыевы улусы; его болѣе счастливое имя лучше сохранилось.

Свои ранушки развязывалъ,
Друзьямъ—товарищамъ показывалъ.
—Вы друзья, братья товарищи,
Посмотрите-ка мои ранушки:
Больныя онѣ кровавыя,
Онѣ кровью зашли, къ моему сердцу пришли.

Когда я былъ малешенекъ и глупешенекъ,
Отецъ—мать меня любили, на рукахъ меня носили;
А теперь я сталъ на возрастѣ,
На чужой сторонкѣ горемыка служу.*)

Изъ сборника Ѳ. С. Панкратова.

VIII.

Во матушкѣ во Россеюшкѣ,
Во Россеюшкѣ—въ Москвѣ каменной,
У крыльца-то дворца было у царскаго.

Часовой стоитъ, какъ свѣча горитъ;
Слезно плачетъ—приговариваетъ.

— Вы подуйте, вѣтры буйные,
Пошатните горы крутые, лѣса темные,
Разнесите, вѣтры, царскую могилушку.

Ты востань—востань, нашъ Грозный Царь,
Нашъ Грозный Царь, Иванъ Васильевичъ!
Посмотри ты на свою Россеюшку,
Посмотри на свою армеюшку.

---

*) Послѣдніе четыре стиха, видимо, позднѣйшей вставки.

Стоитъ она не по старому, стоитъ не по прежнему:
Ужъ усы то, бородушки, всѣ повыбриты,
Кудри длинныя—пообстрижены.

Изъ рук. сборн. Андрюшкина.

IX.

Что не во-матушкѣ было—
Во Россеюшкѣ,
Во Россеюшкѣ было—
Въ Москвѣ каменной.

Среди города было,
Среди стараго,
Среди стараго было
Кремля города—

Что на широкой было
На площади:
Собирался тамъ
Стрѣлецкій кругъ.

На зарѣ было—
На зоренькѣ,
На зарѣ было—
На утренней.

Не ясенъ соколъ
Во пролетъ летитъ—
То стрѣлецкій атаманъ
Да во кругъ идетъ.

Онъ идетъ-то идетъ—
Не шелохнется,
Только черныя кудри
Развѣваются.

Пошелъ ко кругу,
Ко стрѣлецкому,—
Онъ снялъ шапочку
И поклонъ отдалъ:
Онъ поклонъ отдалъ—
Рѣчь возговорилъ.

— А ну ктожъ изъ насъ, изъ стрѣльцовъ,
Ко Царю пойдетъ,
Къ самому Царю—
Что съ повинною,
Что съ повинною ль,
Что съ покорною?

— Ужъ я самъ пойду,
Къ самому Царю,
Что съ повинною
И съ покорною.

— Я скажу ему
Самому Царю:
«Не вели ты насъ,
Православный царь,
Во тюрьму сажать,
Казнить—вѣшати;
А вели ты мнѣ—
Слово молвити:

— Прикажи ты намъ
Любой городъ взять
Безъ свинцу Твово
И безъ пороху».*)

Изъ рукописн. сбор. Андрюнькина.

X.

Тужитъ-плачетъ отецъ-мати обо мнѣ,
Тужитъ-плачетъ, во постелюшкѣ лежитъ.

Тужитъ-плачетъ, во постелюшкѣ лежитъ—
Сквозь стеколицо въ чисто поле глядитъ.

Сквозь стеколицо въ чисто поле глядитъ,—
Въ чистомъ полѣ есть раздолье широка.

Въ чистомъ полѣ есть раздолье широка,
Во раздольѣ есть береза высока.

Во раздольѣ есть береза высока,
Подъ березою—могила глубока.

Подъ березою—могила глубока,
Во могилѣ есть гробница дубова.

Во могилѣ есть гробница дубова,
Во гробницѣ лежитъ молодецъ—душа.

*) Отголосокъ стрѣлецкихъ бунтовъ. Доказательство, что въ Гребни удалялись опальные стрѣльцы послѣ бунтовъ, учиняемыхъ ими неоднократно.

Во-гробницѣ лежитъ молодецъ—душа,
Добрый молодецъ—фицерскій лежитъ сынъ.

Добрый молодецъ—фицерскій лежитъ сынъ,
Офицерскій, капитанскій на немъ чинъ.

Офицерскій, капитанскій на немъ чинъ,—
Да убилъ его хивинецъ молодой мурза.

Да убилъ его хивинецъ молодой—мурза,
Напоилъ его—тремя пойлами.

Перва поила—пуля быстрая,
Втора поила—сабля острая,
Третья поила—калена стрѣла.

Ты хозяинъ мой, хозяинъ молодой.
Да ужъ полно мнѣ стояти надъ тобой,
Да ужъ полно мнѣ желты пески глотать
Да ужъ полно мнѣ дождеву воду пить.*)

Рукоп. сбор. Андрюнькина.

XI.

Не сизые орлы
Ко ясному соколу—
Солеталися.

Солеталися—соѣзжалися,
Князья-Генералушки,—

---

*) Отголосокъ смерти князя Александра Бековича и казачьей гибели въ Хивѣ въ 1717 году. Бековичъ былъ тогда въ чинѣ капитана.

Соѣзжалися они только
Ко фельдмаршалу.

Они думали, братцы,
Крѣпкую думушку,
Они думали ее только—
Заединую.

Какъ сочли-то они, сочли,
Казачію службу,
Сочли-то они ее—
За измѣнушку.

Какъ легка-то легка
Казачія служба,
Легче ея—
Во всемъ свѣтѣ нѣтъ.

Какъ никто за насъ,
За казаченьковъ,
Никто за насъ
Слова не замолвитъ.

Замолвилъ за насъ,
За казаченьковъ,
Что одинъ ли князь—
Онъ Тотлебенъ.

Господа ли вы,
Мои Господушки,
Что и глупое ваше—
Размышленьице.

Я и самъ-то служилъ
Съ Гребенскими казаченьками,

Никакой-то я отъ нихъ измѣнушки—
        Не видывалъ.

Казаки молодцы—
        Они темную ноченьку
Нопролетъ ее
        Всю не спали,
До бѣлой до зореньки—
        Секретушки занимали.*)

Изъ сборника Ѳ. С. Панкратова.

б) женскія.

XII.

Какъ у нашей Дунюшки—
        На три думушки.

Какъ первая думушка:
        Изъ—подъ камушка;
Какъ вторая думушка:
        Изъ—подъ бѣлаго;
Что третія думушка:
        Течетъ рѣчушка.

---

*) Для разъясненія этой пѣсни, привожу слѣдующую справку: «По рапорту де-Медема отъ 3-го марта 1774 года на Гребенскихъ казаковъ открылось подозрѣніе, якобы отъ бывшаго атамана ихъ Иванова посланы были нарочные къ Казы-Гирей—Солтану, для пріисканія имъ удобныхъ къ жительству мѣстъ на рѣкѣ Чехъ (Зикхи?), и что для возмущенія ихъ подсылаемы были къ нимъ некрасовскіе казаки. Де-Медемъ разсудилъ упо-

Какъ на этой рѣчушкѣ
Дуня мылася,
Дуня мылася—
И бѣлилася.

Набѣлившись, Дуня
На гору пошла;
Со горы то Дуня—
Усе видѣла.

Молодой казакъ-атъ
Онъ коня поилъ.
Напоивши коня,
У бѣлаго камешка—
Его привязалъ.

Привязавши коня,
Сталъ кинжалъ точить,
Наточивши кинжалъ,
Ко двору пошелъ;
Вошелъ милый въ горенку—
Сталъ жену губить.

Не жена предъ мужемъ—
Извинялася,
Во рѣзвыя ноженьки—
Поклонялася.

— Ужъ ты мужъ-ли мужъ мой,
Молодой мой мужъ!

треблять гребенцовъ на службу въ домахъ ихъ, нежели держать въ лагерѣ». Бутковъ, т. І-й, стр. 494.—Въ этой пѣснѣ содержится также намекъ на то, что гребенцы были съ Тотлебеномъ въ Грузіи 1769—1771 г.г, свидѣтельства о чемъ до сихъ поръ въ документахъ не было найдено. О графѣ Тотлебенѣ, судя по пѣснѣ, у казаковъ сохранились лучшія воспоминанія, нежели о Медемѣ, жившемъ въ гребенской Щедринской станицѣ.

Не губи ты меня—
Все со вечеру,
Погуби ты меня—
Со полуночи.

Когда малы дѣтки—
Спать улягутся,
Ближнія сосѣди—
Угомонятся.

Не послушалъ мужъ жену—
Сталъ съ вечера губить:
Всѣ малыя дѣтушки—
Восплакалися,
Всѣ ближніе сосѣди
Собѣгалися*).

Сборн. Ѳ. С. Панкратова.

XIII.

Невозможно мому сердцу—
Безъ печали быть;
А кто кого вѣрно любитъ—
Нельзя не тужить.

Полюбила свово дружка—
Лучше его нѣтъ;

*) Отголосокъ жизни въ Гребняхъ, у «Бѣлаго камушка», изъ—подъ котораго вытекала «рѣчушка», въ которой «Дуня мылася и купалася». Очевидно, одинъ изъ нынѣшнихъ горячихъ ключей, въ которыхъ купаются и у которыхъ добываютъ точильный камень до сихъ поръ.

Стала разставаться—
Не милъ бѣлый свѣтъ.

Съ горя, со кручины—
Пойду млада въ лѣсъ;
Пойду млада въ лѣсъ—
Разгуляюся,
Со милымъ дружкомъ—
Повидаюся.

Во лѣсу-то пользы нѣтъ—
Листочки шумятъ,
Всяки древечушки—
Печальны стоятъ;
Печальны стоятъ—
Печаль говорятъ.

Ужъ мнѣ красной дѣвицѣ—
Во всю ночь не спать,
Милаго дружка
Въ походъ провожать,
Ему молодому—
Чепракъ вышивать.*)

XIV.

Отдаетъ меня батюшка замужъ,
Что за малаго ребенка недоростка.
Я не знаю съ недоросткомъ какъ и быть;

*) Отъ этой пѣсни такъ и вѣетъ лѣснымъ уединеніемъ укрытыхъ въ лѣсной глуши старыхъ городковъ казачьихъ «на Гребняхъ». Пѣсня несомнѣнно старинная.

Я не знаю недоростка куда дѣть:
Съ краю положити—уронити;
Въ середочку положити—ушибити;
А къ стѣночкѣ положити—удавити.
Повезу я недоростка въ чисто поле;
Какъ сниму я съ недоростка шелковъ поясъ;
Какъ сниму я съ недоростка черну шапку;
Я повѣшу черну шапку на березу;
Завяжу я недоростку очи ясны,—
Распрощусь я съ недоросткомъ и уѣду.*)

Изъ сбор. Ѳ. С. Панкратова.

в) колядныя.

XV.

А въ лѣску, въ лѣску—
На желтомъ песку...
Святой вечеръ!

На желтомъ песку—
Стоитъ дерева...
Святой вечеръ!

Стоитъ дерева —
Тонка высока...
Святой вечеръ!

---

*) Здѣсь еще слышатся отголоски далекой родины, съ ея неравными браками и березою. Впрочемъ, и у казаковъ съ браками было не лучше. Можетъ быть, эта пѣсня цѣликомъ занесена изъ Россіи.

Тонка высока—
Листомъ широка...

Святой вечеръ!

Листомъ широка—
Корнемъ глубока...

Святой вечеръ!

Корнемъ глубока—
На томъ деревѣ...

Святой вечеръ!

На томъ деревѣ—
Самъ соколъ сидитъ...

Святой вечеръ!

Самъ соколъ сидитъ—
Далеко глядитъ...

Святой вечеръ

Далеко глядитъ—
Во чисто поле,..

Святой вечеръ!

Во чисто поле–
Во сине море...

Святой вечеръ!

На синемъ морѣ
Бѣжатъ-возбѣжатъ...

Святой вечеръ!

Бѣжатъ-возбѣжатъ—
Семьсотъ кораблей...
Святой вечеръ!

Въ одномъ кораблѣ—
Дѣвица сидитъ...
Святой вечеръ!

Дѣвица сидитъ,
Шириночку шьетъ ..
Святой вечеръ!

Шириночку шьетъ—
Больше никому...
Святой вечеръ!

Больше никому—
Братцу своему...
Святой вечеръ!

Уставай, братецъ,
Лучкомъ зазвени...
Святой вечеръ!

Лучкомъ зазвени—
Стрѣлой застрѣли...
Святой вечеръ!

Стрѣлой застрѣли—
Ужъ куры поютъ ..
Святой вечеръ!

Ужъ куры поютъ—
Заря на дворѣ...
Святой вечеръ!

Заря на дворѣ—
Не рано добре...
Святой вечеръ!

Записано лично въ станицѣ
Староглядковской.

XVI.

А съ поля, съ поля
Бѣлы парауса*).

Ой, рай, моря, рай, моря,
—Радуйся земля
Вѣкъ до вѣку!

Подойдемъ же мы
Подъ окошечко.
Припѣвъ.

Да спросимъ же мы,
Да кто дома есть.
Припѣвъ.

*) Повидимому, испорчено; слѣдовало: «А съ моря, съ моря Бѣлы паруса». Припѣвъ: «Рай моря»—«грай, море»; колядка, видимо, хохлацкая, передѣланная въ Гребняхъ на свой ладъ. Можетъ служить показателемъ, что въ числѣ первоначальныхъ элементовъ, изъ которыхъ формировались Гребенцы, входилъ также малорусскій.

Павелъ господинъ
За столомъ сидитъ.

Припѣвъ.

За столомъ сидитъ,
Онъ перомъ пишетъ.

Припѣвъ.

Онъ перомъ пишетъ,
Онъ суды судитъ.

Припѣвъ.

Онъ суды судитъ,
Присудки беретъ.

Припѣвъ.

Присудки беретъ,
Коню говоритъ.

Припѣвъ.

Ужъ ты, коникъ мой
Сизый—вороной.

Припѣвъ.

Сизый—вороной,
Не продажный мой.

Припѣвъ.

Не продамъ тебя
Ни за сто рублей.

Припѣвъ.

Ни за сто рублей,
Ни за тысячу.

Припѣвъ.

Пирвизи меня
Чирзъ Дунай рѣку.
Припѣвъ.

Не замочи мнѣ, конь,
Полы да кафтанъ.
Припѣвъ.

Полы да кафтанъ,
Да щей чоботы.
Припѣвъ.

Записана лично въ станицѣ
Старогладковской.

В) Болѣе новыя.

а) Линейскія.

XVII.

Пошли, пошли наши казаченьки
Въ походъ съ полуночи.
Идутъ, идутъ наши казаченьки —
Назадъ оглядаютъ.

Назадъ, назадъ оглядаютъ,
Тяжело вздыхаютъ . . .

Остаются у насъ дома
Молодыя жены
И малыя дѣтки.

Дома наши запустѣютъ,
Жены завдовѣютъ,
Дѣти осиротѣютъ.

Какъ задумалъ казакъ бравый
Онъ въ Турціи умереть.
Умеръ, умеръ казаченька,
Умеръ молоденькій.

Умеръ, умеръ молоденькій
Онъ на травкѣ-муравкѣ
Да на черной буркѣ.

Тѣло несутъ, коня ведутъ —
Конь голову клонитъ:
Закричи ты, коникъ добрый,
Хоть разъ надо мною,
Надъ буйною головою.

Рук. сборн. Андрюнькина.

XVIII.

За горами насъ, братцы, не видно,
Какову мы службицу несемъ.
Солнце сядетъ, мѣсяцъ возсіяетъ,
Барабанъ зорю давно пробилъ.

Писарь ходитъ съ спискомъ провѣряетъ,
Насъ съ походомъ, братцы, проздравляетъ.
Мы походу, братцы, не боимся,
Намъ въ походѣ веселѣй.

На кони сѣли, песѣнки запѣли,
Прослезился весь народъ.
Наши жены стоятъ снаряжены,
Насъ не чаютъ когда проводить.

День и ночь онѣ Богу молились,
Чтобъ пойти намъ—назадъ не прійти.
Богъ отецъ—Творецъ, онъ съ нами,
Но не пропадемъ мы никогда*).

Рук. сбор. Андрюнькина.

XIX.

Что не травушка, не ковылушка
Ко сырой землѣ она клонится;
Царя Бѣлаго наша армеюшка
Стоитъ Богу она молится.
Помолившись, наша армеюшка,
На ударъ она пошла
На ту силу на невѣрную,
На невѣрную на Турецкую.
Вдругъ несчастьице въ нашей армеюшкѣ солучилося:

*) Эта и предыдущая пѣсни отражаютъ линейную эпоху гребенскихъ казаковъ: службу гребенцовъ въ строевыхъ полкахъ за Кавказомъ, въ Турціи и т. п. Въ послѣдней казаки съ горечью константируютъ развалъ гребенской семьи этой службою и гибель домашнихъ очаговъ.

Поранили въ нашей армеюшкѣ
На-младого его полковничка,
Полковника его Камкова,
Что поранили его въ правую руку*).

Изъ сборника Ѳ. С. Панкратова.

б) Чисто гребенскія.

XX.

Про дѣло 19 августа 1832 года.

(*На смерть Волженекаго*).

Пыль клубится по дорогѣ
Темной, длинной полосой:
Тамъ въ Червленной по тревогѣ
Скачетъ полкъ нашъ Гребенской.

Скачетъ, мчится, точно буря,
Къ Гудермесу подскакалъ,
Гдѣ Кази-Мулла съ ордою
Въ десять тысячъ его ждалъ.

---

*) Въ этой пѣснѣ содержится извѣстіе о храбромъ гребенскомъ полковникѣ Аѳанасіи Федоровичѣ Камковѣ, уроженцѣ станицы Червленной. Въ дѣлѣ Суслова его мужеству и распорядительности казаки обязаны были спасеніемъ. Въ войнѣ 1854—55 г.г. Камковъ командовалъ сборнымъ кавказскимъ линейнымъ полкомъ, гдѣ за славную кавалерійскую атаку со своимъ полкомъ противъ всей турецкой кавалеріи Измаила Паши 19 іюня 1854 года ВЫСОЧАЙШЕ награжденъ золотымъ оружіемъ. Въ день скорбной гибели 3-хъ сотенъ Гребенцовъ съ полковникомъ Волженскимъ 19 августа 1832 г. у Шавдонъ-Юрта Камковъ спасся, раненый пулею въ правое плечо.

Полкъ не дрогнулъ, увидавши
Таку силу предъ собой;
Шашки вынулъ и помчался
На бой смертный съ той ордой.

Храбрый Волженскій полковникъ
Первый врѣзался въ орду,
И съ полкомъ онъ такъ метался,
Точно будто былъ въ чаду.

Всѣ рубились, на смерть бились,
Удалые Гребенцы;
Храбрый Волженскій полковникъ
Кричалъ: «браво, молодцы!»

Орда дрогнула, бѣжала,
Мы помчалися за ней,
Но ждала насъ тамъ засада
Изъ отважныхъ ихъ людей.

Мы засаду ту разбили
И шли дальше шагъ впередъ,
Но не знали что въ оврагѣ
Насъ другая бѣда ждетъ.

Собиралися чеченцы,
Все отважные бойцы,—
Вотъ отъ нихъ-то пострадали
Тогда наши Гребенцы.

Залпъ раздался.... отвѣчали
Двумя пушками ему:
Бой отважный тутъ начался,
Здѣсь забыли мы жену.

Здѣсь забыли матерей,
Сестеръ, братьевъ и отцовъ,—
Только помнили одно—
Славу дѣдовъ Гребенцовъ.

Справа, слѣва обходили
Храбрый полкъ нашъ Гребенской;
Тутъ Волженскаго убили,
Тутъ-то кровь прошла рѣкой.

Враги думали, что можно
Всѣхъ въ могилу насъ сложить
И что больше безпокоить
Мы не будемъ уже ихъ.

Но не такъ свершилось дѣло
Въ ту минуту съ Гребенцами:
Полкъ не дрогнулъ, пошелъ смѣло,
Искать путь себѣ началъ.

Полкъ рубился, на смерть бился
Съ тѣмъ безчисленнымъ врагомъ;
Врагъ отъ страху розступился,
Путь открылся предъ полкомъ.

Полкъ примчался къ переправѣ,
Что за Терекомъ была;
Тамъ кричали намъ солдаты:
—«Честь и слава вамъ, ура!»

Переправясь черезъ Терекъ,
По станицамъ разбрелись,—
Кто веселый, кто съ слезами,
Тамъ мать съ сыномъ обнялись.

Въ Червленной, встрѣтивъ убитыхъ,
Такъ сказали матеря:
—«Мы привыкли видѣть жертвы
За любимаго ЦАРЯ.»—

XXI.

Про дѣло 24 мая 1846 года.

Темной ночью зазвонили
Сильно въ колоколъ большой;
Встрепенулася станица
Нарушивъ ночной покой.

Жены бросились въ конюшни
Осѣдлать борзыхъ коней,
Чтобы дать мужьямъ возможность
Быть на мѣстѣ всѣхъ скорѣй.

И всѣ мчатся къ колокольнѣ...
Молодые, старики.
А на Терекѣ далеко
Слышны отзвуки стрѣльбы.

Не успѣли всѣ собраться,
Уже Сусловъ прискакалъ,
И безъ строя понеслися,
Кто и какъ куда попалъ.

Двадцать верстъ ужъ проскакали
Длинной лентою живой;
Каждый хочетъ отличиться,
Чтобъ попасть въ переднiй строй.

Живо Терекъ переплыли
За станицей Щедриномъ,
И совсѣмъ вѣдь позабыли,
Что тутъ близко есть паромъ.

Акъ-Булатъ-Юртъ миновали,
Видимъ всадниковъ вдали,
Перестрѣлку завязали,
Они были таковы.

Тутъ-то мы, кто удалѣе,
Бьетъ ногайкой лошадей,
Отставайте, чья отстала,
Догоняй чень конь сильнѣй.

И всѣ кучей налетѣли
На засаду подлецовъ,
Пули вслѣдъ намъ засвистѣли,
Огорошивъ молодцовъ.

Дѣлать нечего ужъ было,
Стали строиться въ каре,
Все замолкло и застыло,—
Каждый думалъ о себѣ.

Но Камковъ нашъ зычно крикнулъ:
—«Положите лошадей.»
Точно всѣ отъ сна очнулись,
Какъ-то стало веселѣй.

Полегли между конями,
Ружья вынувъ наголо,
И удачно отражали
Мы злодѣя своего.

Такъ мы бились три часочка
Подъ напоромъ тысячъ двухъ,
Не отдавши ни кусочка
Нами занятой земли.

Камковъ, стоя и безъ шапки,
По срединѣ молодцовъ,

Всѣмъ кричалъ: «не бойтесь, братцы!
Не сломить имъ Гребенцовъ!»

Насъ же было меньше сотни,*)
Но дралися точно львы;
Сталъ патроновъ недостатокъ,
Шашки вынули ужъ мы.

Славный Сусловъ приказалъ намъ
Зарядить въ послѣднiй разъ,
И въ упоръ стрѣлять злодѣевъ,
Чтобы знали они насъ.

Притаивъ мы всѣ дыханье,
Ждемъ отчаянный налетъ...
Что же видимъ?... Отступленье...
Оттолкнулся вражiй сбродъ.

Оказалось, злые горцы
Услыхали дальнiй гулъ;
То спѣшили кабардинцы—
На подмогу Майдель шелъ.

Онъ ракетой вѣстовою
Намъ подалъ свой сигналъ,—
И чеченцы всѣ толпою
Отодвинулись назадъ.

И мы всѣ перекрестились,
Дружно сдѣлавъ залпъ по нимъ,—
Горцы въ бѣгство обратились,
Насъ оставили однихъ.

Много нашихъ тамъ побитыхъ,
Раны-жъ нечего считать,

*) 91 человѣкъ.

Слава древняя добыта,
Горцы будутъ ее знать.

Вспомнимъ храбраго Камкова,
Вспомнимъ Суслова-отца;
Мы у Гребня всѣ готовы
Служить правдой до конца.

Изъ сборника Ѳ. С. Панкратова

Отдѣлъ III-й.

Хронологическія данныя. Вѣдомость о заслугахъ. Древнѣйшее описаніе гребенскихъ станицъ и кордоновъ.

Хронологическія данныя

о важнѣйшихъ событіяхъ исторіи гребенскихъ и терскихъ казаковъ Терскаго казачьяго войска.

Царь Іоаннъ IV Грозный. 1533—1584 г.

годы.	
1552.	Покореніе Казани.
—	Первое посольство въ Москву Пятигорскихъ черкасъ, князей Бугашика да Танашука, да князя Ивана.—Пятигорскіе черкасы просятъ о подданствѣ царя Іоанна, обѣщаютъ служить его службы и дать шерть отъ всего народа.
1553.	Послы Пятигорскихъ черкасъ, съ посломъ Андреемъ Щепотевымъ, возвращаются изъ Москвы на родину. Пятигорскіе черкасы даютъ шерть Щепотеву.
1554.	Щепотевъ возвращается, принявъ шерть; съ нимъ приходитъ новое посольство, Сибока да Ацимгука, въ Москву, гдѣ сынъ Сибока, Кудадекъ (Александръ) и князь Тутарыкъ Езбузлуевъ принимаютъ крещеніе.
1555.	Царь Іоаннъ защищаетъ Пятигорскихъ чер-

ГОДЫ.	
	касъ отъ разоренія крымскаго хана Девлетъ-Гирея.—Шамхалъ проситъ о подданствѣ. О томъ же проситъ Тюменскій князь.
1556.	Покореніе Астрахани.—Владѣтели Шемахи, Шевкалъ и Тюмени присылаютъ о мирѣ въ Астрахань къ Черемисинову и Колупаеву.
1557.	Пятигорскіе князья, Маашукъ Кануковъ, Сибокъ Кансануковъ, Чюгукъ мурза и пр., переселяются въ Москву, на службу къ Іоанну. Шамхалъ возобновляетъ просьбу о подданствѣ.—Подданство Кабардинскихъ черкасъ.
1558.	Пятигорскіе черкасы участвуютъ въ Ливонской войнѣ.—Канклычъ (Джанклишъ) отпущенъ изъ Москвы.—Кабардинцы въ походѣ на Крымъ, съ воеводою Вишневецкимъ.—Пріѣхали въ Москву дѣти князя Темрюка Булгерукъ да Салтанукъ, во крещеніи князь Михаилъ, на воспитаніе.
—	Приходятъ вновь послы: а) отъ Тюменскаго князя Токлуя и б) отъ Шевкала, о подданствѣ; послѣдній проситъ о защитѣ противъ черкасскихъ князей. Отвѣтныя грамоты посланы въ слѣдующемъ 1559 году.
1559.	Тюменскій мурза Мамай, Агишевъ сынъ, бьетъ челомъ, дать войско на дядю, Тюменскаго князя, и учинить бы его на Тюмени, а онъ—холопъ Государевъ.
—	Чюракъ мурза Черкасскій, отъ всѣхъ черкасъ, бьетъ челомъ о воеводѣ въ черкасы и о крещеніи въ христіанскую вѣру.
—	Первая посылка царскаго войска на Терекъ противъ Шамхала Тарковскаго.

1560. Походъ воеводы Ивана Черемисинова на Шамхала Тарковскаго. Кабардинцы участвуютъ вмѣстѣ съ Черемисиновыхъ въ этомъ походѣ.

— Вишневицкій посланъ въ Черкасы воеводою.

1561. Царь Іоаннъ женится на княжнѣ Маріанъ-Гуашѣ (Маріи) Темрюковнѣ Кабардинской. Кабарда становится вотчиною государевою.

1562. Отозваніе изъ Черкасъ воеводы Вишневецкаго. Въ кабардѣ происходятъ смуты, часть Черкасъ передается на сторону Крыма.

1563. Князь Темрюкъ Айдаровичъ, взявъ изъ Астрахани 500 стрѣльцовъ и 500 казаковъ, открываетъ войну съ непокорными кабардинцами. Походъ на Терекъ Григорія Плещеева.

— Григорій Плещеевъ строитъ для Темрюка первую Терку, мѣстоположеніе которой осталось неизвѣстнымъ.

1565. Посольство въ Москву князя Мамстрюка, Темрюкова сына, о новой помощи на непокорныхъ черкасъ и посылка на Терекъ войска съ воеводою Дашковымъ. Первое извѣстіе о Черкасскихъ (кабардинскихъ) казакахъ, съ которыми отправился Мамстрюкъ на Терекъ.

1566. Окончаніе похода Дашкова. Просьба князя Матлова о построеніи постояннаго города, для удержанія въ покорности непокорныхъ кабардинцевъ, на Терекѣ, у «усть Сунчи.»

1567—1568. Андрей Бабычевъ и Петръ Протасьевъ строятъ на Терекѣ просимый городъ. Первая достовѣрная Терка.—Второй походъ на Шамхала.

1569. Походъ Турецкаго паши Касима изъ-подъ Азова на Астрахань.

ГОДЫ.

1571. Посольство въ Турцію Кузьминскаго, съ увѣдомленіемъ, что построенная на Терекѣ крѣпость брошена. Упраздненіе 1-й Терки.

1572. Донскіе казаки берутъ Азовъ у Турокъ.

1577. Стольникъ Иванъ Мурашкинъ, предводительствуя сильнымъ отрядомъ, очищаетъ Волгу отъ разбойничьихъ казачьихъ шаекъ. Вѣроятное появленіе Терскихъ вольныхъ казаковъ и появленіе на Акташѣ атамана Андрея (Шадры). Основаніе Шадринской станицы.

— Оффиціально—признаваемое построеніе Лукьяномъ Новосильцевымъ второй Терки, начало Терскаго казачьяго войска и ВЫСОЧАЙШЕ дарованное старшинство Кизляро-Гребенскому полку и Терскому казачьему войску.

1578. Посольство въ Москву князя Канбулата съ челобитьемъ о новомъ принятіи его въ службу «со всею Кабардинскою землею» и просьбой отъ имени князя Мамстрюка о новомъ построеніи города на Сунжѣ.—Лукьянъ Новосильцевъ посылается на Терекъ «со многими людьми и вогненнымъ боемъ» и «для городового дѣла» и ставитъ у устьевъ Сунжи новый городъ.—Дѣйствительное построеніе 2-й Терки.

1579. Начало Сибирскаго казачества.

1580. Волжскіе казаки берутъ Сарайчикъ.

1583. Вольные казаки громятъ на Сунженскомъ перевозѣ Уздемира Османа, правителя Ширвани, при возвращеніи его изъ Темиркопы (Дербента) въ Костомонъ, по окончаніи войны съ

Персами.—«Османовъ перевозъ,» «Османовъ Шляхъ,» «Османовщина».

1584. Нечай поселяется на Яикѣ, начало Яицкаго войска.

Царь Феодоръ Іоанновичъ 1584—1598 г.г.

1584. Посолъ царя Ѳеодора Благово, по жалобѣ паши Османа, объясняетъ султану Амурату, что хотя изъ города, построеннаго на Терекѣ при его отцѣ, царскіе ратные люди выведены, но въ городѣ этомъ завели притонъ безгосударственные люди, вольные казаки, которые и чинятъ турецкимъ людямъ обиды, закрывая кабардинскую дорогу.

— Царскій запретъ волжскимъ казакамъ приходить на Терку и Сунжу и запирать кабардинскую дорогу.

— Вольные казаки у Симона, царя Карталинскаго, на службѣ (стояли $3^1/_2$ года).

1586. Посольство Кахетинскаго князя Александра къ царю Московскому о подданствѣ и помощи.

1587. Посольство Биркина и Пивова въ Кахетинскую землю; вольные казаки на Сунжиномъ городищѣ, «гдѣ былъ городъ Сталъ.»

1588. Посольство въ Москву Мамстрюка князя и Куденека отъ Канбулата и всей кабардинской земли, держать ихъ, какъ держалъ царь Іоаннъ, и о построеніи царскаго города на Теркѣ.

— Михаилъ Ив. Бурцевъ и келарь Протась-

годы.	
	евъ строятъ этотъ городъ у устьевъ Терки, который называется Тюменской Теркою, Терскимъ городомъ и Тюменскимъ Новымъ городомъ.—3-я Терка. Начало Терскаго воеводства.
—	Посольство Шиха, князя Окуцкаго, и грамота его о службѣ отца его Ушара и самого Шиха съ «500» казаками, съ которыми онъ воевалъ Дербентъ и взялъ Индили и 7 другихъ городовъ.
1589.	Вольные казаки стоятъ по «Щелемъ» у Кахетинскаго царя Александра.
1589—1600.	Терскій воевода—Андрей Старкъ Ивановичъ Хворостининъ; товарищи: Василій Козминъ, Лука Новосильцевъ; голова—Григорій Верделевскій.
—	Посланъ на Сунжу головою Василій Онучинъ, прибывшій изъ Астрахани. Построеніе 1-го острога на Сунжѣ, у покинутыхъ городовъ Терки.
1589—90.	Посольство въ Кахетію князя Семена Звенигородскаго и дьяка Торха Антонова. На Сунжѣ былъ острогъ съ головою Василіемъ Онучинымъ, казаками и стрѣльцами.
1591.	Походъ князя Засѣкина на шамхала Тарковскаго.--Послы Васил. Плещеевъ и подъячій Кудринъ увѣдомляютъ Кахетинскаго царя Александра о походѣ воеводы Засѣкина.
1592-3-1604.	Князь Влад. Тимофеевичъ Долгорукій въ Койсинскомъ Острогѣ.
1593.	Князь Андрей Хворостининъ вновь посланъ на Терку со многою ратью.
1593.	Кабардинскій князь Сунчалей Джанклишевъ

получаегъ дозволеніе переселиться въ Терку и поселяется, образовавъ слободу на другомъ берегу Терека.

1594. Походъ Хворостинина на Тарки.

— Первая служба царская гребенскихъ вольныхъ казаковъ.

— Подъ Хворостининымъ Иванъ Васильевъ Измайловъ (убитъ), князь Влад. Тимофеевичъ Долгорукій, Иванъ Петровичъ Федоровъ.

1596. Посольство въ Кахетію Савина и Полуханова.

Царь Борисъ (Годуновъ) 1598—1605 г.

1600. Воеводы на Теркахъ*): князь Феодоръ Лобановъ, кн. Василій Щетининъ; у нихъ головы: Петръ Новосильцевъ, Естафей Клементьевъ.

1604. Посольство въ Кахетію Мих. Ив. Татищева и дьяка Иванова.

1604. Походъ воеводъ Бутурлина и Плещеева противъ шамхала Тарковскаго. Вторая царская служба гребенскихъ и терскихъ казаковъ.

1602—1605. Въ Сунженскомъ Острогѣ головою Мирославъ Зюзинъ. Упраздненіе Сунженскаго острога.

1604—1614. Воевода на Теркѣ Петръ Петровичъ Головинъ.

Лжедмитрій I-й 1605—1606 г.г.

*) Въ эту эпоху Терскіе города назывались Терки потому, что ихъ было не одинъ, а нѣсколько: у устьевъ Терека, на Сунжѣ и на Койсу.

Василій Шуйскій 1606—1610 г.

годы.

1607. Бунтъ терскихъ вольныхъ казаковъ противъ воеводъ, удержавшихъ царское жалованье. 4/т. терскихъ казаковъ покидаютъ Терекъ и пристаютъ къ смутѣ.

Междуцарствіе 1610—1613 г.

Михаилъ Феодоровичъ 1613—1645 г.

1614. Терскій Стрѣлецкій голова Хохловъ съ терскими казаками подъ Астраханью противъ Заруцкаго и Марины. Казаки способствуютъ укрощенію смуты. Сподвижники Заруцкаго и Марины, покинутые ими въ Астрахани, спасаются на Терекъ и поселяются къ гребенскимъ казакамъ.

1618. Въ Теркѣ воеводы Никита Вельяминовъ съ Товарищами.

1620. Большая ватага донцовъ перебѣгаетъ съ Дона на Терекъ въ гребенскіе городки.

1628. Гребенскіе казаки охраняютъ ученыхъ Самуила Фрича и Іогана Герольда, посланныхъ на Кавказъ для отысканія серебряной и мѣдной руды. Фричъ и Герольдъ находятъ гребенскіе «острожки» въ горахъ, выше кабаковъ (селеній)

«Илдара и Келмамета сыновей Ибака мурзы, владѣльца малокабардинскаго», и совѣтуютъ въ Москвѣ построить вновь острогъ на Сунжѣ.

1631—1633. Воеводы въ Теркѣ—князь Василій Туренинъ и князь Семенъ Волконскій; голова Тимофей Карауловъ.

1633. Атаманы и казаки гребенскіе и терскіе съ воеводами, княземъ Василіемъ Туренинымъ и княземъ Семеномъ Волконскимъ, громятъ «Казыевы улусы».

1637. Воевода Терскій князь Василій Ромодановскій съ товарищами, по немъ князь Иванъ Андр. Хилковъ да Тим. Оладьинъ.

Алексѣй Михайловичъ 1645—1676 г.

1645. Крымцы осаждаютъ Черкасскъ. Гребенцы и Терцы съ Астраханскимъ воеводою, стольникомъ княземъ Пожарскимъ, идутъ на помощь.

1646. Бой съ калгою Нурадынъ—Гиреемъ.

1650—51. Воевода Терскій—князь Мих. Щетининъ съ товарищами.

1651. Приказъ Астраханскому воеводѣ Пронскому о построеніи Сунженскаго острога.—Построенъ былъ между городками гребенцовъ и барагунскими «кабаками», мѣрою сто саженъ въ окружности, съ башней, бойницами и рвомъ.

1653. Терскіе воеводы: князь Волхонскій и Шатиловъ.

годы.

Гребенскіе казаки побили на Черскасской дорогѣ персидскихъ купцовъ. Разоренъ второй Сунженскій острогъ.

1653. «Послано въ Терку солдатскаго строю полковниковъ и урядниковъ и съ ними русскихъ солдатъ и многихъ людей съ огненнымъ боемъ».

1668. «1400 чел. стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ изъ украинныхъ городовъ послано на житье въ Терку».

— «Сослано въ Терку плѣнныхъ литовцевъ, поляковъ, нѣмцовъ, а такжь опальныхъ людей, преступниковъ и раскольниковъ».

— Съ Дона бѣжитъ въ гребенскіе городки вторая ватага донскихъ бѣглецовъ, ради раскола.

1668. Бунтъ Стеньки Разина. Алешка Протокинъ и Алешка Каторожный приглашаютъ гребенское вольное казачество пристать къ замысламъ Стеньки, но казаки ихъ не принимаютъ.

1671. Гребенцы и Терцы, съ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ, участвуютъ въ походѣ на Астрахань, противъ разинцевъ, и захватываютъ бунтовщика Федьку Шелудяка. Укрощается бунтъ Стеньки Разина.

Царь Федоръ Алексѣевичъ 1676—1682 г.

Цари Иванъ и Петръ Алексѣевичи 1682—1689 г.г.

1677. Гребенцы и терцы участвуютъ въ Чигиринскомъ походѣ.

1678. Въ Теркѣ воевода—Фед. Ив. Левонтьевъ съ товарищами.

1680. Раскольники строятъ городокъ на Кумѣ, у устья Томузлова, близъ Маджаръ. Появленіе раскольниковъ на Кавказѣ.

1680—1685. Гребенцы поселяются ближе къ Тереку, у устьевъ Сунжи (Извѣстіе, требующее точнаго изслѣдованія и подтвержденія).

1687. На Кумѣ, въ «Черныхъ Лѣсахъ», у устьевъ Томузлова, заводитъ притонъ разбойный атаманъ Костюкъ, который потомъ поселяется къ гребенцамъ.

1687—89. Гребенцы и терцы въ Крымскихъ походахъ В. В. Голицына.

1688. Кубанскій сераскиръ Казы-Гирей подступаетъ къ Тереку. Первое разореніе Терскихъ казаковъ.

1689. Въ Теркѣ воевода—Тимофей Опухтинъ.

Царь Петръ Алексѣевичъ 1689—1725 г.г.

1691. Переселеніе воровъ раскольниковъ съ Сулака на Кубань.

1691. Въ Теркѣ воевода Иванъ Андр. Языковъ. Сильное повѣтріе въ Окоцкой слободѣ, которое скоро перекинулось въ городъ.

1694—1699. На Терекѣ воевода Кроткой.

1695. Гребенцы и терцы подъ Азовомъ съ Гордономъ.

ГОДЫ.	
1705.	Гребенцы отвѣчаютъ Астраханскимъ бунтовщикамъ, не пристаютъ къ раскольникамъ.
1707.	Подъ Терку подступаетъ Кубанскій сераскиръ Эштекъ-Султанъ (Каипъ-Султанъ). Второе разореніе терскихъ казаковъ. Сожженіе всѣхъ документовъ терскихъ казаковъ и грамотъ. Гюйгенъ-Кала.
1711.	Апраксинъ на Терекѣ и Кубани. Отбитіе 2000 русскаго полона, взятаго татарами въ Саратовской и Пензенской губерніяхъ.
1711 или 1712.	Гребенцы переселяются на лѣвый берегъ Терека.
—	Казаки хранятъ право на правый берегъ Терека, гдѣ имѣли пашни, покосы, сады, до 1799 года.
1717.	Бековичевъ походъ на Хиву. Гребенцовъ участвуетъ 500, съ атаманомъ Басмановымъ, и часть терцевъ.
1717—1720.	Терскій комендантъ, Подполк. Вас. Ив. Заезерскій.
1721.	По именному Петра Великаго указу повелѣно Донскимъ, Яицкимъ и Гребенскимъ казакамъ, во всѣхъ управленіяхъ, быть въ вѣдѣніи военной коллегіи.
—	На Теркѣ маіоръ Дмитріевъ. Ему писано о содержаніи, какое полагается Гребенскому войску.
1721—1724.	Комендантъ Терки, полковникъ Киселевъ.
1722.	Петръ Великій прибываетъ къ устью Терека. Гребенскіе казаки выставили 500 служилыхъ людей для войны съ Персіею.

— Рѣшено вызвать съ Дона 1000 казачьихъ семей для поселенія Аграханскаго войска.

— Игнашка Некрасовъ приглашаетъ гребенцовъ къ переселенію на Кубань, но гребенцы отказываются.

— Петръ Великій посѣщаетъ Барагуновскіе «Теплицы» и купается въ нихъ.

1724. Прибыли съ Дона 1000 семей и поселены по Сулаку и Аграхани 5-ю городками.

Екатерина I-я 1725—1727.

1725. «Аграханскому войску повелѣно выдавать жалованья по 5 рублей, хлѣба и муки по 6 четвертей, крупъ 3 четверти, овса 3 четверти, соли по 1 пуд. 8 фун. на человѣка.»

1727. Комендантъ на Теркѣ, маіоръ Арейтовъ.

1727 окт. 2. «Повелѣно отъ переведенныхъ съ Дона казаковъ со всякими нуждами на каждый годъ съ одной зимовой станицы посылать въ Петербургъ 10 человѣкъ и жалованье давать противъ зимовыхъ донскихъ съ убавкою.»

1721—1727. «Изъ гребенскихъ городовъ въ С.-Петербургъ и въ Москву станицъ въ пріѣздѣ не было и окладная жалованная имъ не выдавалась».

Императоръ Петръ II-й Алексѣевичъ 1727—1730.

годы.	
1727.	«Присланы изъ Астрахани гребенскіе казаки для прошенія о прибавкѣ имъ окладного жалованья и просили о выдачѣ имъ за проѣздъ противъ ихъ прочей братіи жалованья.»
1729.	Построеніе приерикѣ Долобномъ крѣпости «Фельдшанца.»

Императрица Анна Іоанновна 1730—1740.

1731.	«Въ указѣ въ военную коллегію писано: Гребенскимъ казакамъ прибавить по 3 руб. и давать по 6 руб., а хлѣба и муки по 6 четвертей, овса по 3 четверти, крупъ по 3 чет. на человѣка.»
1734 мар. 24.	Повелѣно увеличить жалованье до 9 руб.
1735—1736.	Брошенъ Сулакъ, казаки отведены на Терекъ, построенъ Кизляръ.
1736.	Образованы: Терское—Кизлярское и Терское Семейное войска.
1736.	Минихъ пишетъ атаману Даніилѣ Ефимовичу Аукѣ о присылкѣ 400 гребенцовъ подъ Азовъ въ Кубанскій походъ. Пошли двѣ станицы, 500 казаковъ, съ двумя атаманами: Аукой и Иваномъ Петровымъ.

1737. «Повелѣно на проѣздъ до Петербурга выдавать гребенской станицѣ: атаману 63 руб. 21 коп., эсаулу—46 руб. 73 коп., сотнику 40 руб., рядовымъ пяти по 34 руб. 94 коп., да на подводы въ оба пути—176 руб., всего 500 руб.».

1738. Указъ астраханскаго епископа Илларіона къ гребенскимъ казакамъ о двоеперстіи.

1740. Задержаніе казачьихъ священниковъ въ Кизлярѣ, начало распри о двоеперстіи.

Елисавета Петровна 1741—1761.

1741—1745. Препирательства духовныхъ властей съ гребенскими атаманами и казаками изъ-за двоеперстія. Гребенцы начинаютъ вдаваться въ расколъ и принимать забѣглыхъ расколо-учителей.

1745. Терско-Семейное и Гребенское войска соединены и имъ предложено сообща избирать войскового атамана и войсковую старшину.

1755. Соединенныя Терско-Семейное и Гребенское казачьи войска, вслѣдствіе несогласій, вновь разъединены, каждому предложено избирать по старинѣ, собственнаго атамана и старшину.

Екатерина II-я, Великая 1762—1796.

1763. Построенъ Моздокъ и заложена военная линія отъ гор. Кизляра до Моздока.

ГОДЫ.

1765. Священникъ Червленскаго городка Парфенъ Ивановъ, по довѣренности духовенсгва всѣхъ прочихъ гребенскихъ городковъ, жалуется Синоду, что гребенскіе казаки уклонились въ расколъ и причтамъ церковнымъ жить нечѣмъ.

— Довлетгирей, владѣлецъ гребенчуковскій, заключаетъ съ Червленскими казаками и старшинами договоръ о поселеніи на казачьей землѣ сел. Стараго-Юрта у горячихъ ключей.

1767. Большое наводненіе, причинившее бѣдствія въ гребенскихъ станицахъ.

— Отъ гребенскихъ казаковъ посланы въ Москву для сочиненія уложенія депутаты Казьма Біянинъ и Лаврентій Андреевъ. Отъ семейныхъ—Павелъ Татаринцевъ.

1768. Условіе съ Довлетъ-Гиреемъ дополняется новымъ пунктомъ о копаніи марены.

1769—1788. Гребенскіе и терскіе казаки участвуютъ въ закубанскихъ походахъ съ генералами Медемомъ и Текели и во второмъ походѣ, подъ начальствомъ Султана Селимъ-Гирея, овладѣваютъ турецкимъ знаменемъ и 400 адыгскихъ панцырей.

1770. Заселеніе Моздокской военной линіи казаками, переведенными съ Волги. Основаніе Моздокскаго казачьяго полка.

1778. Сынъ Довлетъ-Гирея, Баматъ Довлетгиреевичъ Черкасскій, подтверждаетъ условіе своего отца, заключенное съ Червленскими казаками и старшинами, и заключаетъ съ ними новое условіе.

1790. Первое пожалованіе гребенскихъ старшинъ въ офицерскіе чины.

1791. Гребенцы участвуютъ съ графомъ Гудовичемъ подъ Анапою. Гудовичъ даетъ лестную аттестацію о гребенцахъ.

1796. Персидскій походъ графа Валеріана Зубова, русскіе берутъ Дербентъ, Баку и Кубу. Участвуютъ гребенскіе казаки.

Павелъ I-й 1796—1801.

1799. Баматъ Довлетгиреевичъ Черкасскій принимаетъ на себя охрану праваго берега Терека, принадлежащаго казакамъ, и заключаетъ по этому поводу съ ними 3-е условіе, послѣднее.

— Положено сравнять жалованьемъ казачьихъ чиновъ съ армейскими, если они будутъ въ походѣ далѣе 100 верстъ отъ мѣста жительства.

Александръ I-й, Благословенный 1801—1825.

1802. Гребенскіе и терскіе казаки провожаютъ въ Тифлисъ Главнокомандующаго ген. Кнорринга. Съ этого года учрежденъ постоянный сводный пятисотенный казачій полкъ для службы за Кавказомъ, въ который вошли команды гребенскихъ и терскихъ казаковъ.

— Черезъ межеваніе землемѣра Безобразова, отъ Гребенцовъ неправильно отмежеванъ правый берегъ Терека и гребенцы лишились своихъ

ГОДЫ.

земель и права собственности на рыбныя ловли у этого берега.

1810. Дѣло 2-го Апрѣля 1810 года.

1812. Окончательное утвержденіе въ гребенскихъ станицахъ раскола. Исчезли послѣдніе православные, державшіеся среди гребенскихъ казаковъ.

1816—1827. *Ермоловъ* на Кавказѣ.

1817. Необычайный разливъ рѣкъ Кубани и Терека, произведшій ужаснѣйшія бѣдствія въ поселеніяхъ казаковъ.

1818. Построена крѣпость Грозная и приступлено къ укрѣпленію Сунженской линіи.

1819. Выборные атаманы въ Гребенскомъ, Терскомъ и Кизлярскомъ войскахъ замѣнены назначенными «Командирами войска.»

1819—1830. Первый командиръ Гребенского войска, полковникъ Евстафій Пантелеймоновичъ Ефимовичъ.

1820. Экспедиція полковника Грекова въ чечню, на Ха-Кале и Герменчикъ.

1824. Основаніе Горскаго полка, выше Моздокской линіи.

Николай I-й 1825—1855.

1825. Упразднено укрѣпленіе Ивановское, между Шелковской и Щедринской станицами, близь бывшей станицы Шелковской.

1826—1829. Гребенцы и терцы участвуютъ въ персидской и турецкой кампаніяхъ. За доблесть, ими проявленную, гребенцамъ и терцамъ жалуются знамена.

1827. Размежеваніе Гребенскихъ земель землемѣромъ Федоровымъ, обнаружившее, что у казаковъ земли недостаточно.

1828. Уполномоченный гребенскихъ казаковъ, хорунжій Иванъ Сергѣевъ, представляетъ на ВЫСОЧАЙШЕЕ имя подлинные договоры, доказывающіе право собственности гребенцовъ на правый берегъ Терека и ходатайствуетъ о прирѣзкѣ казакамъ недостающаго надѣла.

1831. Сформированъ Варшавскій дивизіонъ кавказскихъ линейныхъ казаковъ, изъ штабъ-офицеровъ —1, оберъ-офицеровъ—10, урядниковъ—15 и казаковъ—200, для постоянной службы въ Царствѣ Польскомъ.

1832. Дѣло гребенцовъ и полковника Волженскаго со скопищемъ Кази-Муллы близъ Шавданъ-Юрта. Смерть полковника Волженскаго. Потеря двухъ пушекъ гребенцами.

1832—1839. Третій Начальникъ Гребенского войска графъ Стенбокъ или Штенбокъ.

1832. Казачьи войска: Терское-Семейное, Терско-Кизлярское и Гребенское переименованы въ Терское, Кизлярское и Гребенское.

— Сформированъ изъ Кавказскихъ линейныхъ казаковъ конвой ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ составѣ 1 сотника, 1 хорунжаго, 4 урядниковъ и 24 рядовыхъ казаковъ.

1834. Торжественное освященіе перваго пожалованнаго Гребенскому войску знамени, въ станицѣ Червленной.

ГОДЫ.

1836. Гребенское, Терское и Кизлярское казачьи войска переименованы въ полки, причемъ Терское и Кизлярское соединены въ одинъ полкъ— Кизлярскій, а Гребенское наименовано Гребенскимъ полкомъ.

— Набѣгъ чеченцевъ на Щедринскую станицу. (Дѣло 10-го апрѣля 1836 года).

1837. Поселеніе двухъ малороссійскихъ полковъ по верхнему Тереку и образованіе Владикавказскаго полка.

1838. Извѣстіе о первыхъ казачьихъ школахъ: въ стан. Червленной (73 чел. ученика) и Шелковской (26 учен.).

1841. Дѣло командира Гребенского полка, маіора Венеровскаго, въ Щедринскомъ лѣсу, съ многочисленной партіей горцевъ. (Дѣло 9-го января 1841 года).

1845—1851. Поселены казачьи станицы по Сунжѣ. Учрежденіе Сунженскаго полка.

1845. Даргинскій походъ князя М. Е. Воронцова. «Сухарная Экспедиція.»

— Утверждено положеніе о Кавказскомъ Линейномъ Войскѣ, въ составъ котораго вошли всѣ казачьи поселенія отъ Черноморскаго войска на Кубани до устьевъ Терека, въ томъ числѣ полки Гребенской и Кизлярскій.

1846. Сусловское дѣло. (Дѣло 24 мая 1846 года).

1847—1848. Вызваны казаки и крестьяне изъ малороссійскихъ губерній для подкрѣпленія Гребенского полка и поселены, въ станицахъ: Щедринской, Новогладковской, Старогладковской, Шел-

ковской и далѣе по Тереку. Заселена станица Николаевская. Появленіе на Терекѣ «Шаповаловъ».

1853—1855. Восточная война.

1854. Дѣло 24-го мая 1854 года при Курюкъ-Дара.

1855. Дѣло 30 августа 1855 года подъ Пенякомъ.

Отличились линейные казаки подъ начальствомъ Камкова.

Александръ II-й, Царь—освободитель. 1855—1881 г.г.

1859. Взятіе Гуниба. Покореніе Восточнаго Кавказа.

1860. Раздѣленіе Линейнаго войска на Кубанское и Терское.

1864. Покореніе Западнаго Кавказа.

— Распространеніе сокращенія срока службы до 20 лѣтъ на Кубанское и Терское казачьи войска. Учреждена Терская область.

1865. Званіе наказныхъ атамановъ Кубанскаго, Терскаго и Оренбургскаго казачьихъ войскъ соединено съ званіемъ начальника Кубанской и Терской области и Оренбургской губерніи.

1870. Фактически образована Терская область.

— Кизлярскій и Гребенской полки Терскаго казачьяго войска соединены въ одинъ полкъ:

годы.	
	образованіе нынѣ существующаго Кизляро-Гребенского полка.
—	Издано Положеніе объ Общественномъ Управленіи въ казачьихъ войскахъ.
—	Положеніе о воинской повинности къ Кубанскомъ и Терскомъ войскахъ на новыхъ началахъ.
—	Положеніе объ обезпеченіи казачьихъ офицеровъ въ Донскомъ, Кубанскомъ и Терскомъ войскахъ.
1873.	Походъ въ Хиву.
1877—1878.	Русско-Турецкая война.
1877.	Дѣло 2-й сотни 2-го Кизляро-Гребенского полка у Хаджи-Халиля (Дѣло 2 октября 1877 года). 1-й и 3-й Кизляро-Гребенскіе полки учавствуютъ въ усмиреніи чеченскаго возстанія Умы и Али-Бека.
1879. Января 2.	ВЫСОЧАЙШИМЪ указомъ Шефомъ Кизляро-Гребенского полка наименованъ Великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій.

Александръ III-й, Царь Миротворецъ. 1881—1894.

1891.	Издано нынѣ дѣйствующее положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ.

Николай II-й. 1894 г.

Годы.	
1904. Августа 26.	ВЫСОЧАЙШИМЪ указомъ 1-му Кизляро-Гребенскому полку присвоено нынѣ носимое имя генерала Ермолова.
1904—1905.	Русско-Японская война. Кизляро-Гребенской 1-й Генерала Ермолова полкъ на Дальнемъ Востокѣ участвуетъ въ набѣгѣ генерала Мищенко на Факумынь въ тылъ Японской арміи.
1905.	17 апрѣля. ВЫСОЧАЙШІЙ Манифестъ о вѣротерпимости.
—	6-го августа. ВЫСОЧАЙШІЙ Манифестъ о Государственной Думѣ; подписано первое положеніе о ней.
—	17-го октября. ВЫСОЧАЙШІЙ Манифестъ о свободѣ совѣсти, вѣры, собраній, союзовъ и свободѣ печати.
—	11-го декабря. Указъ о расширеніи избирательныхъ правъ, предоставленныхъ первымъ положеніемъ о Государственной Думѣ.
—	18—20 декабря. Почтово-телеграфная забастовка, всеобщая смута въ Терской области и Червленскіе съѣзды. Высочайшая телеграмма Терскихъ казаковъ и увѣщательное посланіе, изданное отъ имени депутатовъ Червленскаго съѣзда.

ГОДЫ.

1906. 22-го февраля. ВЫСОЧАЙШІЙ Манифестъ о расширеніи законодательныхъ правъ Государственной Думы. Второе положеніе о Думѣ.

1907. 3-го іюня. ВЫСОЧАЙШІЙ указъ о третьей Государственной Думѣ. Третье положеніе о Думѣ.

ВѢДОМОСТЬ

знаменамъ и другимъ знакамъ отличія Гребенского и Терскаго Семейнаго войска и Кизляро-Гребенского полка.

Наименованіе частей, а также знаменъ и прочихъ знаковъ отличія, пожалованныхъ этимъ частямъ.	Когда пожалованы.	Гдѣ находятся на храненіи.
Пожалованныя бывшему Гребенскому войску и полку:		Въ домѣ, занимаемомъ Наказнымъ Атаманомъ.
Въ полку сохранилось 103 знамени и штандартовъ прежнихъ временъ, которые пришли въ такую ветхость, что нельзя узнать, къ какому времени они принадлежатъ; знамена и штандары эти сложены въ ящики.		
Два знамени изъ шелкокой розовой матеріи, съ изображеніемъ въ срединѣ герба Новгородской губерніи, представляющаго золотое кресло въ серебрянномъ полѣ, съ красною подушкою, на которой поставлены крестообразно съ правой стороны скипетръ и съ лѣвой крестъ; на верху кресла подсвѣчникъ съ тремя горящими свѣчами и по сторонамъ два стоящіе медвѣдя; при знаменахъ древка съ мѣдными копьями.		
Знамя, въ срединѣ котораго изображенъ		

черный двуглавый орелъ, увѣнчанный тремя коронами; на груди его, разбросанными литерами, надпись: «за вѣрность», остальныхъ вензелей на груди орла, по ветхости, разобрать нельзя. Древко съ мѣднымъ копьемъ.

Знамя изъ розовой шелковой матеріи; на четырехъ наугольникахъ его по пушечному ядру; въ серединѣ черный двуглавый орелъ съ однимъ поднятымъ и однимъ опущеннымъ крыломъ, увѣнчанный тремя коронами; на груди орла, на бѣломъ конѣ, Св. Побѣдоносецъ Георгій, поражающій копьемъ дракона, а подъ нимъ изображены пять знаменъ, двѣ горящія гранаты, киверъ Павловскаго полка и литеры: «П. I.»; древко съ мѣднымъ копьемъ.

Знамя изъ зеленой шелковой матеріи, изображеніе въ срединѣ его, за ветхостью, вывалилось; древко съ мѣднымъ копьемъ.

Серебряный вызолоченный ковшъ съ надписью по сторонамъ: «Божію милостію МЫ ЕЛИСАВЕТА первая ИМПЕРАТРИЦА и САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ и прочая, и прочая пожаловала симъ ковшемъ войска Гребенского атамана Лукьяна Борисова за его вѣрныя службы 1748 года января 1-го дня». *)

Булава, на верхнемъ концѣ коей серебряная, съ чернью рукоятка, а на нижнемъ небольшой серебряный наконечникъ. Она пожалована одному изъ войсковыхъ атамановъ Гребенского казачьяго войска за оказанныя военныя заслуги, какъ знакъ начальнической его

*) Предокъ теперешней фамиліи Тихоновыхъ въ ст. Червленной

власти. Съ этою булавою выходили на войсковые круги войсковые атаманы для разбирательства и рѣшеиія общихъ дѣлъ.

Знамя изъ шелковой матеріи голубого цвѣта, съ золотою надписью: «за Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ;» въ серединѣ его гербъ Россійской Имперіи, а на углахъ вензеля ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I. Древко съ мѣднымъ вызолоченнымъ копьемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА этого знамени состоялась 22 сентября 1831 года.

Георгіевское знамя изъ шелковой матеріи голубого цвѣта; въ серединѣ его кругъ оранжеваго цвѣта, обведенный лавровымъ вѣнкомъ съ короною, въ которомъ изображенъ съ одной стороны крестъ, а съ другой двуглавый орелъ, въ серединѣ коего изображеніе Св. Георгія. На углахъ вензеля ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, обведенные лавровымъ вѣнкомъ съ короною. По краямъ знамени съ обѣихъ сторонъ надпись: «за военные подвиги противъ горцевъ». Древко съ серебрянымъ копьемъ, съ георгіевскимъ въ срединѣ крестомъ; въ основаніи копья георгіевскій темлякъ.

О пожалованіи этого знамени объявлено въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ приказѣ 4-го марта 1860 года.

В ъ д о м ѣ, з а н и м а е м о м ъ Н а к а з н ы м ъ А т а м а н о м ъ.

Пожалованныя бывшему Терскому семейному казачьему войску.

Знамя краснаго цвѣта съ разными украшеніями, кои за ветхостью разобрать трудно, и съ надписью: «Божіею милостію Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ».

«Построено сіе знамя при державѣ Пресвѣтлѣйшихъ и Державнѣйшихъ Виликихъ Государей во имя святыя Троицы и Благовѣрнаго Великаго князя Всеволода по Святомъ крещеніи Гавріила. (Псковскій Чудотворецъ)».

«И при бытности въ Псковскомъ Государствѣ ближняго окольнаго и воеводы и Намѣстника Нижегородскаго Петра Матвѣевича Апраксина съ товарищами».

«Отъ сотворенія міра 7201 года марта въ 1-й день».

«Строилъ сіе знамя стольникъ и полковникъ Иванъ Михайловичъ Кокошинъ, Псковскихъ стрѣльцовъ перваго полку».

Знамя съ изображеніемъ Св. Архистратига Михаила, цвѣта краснаго.

О пожалованіи всѣхъ этихъ знаменъ Терскому Семейному казачьему войску послѣдовала ВЫСОЧАЙШАЯ грамота, 18-го іюня 1740 г. № 7695, данная на имя Наказнаго Атамана сего войска старшинамъ и казакамъ.

Знамя съ изображеніемъ Св. Великомученика и побѣдоносца Георгія, цвѣта голубого.

Знамя цвѣта желтаго.

Знямя цвѣта краснаго.

Насѣка деревянная, съ обоихъ концовъ окованная серебромъ.

Насѣка деревянная меньшихъ размѣровъ, съ обоихъ концовъ окованная серебромъ.

Знамя изъ шелковой матеріи голубого цвѣта, съ золотою надписью: «за отличіе въ Турецкую войну и за дѣла бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ», въ серединѣ его изображенъ гербъ Россійской Имперіи, а на углахъ вензелевое изображеніе Имени Государя ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го. Древко съ мѣднымъ

ВЫСОЧАЙШАЯ грамота состоялась 21-го сентября 1831 года.

вызолоченнымъ копьемъ. Пожаловано Терскому семейному казачьему войску, впослѣдствіи вступившему въ составъ Кизлярскаго полка.

На этомъ знамени ВЫСОЧАЙШЕ повелѣно прибавить надпись: «за взятіе Андіи и Дарго».

О чемъ объявлено въ приказѣ по бывшему отд. Кавказскому корпусу 30 окт. 1845 г. № 140.

Георгіевское знамя изъ шелковой матеріи голубого цвѣта; въ серединѣ оранжевый кругъ, обведенный лавровымъ вѣнкомъ съ короною; въ въ кругѣ съ одной стороны крестъ, а съ другой двуглавый орелъ, въ серединѣ коего изображеніе Св. Георгія. На углахъ вензеля ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, обведенные лавровымъ вѣнкомъ съ короною. По краямъ знамени, съ обѣихъ сторонъ, надпись: «за военные подвиги противъ горцевъ». Древко съ серебрянымъ копьемъ, съ георгіевскимъ въ серединѣ крестомъ; въ основаніи копья георгіевскій темлякъ.

Объявлено въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ приказѣ 4-го марта 1860 года.

Пожалованное Кавказскому Линейному казачьему войску и перешедшее въ Терское войско:

Георгіевское знамя съ надписью: «за храбрость и примѣрную службу въ войну противъ французовъ, Англичанъ и Турокъ въ 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ».

26-го августа 1856 года.

1-го Кизляро-Гребенского казачьяго Великаго Герцога Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго полка:

Георгіевскій штандартъ съ Александровскою лентою, съ надписями вокругъ штандар-

30-го августа 1881 года.

Въ домѣ, занимаемомъ Наказнымъ Атаманомъ.

та: «за военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ» и подъ орломъ «1577—1877».		Въ домѣ, занимаемомъ Наказнымъ Атаманомъ.
Знаки на папахи: первой полусотнѣ 1-й сотни, съ надписью: «за дѣло 24-го іюля 1854 года»,*) а второй полусотнѣ той же сотни съ надписью: «за 30 Августа 1855 года»,**) пожалованные двумъ полусотнямъ Гребенского полка.	Въ 1856 году.	
Георгіевскія серебряныя трубы, пожалованныя 4-й сотнѣ съ надписью: «за отличіе въ Хивинскомъ походѣ 1873 года».	Въ 1875 году.	
Знаки отличія на головные уборы съ надписями: «за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году», 2-й и 3-й сотнямъ.	Въ 1879 году.	
Знаки же отличія на головные уборы, съ прибавленіемъ къ имѣвшейся надписи новыхъ объ отличіяхъ, оказанныхъ въ 1877 году, 1-й полусотнѣ 1-й сотни съ надписью: «за дѣло 24-го Августа 1854 года и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области и Дагестана въ 1877 году».	Въ 1879 году.	
2-й полусотнѣ той же сотни съ надписью: «за дѣло 30-го августа 1855 года и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области и Дагестана въ 1877 году».		
2-го Кизляро-Гребенского полка:		
Георгіевскій штандартъ съ Александровскою лентою и съ надписями вокругъ штандарта:	30-го августа 1881 года.	

*) Сраженіе при Кюрукъ-Дара.
**) Кавалерійское дѣло при Пенякѣ

} Полкъ былъ подъ командою полковника А. Ф Камкова.

«за военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ» и подъ орломъ «1577—1877».		Въ домѣ, занимаемомъ Наказнымъ Атаманомъ.
Георгіевская серебряная труба съ надписью: «за взятіе Карса 6-го ноября 1877 года».	Въ 1878 году.	
Знаки отличія на головные уборы съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ».		
3-го Кизляро-Гребенского полка:		
Георгіевскій штандартъ съ Александровскою лентою и съ надписями вокругъ штандарта: «за отличіе въ Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ и за взятіе Андіи и Дарго въ 1845 году» и подъ орломъ «1577—1877» г.г.	30-го августа 1881 года.	
Знаки отличія на головные уборы 1-й, 2-й и 3-й сотнямъ, съ надписью: «за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году».	Въ 1879 году.	
Пожалованныя Терскому казачьему войску:		
Георгіевское знамя съ Александровскою лентою и съ надписью вокругъ знамени: «въ память трехсолѣтняго существованія Терскаго казачьяго войска» и подъ орломъ «1577—1877 г.г.».	30-го августа 1881 года.	
Георгіевское знамя съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ» и подъ орломъ: «1577—1880 г.г.».	30-го августа 1880 года.	

Мундиръ въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.	9-го сентября 1881 года.	Въ домѣ, занимаемомъ Наказнымъ Атаманомъ.
Портретъ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.	13-го сентября 1881 года.	
ВЫСОЧАЙШАЯ грамота о сокращеніи для всѣхъ чиновъ Терскаго казачьяго войска срока обязательной службы до 15-ти лѣтъ полевой и 7-ми лѣтъ внутренней.	12-го іюля 1864 года.	

Описаніе Гребенского участка Кордонной линіи, сдѣланное Штабсъ-Капитаномъ Калмбергомъ въ 1834 г.

I. Станица Червленная.

Лежитъ на равнинѣ, въ одной съ половиною верстѣ отъ берега Терека. Грунтъ земли въ станицѣило-песковатый и, частію, солонцоватый; въ окрестности же вообще ило-песковатый. Станица сія построена по плану. Улицы прямыя и паралельныя между собою, на срединѣ площадь, на которой предположено было выстроить церковь, но такъ какъ жители сей станицы всѣ безъ исключенія старообрядцы, въ числѣ коихъ есть одинадцать семействъ еврейскаго исповѣданія, то таковое предположеніе осталось ненужнымъ. Строенія всѣ вообще деревянныя, покрыты камышемъ; въ станицѣ есть старообрядческая церковь и священникъ. Промышленность жителей вообще составляютъ хлѣбопашество, скотоводство и садоводство; послѣднимъ тщательнѣе занимаются, отъ котораго ежегодно получаютъ краснаго вина до 148000 ведеръ, а иногда и болѣе; излишнее вино продается ежегодно на сумму до 55.000 руб. Въ дачѣ станицы лѣсу строевого не имѣется; хотя по берегу Терека и есть лѣсъ, но оный годенъ только для мелкихъ домашнихъ построекъ, а для постройки домовъ покупаютъ у зарѣчныхъ жителей. Луговыхъ мѣстъ недостаточно. Станица эта отъ набѣговъ хищниковъ укрѣплена кругомъ плетнемъ и обрыта канавой; изъ станицы пять выѣздныхъ воротъ со шлагбаумами, при коихъ часовые. Въ оной станицѣ войсковой

штабъ, войсковая канцелярія и гауптвахта. Войсковой лазаретъ, при восточной сторонѣ станицы, выстроенъ въ 1828 году. На правомъ берегу Терека, противъ станицы сей находится чеченскій аулъ Баматъ-юртъ.

Отъ станицы Червленной внизъ по Тереку кордонные посты:

Ломакинскій.—Въ четырехъ верстахъ отъ названной станицы, стоитъ на берегу Терека, окруженный камышемъ; прилегающіе сады скрыты. Постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавою; караулъ изъ шести казаковъ.

Прогонный.—Въ 2-хъ верстахъ отъ Ломакинскаго: стоитъ на берагу, окруженъ камышемъ, но съ вышки прилежащій восточный постъ и дорога видны; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; караулъ состоитъ изъ восьми человѣкъ. Въ полу-верстѣ ниже поста имѣется бродъ въ октябрѣ, ноябрѣ, мартѣ, а когда Терекъ не покрывается льдомъ, то и въ зимнее время.

Буковскій.—Въ $2^1/_2$ верстахь отъ прогоннаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; восточный прилежащій постъ виденъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; караулъ состоитъ изъ восьми человѣкъ.

Минавновскій, или *Миновный.*—Въ одной верстѣ отъ Буковскаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; западный прилежащій постъ виденъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; караулъ состоитъ изъ шести казаковъ.

Роговицкій.—Въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Минавновскаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ, прилегающихъ постовъ не-видно; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; караулъ состоитъ изъ восьми казаковъ.

Ключевскій.—Въ 11 верстахъ отъ станицы Червленной, стоитъ на возвышеніи, на большой дорогѣ, въ $2^1/_2$ верстахъ

отъ берега Терека; съ онаго поста во всѣ стороны открыто. Сей постъ квадратный, каждая сторона въ 20 сажень: постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри поста караульный сарай и сакля для офицера—турлучные; караулъ состоитъ при офицерѣ изъ 20 казаковъ. При воротахъ онаго поста лежитъ, на двухъ полѣнахъ, чугунная пушка, чтобъ въ случаѣ тревоги сдѣлать выстрѣлъ, при коей имѣются три заряда; также у поста стоитъ сигнальная вѣха.

Банный.—Въ 3-хъ верстахъ отъ Роговицкаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; прилежащій восточный постъ виденъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; караулъ изъ шести казаковъ; при посту сигнальная вѣха и въ лѣтнее время бываетъ резервъ изъ 40 человѣкъ регулярной пѣхоты.

Яхтинскій.—Въ одной верстѣ отъ Баннаго, стоитъ на берегу, съ западной стороны окруженъ лѣсомъ, а къ востоку камышемъ; западный прилежащій постъ виденъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; караулъ изъ шести казаковъ. Ниже сего поста бываютъ броды съ октября по мартъ мѣсяцъ.

Монастырскій.—Въ $1^1/_2$ верстѣ отъ Яхтинскаго, стоитъ на берегу Терека, съ запада окруженъ лѣсомъ, а съ востока камышемъ, чрезъ который прилежащій постъ открытъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; караулъ изъ шести казаковъ. Ниже сего поста бываетъ бродъ съ октября по мартъ мѣсяцъ и далѣе.

Растяжной.—Въ $1^1/_2$ верстахъ отъ Монастырскаго, стоитъ на берегу Терека, неподалеку отъ дороги, на открытомъ мѣстѣ; западный постъ открытъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри укрѣпленія для караула турлучный балаганъ; караулъ состоитъ изъ шести казаковъ. Ниже сего поста бываетъ бродъ въ октябрѣ и мартѣ мѣсяцахъ и далѣе.

Антиповскій.—Въ 2-хъ верстахъ отъ Растяжного, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; съ поста станица Шадринская открыта; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри для караульныхъ казаковъ навѣсъ на четырехъ столбахъ; караулъ состоитъ изъ четырехъ казаковъ; ниже сего поста имѣется бродъ съ октября до марта мѣсяца и далѣе. Между Антиповскимъ постомъ и станицей Шадринской, въ лѣсу, стоитъ резервъ изъ сорока казаковъ при офицерѣ, а въ лѣтнее время присоединяется орудіе и всего сто десять казаковъ при трехъ офицерахъ.

2. Станица Шадринская.

Въ 19-ти верстахъ отъ Червленной, на самомъ берегу Терека; жителей въ сей станицѣ мужскаго пола 503 и женскаго 519 душъ; грунтъ земли въ станицѣ ило-песковатый и частію солонцоватый, въ окрестности же вообще ило-песковатый; станица построена по плану: улицы всѣ прямыя, паралельныя между собою и пропорціональной величины; на срединѣ станицы площадь; строенія всѣ вообще деревянныя, покрыты камышемъ; жители оной станицы всѣ безъ исключенія старообрядцы, имѣютъ для отправленія молитвъ часовню, вмѣсто священника исправляетъ службу избранный изъ самихъ себя казакъ, который именуется наставникомъ. Главная промышленность жителей состоитъ въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ, рыбной ловлѣ и садоводствѣ; первые три промысла едва достаточны жителямъ для пропитанія самихъ себя, послѣднимъ тщательнѣе занимаются, да и почва земли способствуетъ, отъ котораго ежегодно получаютъ краснаго вина до 91.600 ведеръ, которое большею частью продаютъ, на сумму до 50.000 рублей. Дача Шадринской станицы лѣсомъ изобильнѣе всѣхъ станицъ для мелкихъ домашнихъ построекъ; луговъ вовсе недостаточно и большею частью покупаютъ луговыя мѣста у зарѣчныхъ

жителей. Станица отъ набѣговъ хищниковъ, съ трехъ сторонъ, укрѣплена плетнемъ и обрыта канавой, четвертая же сторона станицы—берегъ Терека; и съ караульными турлучными будками, при коихъ часовые. При станицѣ имѣется запасный хлѣбный магазинъ, въ который собирается съ жителей во время урожая и раздается въ случаѣ неурожайнаго года, въ коемъ нынѣ хранится 36 четвертей въ зернѣ. Такъ какъ станица сія построена на самомъ берегу Терека, то во время прибыли воды въ ономъ, таковая выступаетъ изъ береговъ даже и въ станицу, по причинѣ низменнаго горизонта всего пространства лѣваго берега Терека противъ русла рѣки; для сего сдѣланы по берегу фашиныя укрѣпленія, дабы разлитіе воды не могло причинить вреда станицѣ. Противъ станицы, при впаденіи рѣки Сунжи, въ 3-хъ верстахъ, находится чеченскій аулъ Брагунскій. Между Шадринской станицей и Казіортскимъ шанцемъ находится двѣнадцать извѣстныхъ бродовъ, гдѣ хищники всегда имѣютъ переправу.

Отъ станицы Шадринской внизъ по Тереку Кордонные посты:

Сунженскій.—Въ $3^1/_2$ верстахъ отъ станицы, стоитъ на берегу Терека, противъ впаденія Сунжи въ Терекъ; окруженъ лѣсомъ; прилежащій восточный постъ виденъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; на посту караульная сакля турлучная; караулъ состоитъ изъ пяти человѣкъ. Противъ поста, при впаденіи Сунжи въ Терекъ, аулъ Джавгаръ-юртъ.

Ищорскій.—Въ $1^1/_2$ верстахъ отъ Сунженскаго, стоитъ на берегу Терека у самой воды; окруженъ со всѣхъ сторонъ лѣсомъ; укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри турлучная сакля; караулъ состоитъ изъ пяти казаковъ.

Крыушинскій.—Въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Ищерскаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ, прилегающій постъ не виденъ; укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой;

внутри поста караульная сакля турлучная; караулъ изъ шести казаковъ.

Лопатинскій.—Въ $3^1/_2$ верстахъ отъ Крыушинскаго, стоитъ на берегу Терека, около военнаго поселенія женатыхъ солдатъ 43 егерскяго полка; напротивъ онаго поста, на правомъ берегу Терека, укрѣпленіе Амиръ-Аджи-Юртовское, къ которому переправа на семи паромахъ, изъ коихъ четыре казенныхъ, а три станицы Шадринской. Постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри для караульныхъ казаковъ камышевый балаганъ; караулъ состоитъ изъ 15-ти казаковъ при офицерѣ и 20 человѣкъ рабочихъ казаковъ при паромахъ.

Лафетный.—Въ $4^1/_2$ верстахъ отъ Лопатинскаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ камышемъ и лѣсомъ; укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри для караульныхъ казаковъ камышевый балаганъ; караулъ состоитъ изъ восьми казаковъ.

Сухой.—Въ $9^1/_2$ верстахъ отъ станицы Шадринской, стоитъ на большой дорогѣ, на открытомъ мѣстѣ, отъ Терека въ 4-хъ верстахъ, весь промежутокъ между Терекомъ и постомъ покрытъ крупнымъ лѣсомъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри для караульныхъ казаковъ и офицера камышевый шалашъ; караулъ состоитъ при оберъ-офицерѣ изъ десяти человѣкъ, у поста имѣется чугунная пушка на двухъ брусьяхъ, чтобы въ случаѣ тревоги сдѣлать выстрѣлъ; также у поста стоитъ сигнальная вѣха.

Новоучрежденный.—Въ 3-хъ верстахъ отъ Сухого поста; стоитъ на большой дорогѣ, на открытомъ мѣстѣ; прилегающій постъ и деревню Парубочеву видно; оный постъ отъ Терека въ 4-хъ верстахъ; въ промежуткѣ между Терекомъ и постомъ находится крупный лѣсъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри камышевый балаганъ; караулъ состоитъ изъ десяти казаковъ при урядникѣ.

Ивановскій.—Въ 6-ти верстахъ отъ Лафетнаго поста, отъ Парубочевой деревни въ 3-хъ верстахъ, стоитъ на берегу Терека, окруженъ крупнымъ кустарникомъ; около онаго поста въ 50 сажняхъ бывшая крѣпость Ивановская; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; для караульныхъ казаковъ турлучная сакля; караулъ состоитъ изъ семи казаковъ.

3. Селеніе Шелкозаводское*).

Въ 3-хъ верстахъ отъ деревни Парубочевой, стоитъ на берегу Терека; принадлежитъ генералъ-маіоршѣ Хастатовой и частію состоитъ изъ государственныхъ крестьянъ, армянъ и грузинъ; въ ономъ селеніи двѣ церкви, греко-россійская и армянская, обѣ деревянныя; одинъ спиртокурительный заводъ помѣщицы Хастатовой. Жители промышленность имѣютъ въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ и садоводствѣ, послѣднимъ тщательно занимаются. Помѣщица Хастатова ежегодно получаетъ краснаго вина болѣе 6,000 ведеръ; въ спирто-курительномъ заводѣ выгоняетъ виноградной водки болѣе 700 ведеръ. Въ ономъ селеніи казенныхъ крестьянъ: армянъ мужскаго пола 426, женскаго 133, грузинъ мужскаго 106, женскаго 92; помѣщицы Хастатовой, мужскаго пола 88 и женскаго 87 душъ. Помѣщицѣ принадлежитъ земли удобной 1468 десятинъ $991^2/_3$ квадратныхъ саженъ; неудобной 42 десятины $365^1/_3$ саженъ, подъ деревнею и садами 39 десятинъ 2.286 квадратныхъ саженъ, всего удобной и неудобной 1.550 десятинъ 1.243 саженъ. У казенныхъ удобной земли 7.629 десятинъ $2.027^2/_3$ квадратныхъ саж., неудобной 48 десятинъ $743^1/_3$ саж., а всего 7.678 де-

*) Во время составленія настоящаго описанія селеніе Шелкозаводское, равно и сосѣдняя съ нимъ деревня Парубочевская, были уже отчислены въ казачье вѣдомство, но, какъ видно, распоряженіе это не было еще приведено въ исполненіе.

сятинъ 371 саж. На правой сторонѣ Терека, противъ сего селенія, на берегу чеченскій аулъ Акбулатъ-Юртъ.

Постъ Альбекскій, или *Болотный.*—Въ 6-ти верстахъ отъ Новоучрежденнаго поста, стоитъ на большой дорогѣ, на открытомъ мѣстѣ, отъ Терека въ $4^1/_2$ верстахъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри для караульныхъ казаковъ сакля турлучная; караулъ при урядникѣ изъ 10-ти казаковъ.

4. Станица Новогладковская.

Въ $22^1/_2$ верстахъ отъ Шадринской, была построена на самомъ берегу Терека; въ 1821 году, отъ сильнаго обмытія берега водой, жители должны были перенести строенія нѣсколько подальше отъ берега, гдѣ нынѣ и находится. Жителей въ станицѣ считается мужскаго пола 304 и женскаго 329 душъ. Грунтъ земли въ станицѣ илопесковатый, равно и въ окрестности таковой же. Станица построена по плану: улицы прямыя и паралельныя, по срединѣ станицы площадь. Станица стоитъ въ лѣсу, но жители стараются понемногу очищать около оной, дабы не могли хищники причинять вреда изъ лѣсу. Жители оной станицы всѣ старообрядцы и имѣютъ для отправленія молитвъ уставщика, выбраннаго изъ самихъ себя. Главный промыселъ въ станицѣ состоитъ въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ, пчеловодствѣ, рыболовствѣ и въ садоводствѣ; послѣднимъ тщательнѣе занимаются, отъ котораго ежегодно получаютъ краснаго вина до 6.000 ведеръ, изъ коего продается на сумму до 4.000 рублей. Въ дачѣ сей станицы лѣсу изобильно, хотя строевого не имѣется, но для мелкихъ домашнихъ построекъ годенъ; луговъ недостаточно. Въ сей станицѣ жительство имѣютъ грузины, кои нынѣ зачислены въ казачье сословіе, коихъ мужскаго пола 39, женскаго 24; грузины

имѣютъ церковь деревянную около станицы. Станица отъ набѣговъ хищниковъ укрѣплена кругомъ плетнемъ, трое выѣздныхъ воротъ, при коихъ караульня, плетневыя будки и рогатки.

Отъ станицы Новогладковской внизъ по Тереку кордонные посты:

Тележный или *Коровкинъ.*—Въ трехъ верстахъ отъ станицы, стоитъ на берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри караульный балаганъ турлучный, караулъ состоитъ изъ шести казаковъ.

Верхній Протоцкій.—Въ двухъ верстахъ отъ Тележнаго поста, стоитъ на самомъ берегу Терека, окруженъ лѣсомъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри турлучная сакля; караулъ состоитъ изъ шести казаковъ.

Татаринскій.—Въ пяти верстахъ отъ станицы Новогладковской, стоитъ на большой дорогѣ, на открытомъ мѣстѣ; укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри караульная турлучная сакля; караулъ состоитъ изъ шести казаковъ.

Нижній Протоцкій.—Въ двухъ верстахъ отъ Верхне-Протоцкаго, стоитъ на берегу Терека, окруженъ съ восточной и западной стороны лѣсомъ, а къ сѣверу Татаринскій постъ виденъ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри караульная турлучная сакля; караулъ состоитъ изъ шести казаковъ.

Акаевскій или *Кобелевскій.*—Въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Нижне-Протоцкаго поста, стоитъ на берегу Терека, на открытомъ мѣстѣ; постъ укрѣпленъ двойнымъ плетнемъ и обрытъ канавой; внутри турлучная сакля; караулъ состоитъ изъ шести человѣкъ; противолежащій берегъ покрытъ рѣдкимъ лѣсомъ.

Гараевскій.—Въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Акаевскаго поста, стоитъ на берегу Терека между лѣсомъ; противолежащій берегъ мѣстами въ лѣсу и камышѣ; постъ укрѣпленъ двойнымъ

плетнемъ и обрытъ канавой; внутри турлучная сакля для караульныхъ казаковъ, караулъ состоитъ изъ шести казаковъ.

5. Станица Старогладковская.

Въ 15-ти верстахъ отъ Новогладковской, построена была на самомъ берегу Терека, но сильнымъ стремленіемъ Терека начало берегъ станицы подмывать и многія строенія обрушились въ воду, то за нужное почли въ 1813 году съ онаго мѣста передти подалѣе отъ берега и поселиться на нынѣшнее мѣсто, которое отстоитъ отъ берега въ одной верстѣ. Жителей въ станицѣ мужскаго пола 372 и женскаго 395; вѣроисповѣданія старообрядческаго, имѣетъ часовню, службу отправляетъ казакъ, выбранный изъ своего общества, который называется уставщикомъ. Грунтъ земли вообще ило-песковатый. Станица построена по плану: улицы прямыя и паралельныя, на срединѣ площадь, строенія вообще деревянныя, крыты камышемъ. Станица отъ набѣговъ хищниковъ укрѣплена кругомъ плетнемъ и обрыта канавой. Около станицы находится греко-россійская церковь, которая нынѣ оставлена, по причинѣ, что жители всѣ перешли въ старообрядческую секту. Главный промыселъ сей станицы состоитъ въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ и садоводствѣ; отъ хлѣбопашества получаютъ весьма мало хлѣба, котораго недостаточно для прокормленія самихъ себя и большею частью покупоютъ хлѣбъ; отъ садоводства же получаютъ ежегодно краснаго вина до 10.000 ведеръ, изъ коего продаютъ на сумму около 8.000 рублей. Въ дачѣ сей станицы лѣсу достаточно, но строевого не имѣется, годенъ для мелкихъ домашнихъ построекъ; луговъ не достаточно. Станица имѣетъ двое выѣздныхъ воротъ съ рогатками, при коихъ ночью бываетъ по три человѣка часовыхъ, а днемъ по одному. Отъ наводненія Терека при берегахъ у станицы сдѣлано фашинное береговое укрѣпленіе. При станицѣ имѣется

запасный хлѣбный магазинъ, въ который при урожаѣ собирается съ жителей по четыре гарнца съ души и раздается при неурожайномъ годѣ, въ коемъ хранится ржи 150 четвертей.

Отъ станицы Старогладковской внизъ по Тереку кордонный постъ:

Маячный или *Щербаковскій.*—Въ $3^1/_2$ верстахъ отъ станицы, стоитъ на дорогѣ, на открытомъ мѣстѣ, отъ Терека въ двухъ верстахъ; промежутокъ покрытъ лѣсомъ; постъ укрѣпленъ однимъ плетнемъ; внутри караульная сакля турлучная; караулъ состоитъ изъ шести казаковъ.

6. Станица Курдюковская.

Въ $6^1/_2$ верстахъ отъ Старогладковской, построена была на самомъ берегу Терека; по случаю пожара въ 1812 году, переселена на нынѣшнее мѣсто, которая стоитъ отъ Терека въ 2-хъ верстахъ. Жителей считается въ сей станицѣ мужскаго пола 268, женскаго 229 душъ, кои всѣ старообрядцы и имеютъ часовню, въ коей отправляетъ службу казакъ, именуемый уставщикомъ. Грунтъ земли вообще ило-песковатый, станица построена безъ плану, улицы узкія и грязныя. Станица отъ набѣговъ хищниковъ укрѣплена плетнемъ и обрыта канавой; строенія всѣ вообще деревянныя, покрыты камышемъ; изъ станицы двое выѣздныхъ воротъ съ шлагбаумами и караульными будками; ночью при воротахъ по 3 человѣка часовыхъ, а днемъ по одному. Главный промыселъ состоитъ въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ, частью рыбной ловлѣ и въ садоводствѣ; первые промыслы малозначущи и недостаточны для содержанія самихъ себя, а въ послѣднемъ тщательнѣе занимаются, по причинѣ способствующаго грунта земли, отъ котораго ежегодно получаютъ краснаго вина 40.000 ведеръ и продается изъ онаго ежегодно на сумму болѣе 6.000 рублей. Въ

дачѣ сей станицы хотя и есть по берегу лѣсъ, но оный годенъ только для отопки; для постройки же покупаютъ у заречныхъ жителей; луговъ недостаточно даже для прокормленія строевыхъ лошадей, а по недостатку покупаютъ луга у зарѣчныхъ жителей. Въ станицѣ имѣется запасный хлѣбный магазинъ; хлѣбъ, собираемый съ жителей при урожайномъ времени, съ души по четыре гарнца, раздается онымъ же въ случаѣ неурожая; въ магазинѣ хранится нынѣ хлѣба въ зернѣ 23 четверти. Берегъ противъ станицы отъ наводненія укрѣпленъ фашинною плотиною, дабы во время прибыли воды не затопило станицу, по случаю возвышенности русла рѣки Терека противъ горизонта станицы и вообще всего берега.

Матеріалы и источники.

При составленіи настоящей книги служили пособіями слѣдующія печатныя произведенія:

1. *Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ.* Историческій очеркъ. Соч. Ивана *Попко.* Выпускъ I-й. Гребенское войско. Со вступительнымъ очеркомъ, примѣчаніями, приложеніями. С.-Пет. 1880 г.

2. *Очеркъ о началѣ Терскаго казачьяго войска.* Составленъ *Кравцовымъ.* Харьковъ. 1882 г.

3. *Можно-ли считать рѣшеннымъ вопросъ о началѣ Терскаго казачества.* (Историческая замѣтка) *М. А. Караулова.* Оттискъ статьи, помѣщенной въ №№ 51, 52 и 53 «Терскихъ Вѣдомостей» за 1906 г.

4. *Памятка 1-го Волгскаго полка Терскаго казачьяго войска.* Составлена Полковникомъ *Ржевускимъ* и Сотникомъ *Фисенко.* Хотинъ 1899 г.

5. *Казачьи войска.* Опытъ Военно-Статистическаго описанія. Составилъ генеральнаго штаба полковникъ *Хорошкинъ.* С.-Петерб. 1884 г.

6. *Очеркъ казачьихъ войскъ.* Составилъ Михаилъ *Хорошкинъ.* С.-Пет. 1884 г.

7. *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.* Сочиненіе Сергѣя *Соловьева.* Изд 5-е. Москва 1889 г. (т.т. 5, 6, 7, 8 и 9).

8. *Терскій календарь на 1911 г.* Изд. Терскаго Областного Статистическаго Комитета, подъ редакціею *М. I. Караулова.* Выпускъ 20-й. Владикавказъ. 1910 г.

9. *Энциклопедическій Словарь Брокзауза* и *Ефрона* т. т. 18, 20, 64 и 65.

10 *Терскій Сборникъ* Изданіе Терскаго Областного Статистическаго Комитета, подъ редакціею *Г. А. Вертепова.* Выпускъ IV-й. Владикавказъ 1887 г.

11. *Хронологическое показаніе* достопримѣчательныхъ событій въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ и важнѣйшихъ постановленій правительства, относящихся къ этому краю, вновь исправленныхъ и дополненыхъ.

12. *Потто. Записки о Степной войнѣ.*

13. *Терцы.* Сборникъ историческихъ, бытовыхъ и географическихъ статистическихъ свѣдѣній о Терскомъ казачьемъ войскѣ. Сост. Войсковой Старшина *А. Ржевускій.* Влад. 1888 г.

14. *Записки Алексѣя Петровича Ермолова.* Съ приложеніями. Изданіе Н. П. Ермолова. Часть II. 1816—1827 г.г. Москва. 1868 г.

15. *Кавказская война* въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. *В. Потто.* Т. 5 й. Тифл. 1889 г.

16. *Обзоръ войнъ Россіи* отъ Петра Великаго до нашихъ дней, составленный генералъ-лейтенантами: Дубровинымъ, Куропаткинымъ, Гудимомъ-Левковичемъ, Сухотинымъ и Пузыревскимъ, подъ общею редакціею генерала-отъ-инфантеріи *Левера.* Часть IV-я. Книга 2-я. С.-Пет. 1896 г.

17. *Шамиль на Кавказѣ и въ Россіи.* Біографическій очеркъ. Составила *М. Н. Чичагова.* С.-Пет. 1889 г.

18. *Восточная война 1853—1856 годовъ.* Сочиненіе члена Императорскаго историческаго общества генералъ-лейтенанта *М. И. Богдановича.* Изд. 2-е. Томы II и IV-й. С.-Пет. 1877 г.

19. *Гребенцы въ пѣсняхъ.* Сборникъ старинныхъ, бытовыхъ, любовныхъ, обрядовыхъ и скоморошныхъ пѣсенъ гребен-

скихъ казаковъ съ краткимъ очеркомъ Гребенского Войска. Собралъ подхорунжій 1-го Кизляро-Гребенского полка Ф. С. Панкратовъ. Владикавказъ. 1895 г.

20. *Красноводскій отрядъ.* Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ Каспійскаго моря по 1873 г. включительно. *Маркозова.* Изд. 2-е, дополненное. С.-Пет. 1898 г.

21. *Воспоминанія о жизни и боевой дѣятельности Кизляро-Гребенского казачьяго полка*, со дня сформированія его по 1879 г. Войскового Старшины Тимофея *Астахова.* Владикавказъ. 1891 г.

22. *Война 1877 и 1878 г.г.* Томъ III-й. Война въ Азіатской Турціи. Съ картою, планами и рисунками. Издано подъ редакціею генералъ-маіора *Зыкова.* Выпускъ I-й. С.-Петерб. 1882 г.

23. *Дѣло 2 октября 1877 года. А. Ржевускаго.* Статья въ №№ 8 и 12-мъ Владикавказской газеты «Казачья Недѣля» отъ 12 и 31 декабря 1906 г.

24. *Набѣгъ коннаго отряда ген. Мищенко* въ маѣ 1905 г. на Факумынь-Синминтинъ. Сотника *В. Скороходова.* «Казачья Недѣля» 1907 г. №№ 4, 5, 6, 7, 8.

25 *Труды Червленскихъ Съѣздовъ* 1905—1906 г.г. Владикавказъ 1906 г.

26. «*Кавказскій Сборникъ*, журналъ издаваемый съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія по указанію ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА въ бытность ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Главноломандующимъ Кавказской арміею». Подъ редакціею Генералъ-Лейтенанта Чернявскаго. 24 тома.

27. *Гребенцы.* Изъ замѣтокъ и воспоминаній гребенца. *К.* (П. Т. Кулебякина). Отд. отт. изъ газ. «Терск. Вѣдом.».

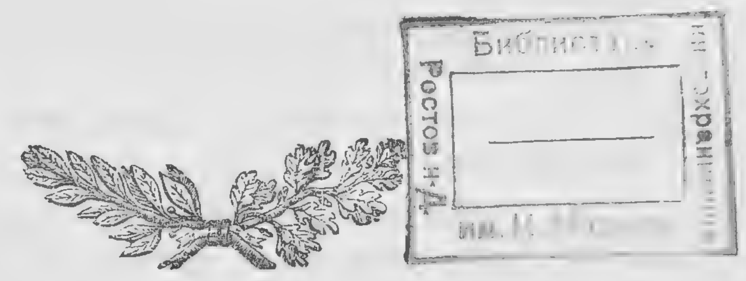
28. *Матеріалы для новой исторіи Кавказа* съ 1722 года по 1803 годъ. *П. Г. Буткова.* 3 тома.

29. *Сношенія Россіи съ Кавказомъ.* Матеріалы, извлеченные изъ Московскаго Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ. *С. Ал. Бѣлокуровъ.* Вып. 1-й. Москва 1889 г.

Кромѣ того, имѣлась въ виду очень интересная книжка воспоминаній г. *Горюнова* (князя Гагарина), перваго офицера Гребенского полка, по назначенію отъ правительства (1845—47 г.г.), и бывшаго единственнымъ въ то время въ полку, получившимъ военное образованіе.

Матеріалы не печатные:

Воспоминанія, почерпнутыя отъ старыхъ казаковъ, станичныя преданія и разсказы, слышанные въ дѣтствѣ, рукописный сборникъ пѣсенъ и стихотвореній казака станицы Червленной Андрюнькина, собственные рукописные матеріалы и источники и мои же рукописныя книги (монографіи) о ст. Старогладковской и ст. Червленной.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ І-й.

Краткая исторія Гребенского, Терскаго и Кизлярскаго войска.

Отдѣлъ II-й.

Дѣла и подвиги Гребенскихъ казаковъ.

Отдѣльные разсказы.

Страницы.

Гребенскія женщины.

Русскіе бѣглецы на сторонѣ чеченцевъ.

Историческія пѣсни гребенскихъ казаковъ.

А. Старинныя.

а) Мужскія.

Страницы.

б) Женскія.

в) Колядныя.

В. Болѣе новыя.

а) Линейскія.

б) Чисто-Гребенскія.

Отдѣлъ III-й.

Прибавленіе.

Страницы.

Цѣна 1 р. 90 к.